Б. В. МЕЛЬГУНОВ

НЕКРАСОВ И БЕЛИНСКИЙ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»

(ХРОНИКА, ГИПОТЕЗЫ, НАХОДКИ)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Б. В. МЕЛЬГУНОВ

НЕКРАСОВ И БЕЛИНСКИЙ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»

(ХРОНИКА, ГИПОТЕЗЫ, НАХОДКИ)

Ответственный редактор
Ф. Я. Прийма

Рецензент
М. Д. Эльзон

«ВЕЛЕНЬ»
Санкт-Петербург
1995

М48
ББК 84 Р1

В книге впервые предпринята попытка подробно осветить историю сотрудничества Н. А. Некрасова и В. Г. Белинского в «Литературной газете» 1840—1845 годов, историю личного и творческого их сближения. Благодаря архивным и историко-литературным разысканиям автора существенно пополняется и уточняется корпус журнальных выступлений Некрасова и Белинского.

Книга адресована специалистам по творчеству Белинского и Некрасова и истории русской журналистики, вообще русской литературы первой половины XIX века, преподавателям вузов, студентам филологических факультетов и студентам-журналистам, всем, интересующимся историей русской литературы.

М $\frac{4603020101-00}{042(02)-92}$ 00-92(II)

ISBN 5-85817-009-9

ВВЕДЕНИЕ

Известный водевилист и театральный критик Федор Алексеевич Кони созвал петербургских литераторов, журналистов, артистов и музыкантов — всего около 40 человек — на торжественный обед, посвященный выпуску первого номера нового журнала «Пантеон русского и всех европейских театров». Было это 21 января 1840 года.[1] Издавал журнал В. П. Поляков, книгопродавец, ответственный редактор — Кони. На обеде, как вспоминает один из гостей, были Н. В. Кукольник, Е. Ф. Розен, А. Н. Струговщиков, В. А. и П. А. Каратыгины, П. Г. Григорьев, Д. Ю. Струйский, а «из журнальных критиков — представители двух крайних противоположных направлений: Вис. Григ. Белинский и Фад. Вен. Булгарин. Находились тут какие-то еще молодые будущие, вероятно, сотрудники...»[2]

Булгарин, давший «на зубок» новорожденному журналу свои «Театральные воспоминания...», произнес застольную речь, которая кончалась такими стихами:

Друзья, родителей поздравим
И окропим мы «Пантеон».
К вину желание добавим,
Чтоб, как вино, был сладок он.

Чтобы, радея о родимых,
Он денежки умел копить
И чтоб друзей своих любимых
Он приглашал поесть, попить.

---

[1] См. пригласительный билет: ИРЛИ, ф.134, оп.5, ед. хр.140.

[2] *Арнольд Юрий.* Воспоминания. М., 1892. Вып.2. С.176.

Он толст и свеж и крепок в теле,
Его и черт не загрызет;
И где уж только Кони в деле,
То, верно, славно повезет.[3]

Среди безымянных молодых сотрудников, упомянутых Арнольдом, присутствовал, очевидно, на этом обеде и Некрасов, исполнявший в редакции «Пантеона» обязанности корректора.[4] Скоро он зарекомендовал себя как полезный и весьма разносторонний литературный работник. В течение 1840 года в «Пантеоне» были напечатаны его юмористическое стихотворное обозрение «Провинциальный подьячий в Петербурге» (№ 2, 3, 7), лирические стихотворения «Мелодия», «Наш век» (№ 3), «Офелия» (№ 5), «Слезы разлуки» (№ 9), «К ней!!!» (№ 10) и «Скорбь и слезы» (№ 11), повести «Макар Осипович Случайный» (№ 5), «Без вести пропавший пиита» (№ 9), «Певица» (№ 11).

С начала того же 1840 года в самостоятельное издание были преобразованы «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду"», издававшиеся во второй половине 30-х годов А. А. Краевским. Теперь это издание получило название «Литературная газета» (она просуществовала до 1848 года).

Лучший ее период — первая половина 40-х годов, когда здесь сотрудничали А. В. Кольцов, М. Ю. Лермонтов, В. Ф. Одоевский, В. И. Даль, В. Г. Белинский, Н. А. Некрасов, И. И. Панаев, Д. В. Григорович и многие другие писатели, имена которых обычно связывают с историко-литературным понятием *натуральная школа*.

В течение шести лет (1840—1845) литературно-общественная позиция «Литературной газеты» прямо или опосредованно определялась Виссарионом Григорьевичем Белинским, участвовавшим в критико-библиографическом и публицистическом («Смесь») отделах этого издания. Можно сказать без преувеличения, что постоянным и наиболее последовательным союзником Белинского в «Литературной газете» был Николай Алексеевич Некрасов,[5] один из наиболее активных ее сотрудников.

Представления о работе Некрасова в «Литературной газете» складываются главным образом на основе изучения его журнальных выступлений 1844—1845 годов, наиболее плодотворного периода в досовременниковской журнальной практике Некрасова.

---

[3] ИРЛИ, ф.134, оп.5, ед. хр.154. Л.1. Ср.: *Кони Ф.* Журналистика. Литературная газета, 1843. 9 мая. № 18. С.365.

[4] *См.: Белоголовый Н.А.* Граф Михаил Тариэлович Лорис-Меликов//Русская старина. 1889. № 9. С.599.

[5] О знакомстве Некрасова с Белинским и их совместной работе над альманахами *натуральной школы* мне приходилось уже писать в книге «Некрасов-журналист» (Л., 1989).

Что же касается начала 40-х годов, то приходится признать, что этот период деятельности Некрасова-журналиста изучен пока чрезвычайно мало. Каков творческий вклад Некрасова в «Литературную газету» этого времени? Какова его роль в формировании и выражении общественной позиции этого печатного органа, как менялся «статус» Некрасова-журналиста в эти годы?

Сохранившиеся свидетельства самого Некрасова на этот счет так скудны и неточны, что даже в общих чертах не могут прояснить эти вопросы. Вспоминая первые годы своей литературной деятельности, Некрасов писал: «В несколько лет исполнил до двухсот печатных листов журнальной работы; принялся за нее почти с первых дней прибытия в Петербург. В „Инвалиде", в „Литературных прибавлениях к «Инвалиду»", в „Литературной газете", в „Пантеоне" и т. д.».[6] Из этих «двухсот... листов» нам известна лишь небольшая часть журнальной работы Некрасова. В фундаментальном исследовании В. Е. Евгеньева-Максимова «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова» (М.; Л., 1947. Т.1), наиболее глубоко анализирующем творческий путь Некрасова, за недостатком материала вместо истории сотрудничества в «Литературной газете» дан анализ конфликта Некрасова с Кони в 1841 году. Между тем начало 40-х годов — время интенсивной журнальной учебы Некрасова. С начала 1844 года он становится фактическим руководителем «Литературной газеты». Попытаюсь — прежде всего на основе изучения самой газеты интересующего нас периода — ответить на поставленные выше вопросы.

К концу первого года существования «Литературной газеты» ее владелец и редактор Краевский следующим образом объяснил возникновение этого издания: «„Литературная газета", прежде издававшаяся мною под названием «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду"», составляла до 1839 года отдельное самобытное издание, не соединенное ни с каким другим журналом. Но в прошлом году, предприняв издание „Отечественных записок" и продолжая издавать по-прежнему «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду"», я по необходимости должен был сделать их газетою вспомогательною при моем большом журнале. Естественно, газета должна была утратить свою самостоятельность, сделавшись отголоском того, что говорилось в «Отечественных записках», так что в 1839 году, равно как в 1840, в русской литературе было два издания, имевшие одинаковое направление, одинакую цель и, так сказать, одинакий цвет».[7]

Реальный смысл этой «стратагемы» редактора «Отечественных записок» заключался, по-видимому, в том, что он получал орган

[6] *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М.; Л., 1948—1953. Т.12. С.23. Далее в тексте это издание обозначается шифром Н12 (в данном случае: Н12, 12, 23).

[7] Литературная газета. 1840. 25 сентября. № 77. Стб.1756.

«быстрого реагирования» на недружественные выходки булгаринской «Северной пчелы» и вновь образованного «Маяка», который не скрывал свою враждебность к направлению «Отечественных записок».

Литературно-общественная позиция нового издания Краевского была сформулирована Белинским в рецензии на альманах «Утренняя заря» (СПб., 1840), открывавшей критико-библиографический отдел первого номера газеты: «Мы будем избегать длинных повестей и статей, которые надобно было бы разрывать на многие нумера, как это делают *все* французские и немецкие газеты, и через это вредить их занимательности, но станем выбирать такие повести, рассказы, статьи, которые дышат современным живым интересом, запечатлены какою-нибудь резкою характеристическою чертою. По той же самой причине читатели не увидят в листках наших *много* стихотворений, и мы просим покорнейше гг. доброхотных поэтов (уж эти нам поэты!) не беспокоиться присылать к нам произведений своих, от которых редакции „Литературных прибавлений" в прошлых годах, признаемся откровенно,— отбоя не было; но не отказываемся печатать такие стихи, которые запечатлены талантом неподдельным и в особенности такие, которые, при этом условии, имеют интерес современный».[8]

Участие Белинского в новой газете не ограничивалось в 1840 году одной этой статьей, задававшей тон изданию. Кроме указанной рецензии, в «Литературной газете» этого года ему принадлежит еще несколько рецензий: на книгу Л. В. Бранта «Петербургские критики и русские писатели» (№ 12 от 10 февраля), на журнал «Репертуар русского театра» (№ 17, 28 февраля), на роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и «Римские элегии» Гете в переводе А. Н. Струговщикова (№ 42 от 25 мая), фельетон «Журналистика» (№ 43, 29 мая).

В течение января—июля 1840 года Белинский напечатал в «Литературной газете» шесть обозрений под рубрикой «Александринский театр» (№ 4, 8, 10, 45, 55, 61), лишь однажды уступив эту рубрику (в № 15 от 21 февраля) М. П. Сорокину. Мне уже приходилось писать[9] о причастности Белинского к замыслу и публикации в газете цикла сатирических очерков И. И. Панаева «Портретная галерея». После публикации двух последних очерков этого цикла в № 7 и 8 «Литературной газеты» Белинский не без гордости писал В. П. Боткину: «Портрет Панаева и все выходки в „Литературной газете" против Греча производят сильный эффект — он рвет волосы

[8] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В XIII т. М., 1953—1959. Т. III. С.380—381. Далее в тексте это издание обозначается шифром Б (в данном случае — Б, III, 380—381).

[9] См.: *Мельгунов Б. В.* Некрасов — журналист. Л., 1989. С.27.

и неистовствует. Но если бы ты знал, чего, какой борьбы, каких усилий стоят нам эти выходки!» (Б, XI, 505).

В другом письме к тому же адресату (от 20 февраля 1840 года) критик извещал об усилении борьбы с другим своим идейно-нравственным противником: «Полевой сделался гнуснее Булгарина. Это человек, готовый на все гнусное и мерзкое, ядовитая гадина, для раздавления которой я обрекаю себя, как на служение истине. Стрелы мои доходят до него, и он бесится. Во 2 № „Отечественных записок" я его опять отделал. В „Литературной газете" тоже не даю ему покоя» (Б, XI, 451).

Критик имеет в виду свою рецензию на два первых номера журнала «Репертуар русского театра», где были напечатаны «Мои воспоминания о русском театре» Н. А. Полевого, привлекшие пристрастное внимание Белинского. Эта рецензия была напечатана в № 17 «Литературной газеты» от 28 января 1840 года.

Белинский и Краевский умело использовали то, что Санкт-Петербургский цензурный комитет поручил надзор за двумя изданиями Краевского разным чиновникам. Так, стихотворение М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно», не пропущенное для публикации в «Отечественных записках», было напечатано в № 6 «Литературной газеты» от 20 января 1840 года. То же произошло со стихотворением В. И. Красова «О трубадуре Гелинанте и о прекрасной французской королеве Элеоноре», напечатанном в № 10 газеты от 3 февраля того же года. В письме к В. П. Боткину от 9 февраля 1840 года Белинский сообщал об этих фактах успешной борьбы с цензурой (Б, XI, 445).

Свой авторитет и личные знакомства в кругу московских литераторов Белинский активно использует для обеспечения материалами не только журнала, но и газеты Краевского. Через того же Боткина он добивается участия в «Литературной газете» А. Ф. Вельтмана, Н. Х. Кетчера, М. Н. Каткова и др. (Б, XI, 496, 507).

Говоря об участии Белинского в «Литературной газете» 40-х годов, следует напомнить также, что далеко не все рецензии и статьи великого критика, напечатанные здесь, к настоящему времени выявлены.[10]

Несмотря на суровое заявление Белинского, помимо М. Ю. Лермонтова, К. М. Розена, А. Я. Якубовича, Н. П. Огарева, В. И. Красова — поэтов, желанных и в самих «Отечественных записках», «Литературная газета» 1840 года печатала все же немалое количество стихов В. С. Межевича, И. В. Вуича, В. Золотницкого, В. Н. Шаховой, Ф. А. Кони, Некрасова и многих других.

[10] В XIII томе академического Полного собрания сочинений В. Г. Белинского помещено еще около десятка статей и материалов из «Литературной газеты» 1840 года, приписываемых этому критику.

В этой книге предпринимается первая попытка установить характер и степень участия Некрасова и Белинского в «Литературной газете», дать хронику творческого и личного сближения двух деятелей литературы, под сильным воздействием которых развивалась вся русская литература XIX столетия после Пушкина и Гоголя. Такая хроника дается в первой части книги, которая называется «Хроника сотрудничества». Вторая часть книги — «Эвристические опыты о Некрасове и Белинском» представляет собою ряд специальных и самостоятельных историко-литературных «расследований», связанных с работой Некрасова и Белинского в «Литературной газете» и других изданиях Краевского и Кони. Практическое участие Некрасова в них, естественно, было бóльшим по объему,— этим объясняется и большее исследовательское внимание к нему автора книги. Однако Белинский, оставаясь основным критиком и публицистом «Отечественных записок» и не имея возможности регулярно печататься в «Литературной газете», изобретательно использовал разные формы влияния на газету, ее журнальную и литературную политику. Это дает мне право вынести имена Некрасова и Белинского в название книги как равнозначные.

Посвящаю эту книгу 180-й годовщине со дня рождения В. Г. Белинского и 170-й годовщине со дня рождения Н. А. Некрасова, которые отмечаются научной общественностью в 1991 году.[11]

[11] К сожалению и по причинам от автора не зависящим предмет этого посвящения опоздал на несколько лет.— **Б.М.**

Часть I
ХРОНИКА СОТРУДНИЧЕСТВА

Глава первая

ГОД 1840-й. НАЧАЛО

С самых первых месяцев года «Литературная газета», в которой, как известно, сотрудничали Некрасов и Белинский, выходила за подписью Краевского, однако неофициальным ее редактором был В. С. Межевич. Кто же такой Межевич? Бойкий журналист и поэт, товарищ Белинского по Московскому университету, сотрудничавший с ним еще в «Телескопе» и «Молве», с 1839 года был редактором «Ведомостей санкт-петербургской городской полиции» и активно сотрудничал в изданиях Краевского — «Литературных прибавлениях...» и «Отечественных записках». В «Литературной газете» 1840 года можно встретить несколько публикаций Межевича, подписанных криптонимом «Л. Л.». Последние из них — несколько рецензий в «Библиографии» № 20 от 9 марта. Его отрицательная рецензия на сборник Некрасова «Мечты и звуки» в № 16 «Литературной газеты» от 24 февраля 1840 года анонимна, что позволяет предположить принадлежность Межевичу некоторых других рецензий и фельетонов в этом издании первой половины 1840 года.

Однако с апреля того же года Межевич, не отказываясь от участия в «Литературной газете», стал сотрудничать в булгаринской «Северной пчеле», якобы намереваясь помирить «Отечественные записки» с «Северной пчелой».[1] Межевич, вспоминал И. И. Панаев, «почти тайком ускользнул из редакции „Отечественных записок", сошелся с Булгариным, начал писать в „Пчелу", вдался в мелкую литературу».[2]

В письме к М. А. Языкову от 16 апреля 1840 года Белинский сообщал, что Межевич «кажется, душою и телом предался Полевому,

---

[1] См.: Лит. наследство. М., 1950. Т. 56. С. 143.

[2] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. Л., 1950. С. 139.

Гречу и Булгарину».— «С богом! — раздраженно резюмировал этот факт критик.— Давно бы так!» (Б, XI, 518).

Несколько месяцев Межевич сотрудничал с редактором «Северной пчелы» Булгариным, оставаясь фактическим редактором «Литературной газеты» и одним из ее критиков. Его перу принадлежит, в частности, обозрение «Михайловский театр» в № 37 газеты от 8 мая, подписанное «М-ч». Судьба издания, призванного быть «отголоском» «Отечественных записок», не могла не беспокоить Белинского и Краевского. «Межевич,— писал Белинский Н. Х. Кетчеру 16 августа 1840 года,— изленился, стал барином. „Полицейскую газету" и „Литературную газету" у него издает наборщик Анемподист, который в образованности, уме и талантах не уступит не только Межевичу, но и самому коту Мурру, но который все-таки — наборщик, отчего я в „Литературной газете" не мог без ужаса прочесть ни одной статьи своей» (Б, XI, 545).

Вскоре выяснилось, что Межевич — автор таких выходок «Северной пчелы», которым, как писал Белинский В. П. Боткину 31 октября 1840 года, «позавидовали бы и Греч с Булгариным» (Б, XI, 568).

В поисках замены Межевичу Краевский остановился на кандидатуре редактора «Пантеона» Ф. А. Кони. К этому времени уже отчетливо обозначилось не только соперничество «Пантеона» с «Репертуаром русского театра», к изданию которого был причастен сам Булгарин, но и антибулгаринская литературно-общественная позиция журнала Кони. С начала августа Кони, очевидно, стал фактическим редактором газеты Краевского. А с 17 августа 1840 года (№ 68) Краевский снял свое имя с последней полосы «Литературной газеты». В конце того же месяца в «Литературной газете» появилась заметка под названием «Куриозы». В ней говорилось: «С тех пор как Ф. А. Кони отказался от сотрудничества в „Северной пчеле",[3] эта *чересчур беспристрастная газета* не перестает преследовать его своим *беспристрастием* и разными тому подобными штучками. Вследствие этого бедный «Пантеон» тут же терпит в чужом пиру похмелье, потому что г. Кони его редактор, а *чересчур беспристрастная* газета ныне как будто отдала свое беспристрастие на откуп „Репертуару русского театра". Вот и на нынешней неделе, которой прошло только три дня, г-ну Кони досталось два раза прочесть на себя в „Северной пчеле" порывы ее беспристрастия. В первый раз *чересчур беспристрастная* газета объявила, что книгопродавец Поляков на следующий год будет издателем „Литературной газеты", а г. Кони ее редактором. Это несправедливо. Г-н Кони, действительно, принимает

[3] В 1839 г. Ф. А. Кони сотрудничал в «Северной пчеле» как театральный критик.— **Б. М.**

на себя главное распоряжение редакцией газеты, но Полякова избирает только своим комиссионером, точно так, как „Северная пчела" избрала его в комиссионеры».[4]

Вскоре стало известно, что с 1841 года будут издаваться еще несколько журналов с направлением, противным «Отечественным запискам»: «Москвитянин» под редакцией М. П. Погодина, «Русский вестник» под редакцией Н. И. Греча, Н. А. Полевого и Н. В. Кукольника и «Эконом» Булгарина. В условиях обостряющейся литературно-общественной борьбы и журнальной конкуренции, испытывая серьезные материальные затруднения, поставившие «Отечественные записки» на грань финансового краха, Краевский решился отделить «Литературную газету» от своего журнала, передав редакцию газеты в аренду Кони, которого считал надежным союзником в борьбе с консервативными изданиями. 25 сентября 1840 года владелец «Литературной газеты» опубликовал в ее 77-м номере объявление о подписке на газету следующего года.

«Предполагая, что и литература и публика выиграли бы, если б в журналистике нашей было одним мнением больше и притом, желая употребить все свое время *исключительно* на труды по изданию „Отечественных записок", я решился,— писал Краевский,— с будущего 1841 года отделить редакцию „Литературной газеты" с тем, чтоб газета сия составила издание отдельное, не зависимое от „Отечественных записок" ни по мнениям своим, ни даже по хозяйственной части. Главное заведование редакциею „Литературной газеты" принял на себя Ф. А. Кони, в распоряжение которого она и поступает со дня этого объявления. В следующие четыре месяца сего года она будет издаваться уже под его смотрением».[5]

Эта мотивировка Краевского была дополнена и уточнена В. Г. Белинским в его статье «Русская литература в 1840 году»: «Если один и тот же человек издает хоть десять журналов, эти десять равны единице, разделенной на десять частей и в десять раз разделившей силы и деятельность редактора. Одно и то же направление, один и тот же образ мыслей и взгляд на вещи только надоедают, если повторяются в нескольких изданиях» (Б, IV, 444).

К моменту перехода «Литературной газеты» в руки Кони его корректор и ближайший помощник по редакции «Пантеона» Некрасов уже приобрел не только некоторый журнальный опыт, но и известность в литературных кругах. Еще в марте 1840 года к «достопочтенному литератору» Некрасову, «покровителю новых и

---

[4] Литературная газета. 1840. 28 августа. № 69. Стб. 1565.

[5] Там же. 25 сентября. № 77. Стб. 1756. См. также: 21 декабря. № 102. Стб. 2348—2349.

неопытных любителей литературы» обращался московский писатель И. И. Башмаков, печатавшийся под псевдонимом Иван Ваненко, с просьбой «остановить внимание» и дать ему «письменное наставление» по поводу посылаемых им для публикации в «Пантеоне» стихов.[6]

Кони привлек своего молодого товарища по «Пантеону» к работе в «Литературной газете».

По сведениям, которыми исследователи располагают в настоящее время, Некрасов-журналист дебютировал в «Литературной газете» 1840 года критическим обзором «Александринский театр», подписанным псевдонимом «Н. П<ерепель>ский» (№ 79 от 2 октября), сменив тем самым Белинского — автора предыдущих обзоров — под тою же рубрикой. В № 84 газеты от 19 октября был помещен отрывок из стихотворной сказки Некрасова (без подписи) «Баба Яга...» с примечанием, принадлежащим несомненно самому автору: «Эта оригинальная сказка уже печатается и в непродолжительном времени выйдет в свет».

В № 86 «Литературной газеты» 1840 года от 26 октября помещен первый из выявленных к настоящему времени прозаический фельетон «Новости с литературной биржи», содержащий остроумные выпады против Булгарина, Межевича, Сенковского и всего консервативного круга русской журналистики.

Освобожденный от обязанностей неофициального редактора «Литературной газеты», Межевич остался управляющим типографией санкт-петербургской полиции, в которой печаталась газета Краевского. Эта сохраняющаяся зависимость издания от Межевича была, очевидно, недобросовестно использована им. Провинциальные подписчики стали получать дефектные, плохо пропечатанные экземпляры «Литературной газеты», некоторые ее номера запаздывали выходом на несколько дней. С большим опозданием, в частности, вышел № 86 газеты с направленным против Межевича фельетоном Некрасова «Новости с литературной биржи». Новая редакция получала письма раздраженных читателей с приложенными к ним дефектными экземплярами газеты.

В конце октября 1840 г. Ф. А. Кони письменно потребовал от Краевского принятия мер по пресечению, так сказать, подрывной деятельности Межевича и отослал с письмом возвращенные из провинции экземпляры двух дефектных номеров газеты. Краевский переслал все это Межевичу вместе со своим письмом к нему.

Тот 30 октября отправил ответ Краевскому. Ответ Межевича, еще не публиковавшийся, существенно дополняет сложившиеся представления не только о личности Межевича, но и о характере его конфликта с новой редакцией «Литературной газеты».

---

[6] См.: Литературное наследство. М., 1949. Т. 51—52. С. 109.

«Посылаю обратно,— писал Межевич,— 57-й и 63-й №№ „Лит<ературной> газ<еты>" как факты, обвиняющие меня; письмо г. Кони позвольте оставить мне у себя,— оно мне нужно.

Не знаю, почему Вы вмешиваете в дело, касающееся *до меня и до вас*, г. Кони, с которым я как управляющий типографией ни в какие дела не входил, а если бы вздумал хоть сколько-нибудь распоряжаться у меня в типографии, я бы преучтиво указал ему дверь. С этим человеком я был коротко знаком и даже находился в приятельских отношениях прежде. Но как скоро он позволил себе делать против меня нелитературные выходки, хоть и в „Литературной газете",-- я забываю про его существование и только для потехи позволю себе иногда хлестать его плеткой, как гонят кубарь на льду. *Не всякие кони стоят кнута*! Но оставим вздор и обратимся к делу. Вы прислали два № „Лит<ературной> газеты", напечатанные неисправно. Один из них от 17 июля, когда редакция „Литер<атурной> газеты" была еще у меня; другой от 7-го августа, когда я считал г. Кони *порядочным человеком*; стало быть, положа руку на сердце, Вы не можете сказать, чтобы я сделал это с умыслом, как думает г. Кони, меряющий дело на свой аршин. В оправдание свое я мог бы сказать: зачем контора ваша рассылает макулатурный лист подписчикам вместо газеты? Ведь не из типографии газета рассылается к иногородним подписчикам...»[7]

Возвращаюсь к Некрасову. Можно ли считать указанные выше сведения об его участии в «Литературной газете» 1840 года полными? Здесь нет других известных его стихов, театральных обозрений, подписанных псевдонимом «Перепельский», нет и других юмористических заметок, включавшихся в последующие годы в известные фельетоны Некрасова.

Естественно, однако, предположить, что сотрудничество его в новом издании Кони могло быть более значительным. В пользу этого предположения говорят и незавидное материальное положение молодого журналиста, и его широкие творческие возможности. Наиболее внимательного изучения требуют, очевидно, театральные обозрения «Литературной газеты» и ее «Смесь», большая часть материалов которых анонимна. Не исключено и участие Некрасова в критико-библиографическом отделе газеты этого года.

Среди литературно-критических материалов и театральных обозрений «Литературной газеты», помещенных в августе—декабре 1840 года, пока не удалось обнаружить статей, которые бы отличались какими-либо некрасовскими приметами. Разумеется, это не значит, что обозрение «Александринский театр» в № 79 газеты было единственным выступлением Некрасова-критика в 1840 году.

---

[7] ГПБ, ф. 391, оп. 1, ед. хр. 524, л. 1.

После некрасовского обозрение под названной рубрикой появилось в газете этого года лишь однажды — в № 89 от 16 октября, без подписи. Вполне возможно, что и оно принадлежит Некрасову. В ноябре—декабре театральные обзоры «Литературной газеты» печатались под рубрикой «Новости русского театра», последний из них (в № 97 от 4 декабря) имеет подпись «М. Жилин».

История реконструкции корпуса публицистических произведений Некрасова изложена в статье Б. Я. Бухштаба «Некрасов-фельетонист. Неизвестные фельетоны и юмористические материалы 1844—1845 годов». Идя вслед за К. И. Чуковским и Д. С. Лихачевым, начавшими эту работу, Бухштаб ограничил собственный поиск хронологическими и жанровыми рамками. Он считал, что Некрасов обратился к прозаическому фельетону уже в зрелом возрасте — не ранее 1844 года.

Исходя из этого убеждения, Бухштаб был вынужден отрицать принадлежность Некрасову фельетона «Новости с литературной биржи» за подписью «Литературной биржи маклер Назар Вымочкин», напечатанного в № 5 «Литературной газеты» 1845 года под некрасовской рубрикой «Дагерротип», потому что он (фельетон.— **Б. М.**) «является слегка дополненной перепечаткой фельетона под тем же заглавием и с той же подписью, напечатанного в «Литературной газете» (1840, № 86, стб. 1960—1962), то есть в то время, когда Некрасов не был сотрудником „Литературной газеты“ и не писал в подобном роде».[8] Это мнение Б. Я. Бухштаба было справедливо опровергнуто М. М. Гином, который подтвердил принадлежность обоих фельетонов Некрасову.[9]

Дальнейший поиск публикаций Некрасова Б. Я. Бухштаб ограничивал изучением журнальных рубрик, в которых уже обнаружено участие Некрасова. «Надо прежде всего указать,— писал он,— что количество журнальных мелочей, написанных Некрасовым в 40-е годы, огромно, и вряд ли можно надеяться когда-нибудь выявить их целиком, поскольку они большей частью анонимны и далеко не в каждом произведении есть признаки, позволяющие приписать его Некрасову с большей или меньшей долей достоверности. Приходится ограничиваться главным образом *циклами*, так как здесь атрибуция может быть произведена по совокупности данных, относящихся к разным произведениям, входящим в цикл».[10]

Можно доказать, что и этот прием (изучение фельетонных циклов и атрибуция их по совокупности авторских «примет») не исчерпан по

[8] Литературное наследство. М., 1949. Т. 53—54. С. 48.

[9] См.: *Гин М. М.* Некоторые вопросы атрибуции литературно-критических текстов Некрасова: Некрасовский сборник. Л., 1978. Вып. VI. С. 94—95.

[10] Лит. наследство. Л., 1949. Т. 53—54. С. 47.

«Литературной газете». Однако не следует пренебрегать и отдельными критико-библиографическими и публицистическими материалами, содержащими те или иные признаки принадлежности Некрасову.

Важнейшие из этих признаков, достаточных по крайней мере для предположения о принадлежности Некрасову, на мой взгляд, следующие.

По содержанию:

1. Наличие в тексте автоотсылок к известным текстам Некрасова.

2. Ответы на критические суждения, высказываемые в других изданиях по поводу известных некрасовских журнальных выступлений.

3. Анонсирование, реклама, популяризация произведений самого Некрасова или его изданий.

По форме:

4. Стихотворные пародии в составе рецензий и фельетонов.[11]

5. Литературные мистификации под юмористическими псевдонимами и журнальными масками.

Повторяю, что наличия одного из этих признаков, характерных для журнальных выступлений Некрасова, в той или иной публикации не всегда достаточно для убедительного доказательства авторства. Чтобы установить принадлежность таких материалов Некрасову, необходимы и другие, дополнительные данные в пользу высказываемого предположения — биографические, историко- литературные, лексические и т. д.

Важнейшее условие атрибуции отдельных журнальных материалов — изучение их в контексте журнала (газеты) за весь интересующий нас период и по возможности полное представление о круге сотрудников этого издания.

Фельетонные обозрения в «Литературной газете» 1840 года печатались под рубриками «Петербургская хроника» и «Разные разности». Первая из них с начала года составлялась, по всей вероятности, Межевичем из новостей культурной жизни столицы. Журнальные обозрения, библиографические известия и полемика в этой рубрике бывали чрезвычайно редко.

Рубрику «Разные разности» до перехода газеты в руки Кони вел М. Н. Макаров;[12] она в эту пору состояла из заграничных новостей и анекдотов, переведенных из иностранных газет и журналов. Большая часть «Разных разностей» августа—декабря 1840 года носит

[11] В. Е. Евгеньев-Максимов (см.: Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 337, 340) справедливо считал это одной из наиболее ярко выраженных индивидуальных черт Некрасова-журналиста.

[12] См. его «Записку к редактору «Литературной газеты» в № 65 от 14 августа, стб. 1470. В 1839 г. М. Н. Макаров вел в «Отечественных записках» рубрику «Библиографические редкости».

тот же характер и, возможно, принадлежит тому же автору. Однако с приходом в газету Кони и Некрасова однообразие «Разных разностей» было нарушено.

На один из фельетонов этой рубрики, требующей пристального внимания специалистов, указал мне А. М. Березкин. Он напечатан в № 67 газеты за 21 августа (ровно через неделю после выхода в свет последнего, 65-го номера под редакцией Краевского) и называется «Важная новость».

Фельетон начинается иронической похвалой водевилю Н. А. Коровкина «Фебус, или Публичный писец» (переделка с французского), шедшему на сцене Александринского театра в сезон 1839—1840 годов и, по словам фельетониста, имевшему успех благодаря превосходной игре г-на Сосницкого.

«*В непродолжительном времени*, как обыкновенно гласят и афиши и все вообще объявления,— сообщает далее корреспондент „Литературной газеты",— появится на мрачном горизонте нашей драматической словесности яркая звезда, *сиречь* произведение нового писателя, еще юного, еще свежего, еще не ощупанного ястребиными когтями промышленников и *сего* и *этого* книгопечатания, *персонально пользительного*,— словом, дарования, чуждого и *пройдохи букиниста*, и странствующего рыцаря *фельетониста!* — «Какую же связь имеет с вашим объявлением и рассуждением „Фебус, или Публичный писец"?«.— А вот какую: в произведении нового драматического писателя *Писец* также играет важную роль; но этого писца не должно смешивать с остроумным, хитрым, замысловатым *Фебусом*, нет; он совершенно в другом роде, и не должно полагать, чтобы русский писатель занял содержание у француза. Вот заглавие пьесы, которая обещает много и очень много *нравоучительного: Несчастный писец, или Глухой тетерев и двухлапчатые гуси*».

Далее сообщаются комические заголовки этой «большой трилогии с принадлежащими к ней танцами, обедами, завтраками, пикниками, поездками за город и проч. ...»[13]

Подписался корреспондент: «Маркиз Команвупортеву». В постскриптуме он говорит: «Ежели заблагорассудят издатели, то время от времени и смотря по обстоятельствам мы будем помещать в „Литературной газете" куплеты и даже целые явления в стихах и прозе из оной трилогии».[14]

Следующая заметка рубрики «Разные разности» представляет собой «Письмо к издателю „Литературной газеты"» *Маркиза Команвупортеву*. С комическим апломбом, знакомым нам по корреспонденциям *И. А. Пружинина*, под маской которого Некрасов печатал в

[13] Литературная газета. 1840. 21 августа. № 67. Стб. 1516.

[14] Там же. Стб. 1517.

1844 году свою «Хронику петербургского жителя», и *Нового поэта*, автор «Письма» снисходительно рекомендует редакции еще одного нового автора:

«На днях я познакомился с одним молодым человеком; при первом взгляде я заметил, что у него „тут... так много, много!" — по выражению Гоголя. Новый мой знакомец объявил, что он писатель в *анекдотическом роде*, вручил мне огромную тетрадь *плодов летучего досуга* <...> и убедительно просил меня по моему знакомству с вами поместить некоторые из его произведений в вашей газете».[15]

В качестве примера *Маркиз Команвупортеву* приводит несколько пародийных анекдотов *нового писателя* в прозе параллельно с их источниками — анекдотами, «уже напечатанными кое-где». По мнению автора «письма», эти произведения «юного писателя» «не согласуются с духом и целью» «Литературной газеты», «Отечественных записок» и «Пантеона», но «могут занять почетное место в известном знаменитом издании, в котором подобные вещи печатаются наподхват».[16]

Цитата из гоголевского «Ревизора», включенная в «Письмо к издателю», в сходном ироническом контексте используется Некрасовым в его стихотворном фельетоне «Новости» (1845). Один из его сатирических персонажей — «восторженный поэт», читающий свои стихи на литературном вечере:

Глаза горят, в руках тетради нет,
Но в голове так много, много, много...[17]

Это же выражение Гоголя Некрасов использовал в стихотворении «Взирает он на жизнь сурово, строго...» (1854):

У! *у него здесь* (надо указать на лоб)
много! много![18]

Любопытно, что эта цитата подхвачена фельетонистом «Литературной газеты» из анонимных «Литературных заметок» «Северной пчелы». Иронизируя по поводу готовящегося к постановке водевиля Ф. А. Кони «Петербургские квартиры», булгаринская газета писала: «Ф. А. Кони такой остроумный писатель, у него, как говорит Гоголь, такие важные поступки и так здесь много, много, много...»[19]

15 Литературная газета. 1840. 21 августа.№ 67. Стб. 1517.

16 Там же. Стб. 1518.

17 *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 1. С. 29. Далее это продолжающееся издание обозначается шифром Н15.

18 Там же. С. 457.

19 Северная пчела, 1840. 12 августа. № 80. С. 717.

Сатирические фельетоны с новостями-мистификациями, со стихотворными прозаическими пародиями — одна из наиболее ярких отличительных черт «Литературной газеты» с новым составом редакции. Ничего подобного в пору руководства Краевского здесь не появлялось. Этими своими особенностями, литературными реалиями, журнальными масками и, наконец, стилем и юмористическим тоном фельетоны *Маркиза Команвупортеву* тесно связаны с рядом сатирических произведений Некрасова 1840 года и позднейших его выступлений под разными журнальными масками, в том числе под маской *Нового поэта.*

Укажу в первую очередь на стихотворный фельетон «Провинциальный подьячий в Петербурге», печатавшийся Некрасовым под псевдонимом Феоклист Боб. Первая его часть, в которой была сходная с «Важной новостью» юмористическая характеристика водевиля Коровкина, опубликована в № 2 журнала «Пантеон» за 1840 г.

Смотрел намедни «Фебуса»...
В нем Сосницкий лихой...
Ну точно у Брамбеуса,
Смешливый слог такой.
Я надорвал животики,
От смеха лопнул фрак!
Читая «Библиотеки»,
Не хохотал я так!

(Н15, 1, 283)

Подзаголовок второй части «Провинциального подьячего», перекликающийся, кстати, с заглавиями Коровкина и *нового писателя* («Публичный писец», «Несчастный писец»), части, напечатанной в № 3 «Пантеона» за 1840 год,— «Снова здорово!» — так же перекликается по смыслу и своей фельетонной фамильярности с подписью автора «Важной новости» *Маркиза Команвупортеву* (*как поживаете?* — **фр.**).

Сатирическое содержание «Важной новости» однородно и с содержанием рассказа Некрасова «Без вести пропавший пиита», напечатанного в № 9 «Пантеона» за 1840 год. В. С. Межевич, обозначенный в фельетоне как «странствующий рыцарь фельетона», фигурирует в рассказе в образе «ничтожнейшего» критика, с которым «стыдно быть в одном обществе» (Н15, 7, 59—60, 546).[20]

[20] Ср. характеристику журналиста (в нем легко угадывается Межевич) в романе *Некрасова* «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»: «...Сотрудник почтеннейшего, беспрестанно перебегавший из журнала в журнал, писавший за деньги статьи не только против чужих мнений, которые прежде разделял, но даже против самого себя» (Н15, 8, 190).

Драматическое творение *Маркиза Команвупортеву* столь же «грандиозно» и «эффектно», как сочинение в «драматическом роде» *Ивана Ивановича Грибовникова* из «Без вести пропавшего пииты» и позднейшие «драматические опыты» *Нового поэта* (фельетонная маска Некрасова и И. И. Панаева). А приведенный выше постскриптум автора трилогии «Несчастный писец» — фельетонный двойник «обещания» автора «Без вести пропавшего пииты»: «Если отрывки, приведенные здесь из различных сочинений Ивана Ивановича, будут признаны не лишенными достоинства, то я за долг поставлю себе короче познакомить публику с талантом Ивана Ивановича и по временам стану печатать в журналах плоды светлых вдохновений <...> Ивана Ивановича. Их у меня достанет на десять томов!» (Н15, 7, 53).

Пародийный отрывок из пьесы «Несчастный писец, или Глухой тетерев и двухлапчатые гуси» из фельетона «Важная новость» написан, очевидно, тою же рукой, что и пародийный отрывок из трагедии «Федотыч...» в «Без вести пропавшем пиите». Обе эти драматические пародии направлены против массовой эпигонской драматургии конца 1830-х — начала 1840-х годов. Стоит также отметить, что журнальной маской поэта-эпигона *Грибовникова* Некрасов воспользовался еще раз, подписав этим именем пародийное стихотворение «К ней!!!!!!» («Пантеон», 1840, № 10).

Сходные по стилю и сатирическому характеру «литературные известия», которые содержатся в упоминавшемся выше фельетоне Некрасова «Новости с литературной биржи», подписанном «*Литературной биржи маклером Назаром Вымочкиным*», нельзя назвать мистификацией. За каждым из нескольких сатирических сюжетов этого фельетона стоит реальный прототип или литературно-общественное явление. Если в «Важной новости» В. С. Межевич представлен в образе «странствующего рыцаря-фельетониста», то здесь ему дана сходная, но более развернутая характеристика: «Сотрудник, могущий представить удовлетворительные аттестаты о гибкости своего убеждения, писавший за и против того-этого, сего и оного попеременно и в одно и то же время».[21]

Как и в «Важной новости», где упоминаются «промышленники *сего* и *этого* книгопечатания», закурсивленные фельетонистом местоимения намекают на известную журнальную полемику, начатую еще в 1835 году редактором «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковским и эпизодически вспыхивавшей вплоть до середины 40-х годов.

Особенно близка «Важная новость» первому фельетону *Нового поэта* (И. И. Панаева и Н. А. Некрасова),[22] содержание которого

[21] Литературная газета. 1840. 26 октября. № 86. Стб. 1961.

[22] Об участии Некрасова в этом фельетоне см. мою статью «Некрасов, Панаев — Новый поэт»: Русская литература. 1986. № 3. С. 153—169.

составляют мистифицированные «литературные новости и известия» и стихотворные пародии, присланные в редакцию «Отечественных записок» «неизвестно кем». Приведу для сравнения текст одной из этих «новостей»: «Скоро на горизонте русской литературы (благословен 1843 год) взойдет величаво новая блестящая звезда, появится новый могучий поэтический талант, в стихах которого сила и светская щеголеватость, яркость и радужность, внешняя художественность формы и кокетливость выражения — доведены до изумительного совершенства».[23]

Думается, что указанные аналогии, сходства и связи фельетонов «Важная новость» и «Письмо к издателю...» с произведениями Некрасова достаточны для того, чтобы считать его автором фельетонов.

Мотив продажного журналиста — В. С. Межевича (уже с более определенным указанием на него) возникает и в фельетоне «Разные разности», напечатанном в «Литературной газете» от 30 октября того же года. «Самая колоссальная» из всех последних литературных новостей, по мнению фельетониста,— следующая: «... Носятся слухи, что г. Л. Л., творец водевиля „Иван Выжигин", замечательного по своему особенному успеху, от которого многим не поздоровилось, пишет, как мы слышали, новый водевиль „Петр Выжигин" и делает комедию из „Путешествия Ф. В. Булгарина по Финляндии"... Говорят, что сей знаменитый писатель принял намерение представить нам всего г. Булгарина в драматическом виде и тем доказать, что одни и те же творения при одинаковом условии действий и талантов могут составить известность двум сочинителям. Нельзя не порадоваться этому усилию г. Л. Л., пишущего ныне в „Северной пчеле" милые замысловатые выходки „Журнальной мозаики" и остроумные анекдоты, постоянно украшающие „Репертуар русского театра", издаваемый г. Песоцким».[24]

Вот на какое «известное знаменитое издание», оказывается, намекал *Маркиз Команвупортеву*,— издание, в котором «наподхват» печатаются анекдоты, приводившиеся в «Письме» к издателю «Литературной газеты».

Водевиль Межевича «Выжигин, или Всем кум и брат, друг и сват» (перевод с французского) был представлен публике «Северной пчелой» как произведение «литератора, скрывающего свое имя»,[25] еще задолго до начала театрального сезона 1840—1841 годов. На сцене же Александринского театра он шел как пьеса г-на Л. Л. Межевич был не первым автором, воспользовавшимся сюжетами известных нравоописательных романов Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» (1829)

---

[23] Отечественные записки. 1843. № 1. Отд.VIII. С. 53.

[24] Литературная газета. 1840. 30 октября. № 87. Стб. 1994.

[25] Северная пчела. 1840. 27 августа. № 92. С. 265.

и «Петр Иванович Выжигин» (1831). Задолго до него А. А. Орлов написал пародийный роман «Семейство Выжигина».

«Театральная новинка» сезона 1840—1841 годов, вынесенная на суд публики «неизвестным» Л. Л., была жестоко высмеяна обозревателем «Литературной газеты». «Эти две буквы,— писал он,— дарят нас переделкою французского водевиля, в заглавии которого для *спекуляции* поставлено имя *Выжигина*. Но, видно, эпоха всех возможных *Выжигиных* миновала и после последнего творца *Выжигиных* А. А. Орлова трудно произвесть в этом роде что-нибудь лучшее. Надо иметь решительный талант, чтоб вступить в состязание со знаменитым соперником г. Булгарина и победить его. Ничто не спасло нелепой, безмысленной пьесы г. Л. Л.— публика разъехалась до половины ее, и когда г. Мартынов в конце водевиля подошел к рампе, чтоб пропеть заключительный куплет, он заикнулся: зала была пуста. Только несколько записных зрителей остались в театре и то за тем, чтобы ошикать эту жалкую пародию на водевиль».[26]

Известно, что Некрасов тоже отдал дань таланту автора водевиля «Выжигин...». В «Летописи русского театра» за январь 1841 года он писал о прошедшем 1840 годе: «Много, очень много в продолжение его случилось замечательных происшествий. Были такие, которые годятся для водевилей современников: такие, из которых потомство будет делать драматические фантазии; даже такие, из которых, может быть, я комедию сделаю... Помните ли вы то почтенное время, когда турецкий султан дрался с агипетским пашою, а „Северная пчела" хвалила „Пантеон"? <...> Наконец, помните ли вы тот торжественный вечер, когда водевиль г. Л. Л. „Выжигин", нелепейшее произведение литературы русской, представлялся в первый и последний раз? То была минута великая и ужасная: он падал, а его поднимали... на смех; он кончался в предсмертных судорогах, а ему не давали умереть спокойно: шиканье было умилительное...» (Н12, IX, 454).

Есть основания предполагать, что и «Разные разности» из «Литературной газеты» от 30 октября 1840 года написаны автором «Важной новости», то есть Некрасовым.

Внимания исследователей требует и фельетон под названием «Письма из Москвы» в «Разных разностях» № 91 «Литературной газеты» от 13 ноября 1840 года. Здесь помещены явно мистифицированные два «письма» со следующим предисловием:

«Москва приходит в совершенное волнение от известий, которые распространяют о ней то „Северная пчела", то „Маяк", зажигающий ложные огни. Нас то и дело бомбардируют из Москвы письмами, требуя их напечатания; для образчика помещаем хоть два из них...»[27]

---

[26] *И-ч П.* Театральные новинки.// Литературная газета. 1840. 18 сентября. № 75. Стб. 1707—1708.

[27] Там же. 13 ноября. № 91. Стб. 2083.

Оба «письма» представляют собой юмористические протесты против ложных известий «Маяка» об огромном успехе на московской сцене драмы Н. А. Полевого «Параша-сибирячка», которая еще только готовилась там к постановке. Одно письмо подписано криптонимом «П. П. П.», другое — псевдонимом «Книгоман Сидоров».

В № 95 газеты под рубрикой «Разные разности» напечатан фельетон под заглавием «Сердце литератора»— юмористический рассказ о писателе, который «занимается сочинением трогательной повести для какого-то журнала, альманаха или сборника». Дописав до того места, «где герой его повести, страшный эгоист, безжалостно смеется над бедствиями ближних, ожидающих от него помощи», литератор вышел погулять на Невский проспект и встретил замерзающего больного мальчика. Сам литератор и несколько прохожих дружно приняли участие в судьбе несчастного, устроив его в Обуховскую больницу, после чего литератор пошел дописывать свою повесть.

«Вот как иногда,— иронически-назидательно заключает фельетонист,— творения автора не походят на дела его...»[28]

Такого же внимания заслуживает и фельетон «Журналистика», напечатанный в № 103 «Литературной газеты» от 25 декабря 1840 года. Судя по содержанию (защита «Пантеона» от нападок «Северной пчелы», «Репертуара...» и «Сына отечества»), наиболее вероятным его автором должен быть Ф. А. Кони. Однако юмористическая форма этой статьи и тип псевдонима, которым он подписан («Литературный надзиратель Одолжаев»), позволяют высказать предположение о причастности Некрасова и к этому фельетону.

Укажу еще на одно столкновение «Северной пчелы» с изданиями Краевского в 1840 году, требующее раскрытия имен его участников. В начале июня, сообщая о смерти «известного сочинителя» Александра Анфимовича Орлова, булгаринская газета писала: «Литературные противники Булгарина <...> подговорили г. Орлова писать пародии на сочинения Булгарина, и г. Орлов настряпал „Семейство Выжигина" и тому подобное! <...> Наконец, в „Отечественных записках" и „Литературной газете" стали сравнивать Булгарина с Орловым и называли их *равными* по литературному достоинству! И это было в „Литературной газете" и в „Отечественных записках" напечатано *неоднократно!* Это называется *литературою!!*»[29]

Оскорбительное сопоставление с графоманом, классиком «серобумажной литературы» А. А. Орловым было для Булгарина давней, незаживающей раной. Еще в «Телескопе» 1831 года А. С. Пушкин, скрывшийся под псевдонимом *Феофилакт Косичкин*, напечатал едкий фельетон «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов», где Булгарин впервые сравнивался с Орловым.

---

[28] Литературная газета. 1840 27 ноября. № 95. Стб. 2183.

[29] Северная пчела. 1840. 3 июня. № 124. С. 495.

В 1834 году эту благодатную тему подхватил молодой Белинский в его «Литературных мечтаниях». «Имя петербургского Вальтера Скотта Фаддея Венедиктовича Булгарина вместе с именем московского Вальтера Скотта Александра Анфимовича Орлова всегда будет составлять лучезарное созвездие на горизонте нашей литературы <...> Неужели и в самом деле г. Булгарин совершенно равен г. Орлову? Говорю утвердительно, что нет, ибо как писатель вообще он несравненно выше его, но как художник собственно он немного пониже его» (Б, I, 82).

Белинский и в дальнейшем неоднократно возвращался к этому сопоставлению в рецензиях на «Историю о храбром рыцаре Францыле Венциане» (1835), на «Пантеон дружбы на 1834 год» (1835) и т. д. В статье 1839 года «Русские журналы», напечатанной в «Московском наблюдателе», Белинский иронически укорял «Отечественные записки» за отход от «духа парциальности» (т. е. индивидуализации). «Зачем, например,— говорил он,— так часто употреблять имена гг. Орлова (А. А.) и Булгарина (Ф. В.) нераздельно? Это, во-первых, должно непременно обнаруживать, что „Отечественные записки" придают этим двум, конечно, примечательным лицам в нашей литературе слишком большую важность; а во-вторых, это может их взаимно возгордить одного насчет другого, и в ущерб успехам нашей литературы» (Б, III, 186).

С переездом в Петербург Белинский перенес эту тему в издания Краевского. Так в фельетоне «Журналистика», напечатанном в № 43 «Литературной газеты» от 29 мая 1840 года, он не без удовольствия цитировал «Сын отечества»,— следующие слова: «Не смеем упомянуть о г-х Грече и Булгарине, зная, что „Отечественные записки" ставят дарования их ниже дарований И. А. (А. А.?) Орлова...» (Б, IV, 185).

Это очередное обращение Белинского к столь болезненной для Булгарина теме, очевидно, и стало поводом для приведенного мною выше пассажа «Северной пчелы». «Литературная газета» не оставила и эту заметку булгаринской газеты без внимания. В ней появилась анонимная заметка под названием «Поправка».

Приведя полный текст выступления «Северной пчелы» в защиту Булгарина, фельетонист «Литературной газеты» указывает:

«В этой статье „Северной пчелы" заключаются *две* важные ошибки, которые мы спешим исправить из желания добра доброй „Северной пчеле".

Ошибка первая. Достоверно известно, что никакие противники г-на Булгарина (в возможности которых мы крепко сомневаемся, но которые, положим, могли когда-нибудь существовать) не *подговаривали* покойного А. А. Орлова писать пародии на сочинения г. Булгарина,— А. А. Орлов писал и печатал свои романы по тому же понуждению, по которому многие пишут и печатают свои романы;

его сочинения расходились в нескольких тысячах экземпляров и выдерживали по несколько изданий.

Ошибка вторая. Ни „Отечественные записки", ни „Литературная газета" никогда *не сравнивали* г. Булгарина с г-м Орловым и не называли их равными по литературному достоинству».[30]

Возможно, автором «Поправок» был Белинский, против которого, собственно, и обращено выступление «Северной пчелы». Думаю также, что в «Литературной газете» 1840 года есть и другие принадлежащие ему, но еще не атрибутированные материалы.

Этот год — важнейший и в литературной судьбе Некрасова. В течение его молодой литератор не только стал автором поэтического сборника «Мечты и звуки», но и дебютировал сразу в нескольких литературных и журнальных жанрах: как прозаик, как театральный критик и как фельетонист. И если первые беллетристические опыты и первые опыты критики (театральной) связаны с «Пантеоном», то начало и становление Некрасова-фельетониста и, пожалуй, журналиста вообще происходило в «Литературной газете». Степень и формы участия Некрасова в этом издании 1840 года известны пока весьма приблизительно. Однако уже теперь ясно, что роль В. Г. Белинского в этом становлении вовсе не ограничивается суровой, но объективной рецензией на стихотворный сборник юного Некрасова, которая действительно способствовала отрезвлению поэта-романтика и скорейшему определению его собственного места в литературном движении 40-х годов XIX века. Белинский как сотрудник Некрасова по «Литературной газете» и в известной степени идейный руководитель этого издания Краевского и Кони несомненно уже в 1840 году оказал непосредственное влияние на начинающего журналиста Некрасова.

[30] Литературная газета. 1840. 8 июня. № 46. Стб. 1067—1068.

Глава вторая

ГОД 1841-й. НА СЛУЖБЕ У ФЕДОРА КОНИ

Основные обязанности, которые принял на себя Некрасов по отношению к Кони в 1841 году, были связаны с «Пантеоном». В течение года, оставаясь ближайшим помощником редактора журнала, он должен был поместить в «Пантеоне» 12 печатных листов собственных сочинений (Н12, 27). По-видимому, основную часть этих материалов должны были составлять регулярные обзоры деятельности Александринского театра. Из пяти вышедших в 1841 году номеров «Пантеона» — четыре (№ 1, 3, 4, 5) содержали в ежемесячном приложении «Текущий репертуар русской сцены» некрасовские обозрения под рубрикой «Летопись русского театра». Кроме этого, в «Пантеоне» напечатана повесть Некрасова «Несчастливец в любви, или Чудные любовные похождения русского Грациозо» (№ 5) и несколько мелких стихотворений.[1]

Что же касается «Литературной газеты»,— Некрасов не связывал себя с Кони каким-либо договором об участии в ней. Характер сотрудничества в этом издании в течение января—июля 1841 года весьма точно обрисован самим Некрасовым в письме к Кони из Ярославля от 16 августа того же года. «Я мог писать сколько хочу и притом когда хочу, *а не когда нужно газете*, что хочу, *а не то, в чем более есть нужды*. Чего бы для меня лучше... Но я видел, что от этого я не столько полезен газете, сколько бы мог...» (Н12, 10, 27).

Тем не менее по объему реальное участие Некрасова в «Литературной газете» 1841 года было гораздо более значительным, чем в «Пантеоне». С января по август здесь напечатаны его прозаические произведения: «Двадцать пять рублей» (№ 9, 10), «Ростовщик» (№ 25, 26), «Капитан Кук» (№ 42), «Карета» (№ 60)

---

[1] В № 8 «Пантеона» за 1841 год, вышедшем уже в 1842 г., помещен водевиль Некрасова «Актер».

и «Жизнь Александры Ивановны» (№ 84). В № 15 и 16 «Литературной газеты» от 4 и 6 февраля 1841 года опубликован первый водевиль Некрасова «Утро в редакции». В течение мая—июля 1841 года в газете напечатано пять статей «Обозрения новых пьес, представленных на Александринском театре» (№ 52, 54, 61, 72, 81). Известно также и несколько рецензий Некрасова в газете 1841 года на отдельные книги и сборники.[2]

Сам редактор «Литературной газеты» в 1841 году мало занимался этим изданием. Малоинтересным был отдел «Смесь», в значительной степени выражающий в любом периодическом издании его литературно-общественную позицию. Фельетонные обозрения появлялись в газете Кони чрезвычайно редко. Очевидно, это обстоятельство дало Ф. В. Булгарину повод заявить, что при новой редакции «Литературная газета» стала «вдесятеро скучнее, чем была прежде».[3]

Направление «Литературной газеты» не могло не беспокоить В. Г. Белинского. Однако его личное участие в газете 1841 года резко уменьшилось. Известна всего лишь одна статья критика «Отечественных записок» — фельетон «Журналистика», напечатанный в «Литературной газете» этого года (№ 24 от 27 февраля).[4] Иногда Белинский присылал в «Литературную газету» материалы других авторов, предназначавшиеся для «Отечественных записок» (Б, XII, 57).

Весною 1841 года Кони уехал в Москву, оставив «Пантеон» на попечение Некрасова, а «Литературную газету» — К. Е. Вельсберга. В конце марта или начале апреля того же года Белинский писал Н. Х. Кетчеру: «Верно, ты в Москве увидишь Кони — он едва держится на ногах от тяжести лавров, которыми увенчали его „Пантеон", и „Литературная газета" (удивительно изящное издание) и особенно „Пчела" статьею Булгарина» (Б, XII, 36).

Среди петербургских литераторов ходили слухи, что подлинный редактор «Пантеона» — Некрасов, который исправляет и статьи самого Кони (Н12, X, 25). В рецензии на первый водевиль Некрасова «Шила в мешке не утаишь...» В. С. Межевич, пытаясь вбить клин между редактором «Пантеона» и его помощником, следующим образом поощрял молодого журналиста и драматурга: «Смелее, г-н Некрасов!

---

[2] Одновременно в 1841 году Некрасов-драматург сотрудничал в «Репертуаре русского театра», где напечатаны водевиль «Шила в мешке не утаишь...» (№ 4), куплеты из водевиля «Феоклист Онуфрич Боб» (№ 5) и водевиль «Вот что значит влюбиться в актрису» (№ 12).

[3] Северная пчела. 1841. 24 марта № 67. С. 266.

[4] Еще две статьи-рецензии на книгу Н.А.Полевого «Византийские легенды...» и фельетон «Журналистика» (№ 40 от 15 апреля, № 77 от 12 июля) — на правах *Dubia* (сомнительное. — Б.М.) помещены в XIII томе Полного собрания сочинений В.Г.Белинского

Идите своей дорогой, зачем вам покровительство людей, которые едва ли сами не нуждаются в вашем покровительстве, в вашем таланте, по крайней мере ведь это знают все, читавшие „Пантеон" и „Литературную газету"».[5]

Очевидно, в первой половине мая Кони приезжал в Петербург по делам своих изданий. В № 50 «Литературной газеты» от 10 мая 1841 года напечатан его фельетон «О том, что мы с вами предпримем нынче летом» — о разъезде петербургских жителей по дачам. После этого имя редактора «Литературной газеты» появляется в ней 2 сентября (в № 98, под статьей о Большом театре).

Судя по письмам Некрасова к Кони (Н12, X, 20—23), четвертый и пятый номера «Пантеона» этого года составлялись и редактировались Некрасовым, продолжавшим исполнять и обязанности ведущего сотрудника критического отдела «Пантеона», критика и фельетониста «Литературной газеты», а также корректора обоих изданий. Однако обязанности сотрудника редакции, лишенного возможности определять литературно-общественное направление издания, уже в середине 1841 года тяготили Некрасова (Н12, X, 22).

Работа его в «Литературной газете» 1841 года прервалась в 20-х числах июля, когда он был вынужден до возвращения Кони из Москвы уехать на родину в Ярославль.

Все ли его произведения, напечатанные в «Литературной газете» этого года, нам известны? Не все. Некоторые из них упоминаются в письме Некрасова к Кони от 18 июля 1841 года. Готовясь к отъезду, Некрасов в этом письме предъявляет счет редактору — за произведения, напечатанные в «Литературной газете» после второго отъезда Кони в Москву и подготовленные им к печати. В их числе названы неизвестные до сих пор «два фельетона» (напечатанные) и еще один фельетон «о Иматре», оставшийся не напечатанным в газете и до сих пор не найденный (Н12, X, 22).

Фельетонные обозрения петербургской жизни в «Литературной газете» 1841 года чрезвычайно редки. Как справедливо отмечал Некрасов в названном выше письме, фельетон «набивался» переводами Вельсберга. Действительно, в течение мая—июля почти в каждом номере вместо обозрения петербургской жизни печатались под рубриками «Калейдоскоп» и «Мелочи» анекдоты и мелкие информации, переведенные из иностранных изданий.

Исключение составляют несколько анонимных фельетонов под рубрикой «Что нового у нас?»: в № 57, 61, 62, 66 соответственно от 27 мая, 5, 7 и 17 июня. Среди этих-то четырех и находятся те два фельетона, за которые Кони должен был уплатить Некрасову 35 рублей.

[5] Северная пчела. 1841. 20 мая. № 108. С. 431.

Наиболее «узнаваемый» для исследователей последний из указанных фельетонов. Он открывается такой информацией: «Н. А. Перепельский оканчивает очень забавный водевиль (пиесу переодеваний) под названием „Актер". Желаем, чтобы третий сценический опыт молодого писателя увенчался тем же успехом, как и первый». [6] Это первая [7] печатная информация о некрасовском водевиле. Она может принадлежать только самому автору, постоянному сотруднику «Литературной газеты».

Только Некрасову (в отсутствие Кони) могли принадлежать и два других сообщения того же фельетона: «В следующей (4-й) книжке „Пантеона русского и всех европейских театров", который уже оканчивается печатанием и на днях выйдет в свет, будет помещена прекрасная драма Герстенберга „Уголино". Эта пьеса давно ожидала хорошего русского перевода. Кроме того, кн. А. А. Шаховской прислал в редакцию чрезвычайно любопытную статью из воспоминаний своей „драматической жизни"».[8]

Перевод «Уголино» упоминается и в письме Некрасова к Кони от 8—14 июня 1841 года: «Вы хотели прислать корректуру „Уголино": она теперь нужна» (Н12, X, 20).[9]

Анализируемый фельетон содержит также информацию о готовящихся изданиях «Истории Петра Великого», «Истории Фридриха Великого», «Записках русских людей» И. И. Сахарова и об открытии пароходного сообщения между Петербургом и Шлиссельбургом. Однако приведенных выше данных в пользу авторства Некрасова в совокупности с его указанием в письме к Кони (о двух фельетонах), думается, достаточно для атрибуции этого фельетона Некрасову.

Менее очевидна принадлежность Некрасову другого из 4 названных выше фельетонов «Что нового у нас?». Однако прямая связь его с только что проанализированным не оставляет сомнения в авторстве Некрасова. Я имею в виду первый из этих фельетонов — в «Литературной газете» от 27 мая 1841 года (№ 57). Композиция этого фельетона — та же, что и в рассмотренном выше: театральные новости, редакционная информация о ходе подготовки к печати очередных номеров «Пантеона», литературные новости.

---

[6] Литературная газета. 1841. 17 июня. № 66. С. 263

[7] В комментарии к «Актеру» в академическом издании Сочинений Некрасова эта информация не учтена (Н15, 6, 666—676.).

[8] Литературная газета. 1841. № 66. С. 263.

[9] Кстати, фельетонное объявление о новом переводе «Уголино» рассеивает недоумение, высказанное автором комментария к письму, адресованному Кони. «О чем идет речь, — пишет он по поводу корректуры „Уголино", — неизвестно. Пъеса Полевого под этим заглавием вышла отдельным изданием в 1836 году. Статейка за подписью Ф.К<они> „Уголино (объяснение картинки)" в № 1 „Пантеона" за 1841 г.» (Н12, 10, 21).

В театральных новостях после ряда мелких новостей о приезжающих в Петербург на гастроли и возвращающихся с гастролей артистах следует заметка — очередная юмористическая мистификация, направленная против В. С. Межевича и перекликающаяся с некрасовскими «Новостями с литературной биржи»:

«Один из наших водевилистов,— сообщает автор фельетона,— готовит водевиль, который должен произвесть большой эффект на сцене. Сюжет заимствован из замысловатого типа И. И. Панаева „Русский фельетонист". Главное лицо пиесы чрезвычайно оригинально и хорошо очерчено. Это литературный скоморох, искатель приключений и доходов. Он перебегает от хозяина к хозяину, из журнала в журнал, в каждом меняет мнения, хвалит в одном тех, кого бранил в другом, и наоборот. Он бегает по трактирам, авошенным и табачным лавочкам и ищет прибыльных вдохновений для фельетонных статей. Восторженные похвалы паюсной икре, пряникам, апельсинам, устрицам, сигарам, трактирным заведениям и сапожных дел мастерам льются у него с пера наравне с славословием мелких книгодельщиков. Он всеми силами таращится в *люди*. Кумир его — деньги».[10]

Далее кратко излагается сюжет этого водевиля с поучительным концом: материальный и нравственный крах продажного фельетониста.

Следующая часть фельетона посвящена объяснению «непростительного запоздания» «Пантеона» «по причинам, не зависящим от его редактора». Автор фельетона сообщает подписчикам журнала, что 4—7 книжки «пантеона» они получат до начала июля. В отсутствие Кони это ответственное обещание мог дать только его фактический заместитель — Некрасов.

Среди литературных новостей этого фельетона особое внимание привлекает сообщение о готовящемся роскошном иллюстрированном издании «Истории Петра Великого». «...Желательно,— замечает автор,— чтоб текст был составлен человеком знающим дело, хорошим историком и чтоб это предприятие не впало в категорию обыкновенных книгопродавческих спекуляций».[11]

Эти опасения и пожелания становятся яснее, когда обозреватель «Литературной газеты» возвращается к тому же вопросу в проанализированном выше фельетоне от 17 июня (№ 66): «За составление текста для роскошного издания „Истории Петра Великого" взялся Н. А. Полевой. Это весьма утешительное известие <...> Очень жаль, что этому прекрасному изданию повредят еще два другие издания „Истории Петра" в том же роде. Ни участвующие в составлении текста, ни рисунки для этих изданий не известны публике. Вероятно, эти два издания не состоятся или рушатся при самом начале, потому

[10] Литературная газета. 1841. 27 мая. № 57. С. 225—226.
[11] Там же. С. 226.

что хорошего предприятия никакая книгодельная спекуляция подорвать не может».[12]

Моя уверенность в том, что рассмотренные выше фельетоны — те самые, о которых упоминает Некрасов в письме к Кони, укрепляется и таким обстоятельством: остальные два из четырех фельетонов «Литературной газеты» за май—июнь 1841 года представляют собой небольшие заметки о музыкальных и городских новостях (в № 61) и о предстоящем бенефисе артиста Александринского театра П. И. Григорьева (в № 62). Оба они не содержат каких-либо некрасовских примет.

Однако исключать возможность принадлежности Некрасову и этих двух заметок не следует. Более того, напрашивается предположение, что все фельетоны под рубрикой «Что нового у нас?» в «Литературной газете» 1841 года — некрасовские. До атрибутированного мною Некрасову фельетона от 27 мая в газете этого года было напечатано всего два материала под заголовком «Что нового у нас?» — в № 35 и 36 от 27 и 29 марта. Любопытно, что еще один, последний в этом году фельетон под этой рубрикой появился лишь 13 декабря (в последнем, 141-м номере), когда Некрасов, очевидно, уже вернулся из Ярославля в Петербург.[13]

В обозрении «Русская литература в 1841 году» Белинский специально остановился на деятельности газеты Кони:

«„Литературная газета" была верна своей литературной политике: об этом знает „Северная пчела", т. е. ее ученые издатели и добросовестные, даровитые сотрудники. Особенно замечательны были в прошлом году фельетонные разборы „Литературной газеты" опер „Аскольдовой могилы" и „Тоски по родине", некоторые рецензии и другие газетные статьи...» (Б, V, 578).

Похвалы Белинского относятся, очевидно, не только к Кони, автору названных театральных рецензий, но и к Некрасову, которому принадлежала, например, такая заметная рецензия, как «Сто русских литераторов» (в № 82—84 от 24, 26 и 29 июля).

Одобрительно отозвался Белинский и об изменениях в периодичности газеты, объявленных редакцией на 1842 год (газета из трехразовой становилась еженедельной): «... С нынешнего года „Литературная газета" значительно усилит свой интерес для публики, более держась чисто газетной сферы: выходя же в неделю только один раз, не листком, а тетрадью, она, нисколько не теряя в свежести известий, приобретает возможность представлять своим читателям довольно большие повести, рассказы, даже водевили и небольшие драмы» (Б, V, 578).

[12] Там же. 17 июня. № 66. С. 264.

[13] В письме к Кони из Ярославля от 25 ноября 1841 года Некрасов сообщал: «Собираюсь в начале декабря выехать непременно» (Н12, X, 31).

Глава третья

ГОД 1842-Й. У КРАЕВСКОГО В УЧЕНЬЕ

Резкий тон в письмах Некрасова к Кони и его отъезд в Ярославль летом 1841 года существенно осложнили ход издания «Пантеона» и «Литературной газеты». «Пантеон», который по вине его издателя В. П. Полякова с начала 1841 года выходил с опозданиями, был приостановлен до начала следующего года на пятом номере.

Разумеется, это не могло не отразиться на личных отношениях Некрасова и Кони, которые к середине 1841 года были и без того натянуты.[1] Поэтому предложение Некрасова заключить договор о его постоянном сотрудничестве в редакции «Литературной газеты» было поначалу отклонено в не дошедшем до нас письме Кони от ноября 1841 года.

«Сколько мог я понять,— отвечал Некрасов редактору „Литературной газеты" 25 ноября 1841 года,— в постоянные сотрудники я Вам не гожусь, а могу писать когда вздумается, то есть, другими словами, отношения мои с Вашей газетой могут быть только такие, как и со всеми другими журналами; написав что-нибудь, я могу посылать в который мне угодно журнал, пожалуй и в „Л<итературную> г<азету>". <...> В исчислении достоинств Вашего будущего сотрудника Вы намекаете мне, что во мне недостает аккуратности, деятельности, постоянной любви к труду и мало ли еще чего, даже и таланта <...> Согласен со всем. Но спрашиваю, найдете ли Вы человека, который бы имел все такие качества... Не знаю». (Н12, X, 30).

Возвращение Некрасова в Петербург и личная встреча с редактором, по-видимому, несколько улучшили их отношения. Впрочем,

---

[1] Конфликт Некрасова и Кони подробно проанализирован В. Е. Евгеньевым-Максимовым в первой части его книги «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова» (М.; Л., 1947. С. 230—242).

в объявлении редакции о подписке в 1842 году на «Литературную газету»[2] был дан длинный список сотрудников газеты, в котором Некрасов назван дважды — под собственным именем и под псевдонимом Перепельский.

Приложение «критик» здесь сопровождались два имени: Арнольд («музыкальный критик») и Белинский. Однако при подведении итогов 1842 года редактору «Литературной газеты» пришлось дать гораздо более краткий список участников издания. В нем сохранились оба имени Некрасова, но ни Белинский, ни И. И. Панаев (его участие также было обещано на 1842 год), ни Арнольд здесь уже не названы.[3]

В этом году значительную долю журнальной работы Кони взял на себя. Его фамилией или инициалами подписано огромное количество статей в отделе «Театр», фельетонов, очерков в отделе «Науки, художества, искусство». Принадлежность редактору «Литературной газеты» многих статей, напечатанных анонимно, раскрыта в ее оглавлении, приложенном к последнему номеру года. В отделе «Критики» инициалами Кони подписана всего одна рецензия на перевод романа Ч. Диккенса «Оливер Твист» (№ 1).

К настоящему времени выявлены как некрасовские или приписываемые ему с разной степенью убедительности 23 небольшие литературные рецензии 1842 года и 2 театральных обзора. В течение 1842 года в газете напечатан всего один рассказ Некрасова — «В Сардинии» (№ 10 от 8 марта). В 1841 году, в № 8 «Пантеона», вышедшем в свет в 1842 году, как уже говорилось выше, напечатан водевиль Некрасова «Актер». Вот и вся известная нам печатная продукция Некрасова за 1842 год. Почти вся она относится к его первым трем месяцам. По объему это гораздо меньше, чем в 1841-м и даже 1840 годах.

Если учесть, что литературный заработок у Некрасова в это время — основное средство к существованию, то указанное количество публикаций ни в коей мере не соответствует тому минимуму, который мог обеспечить молодому журналисту сносную жизнь.

Объяснение резкого спада журнальной деятельности Некрасова с весны 1842 года находим в его письме к сестре Анне от 9 октября 1842 года, где, жалуясь на безденежье, он говорит: «У меня обыкновенно деньги бывают, когда я работаю, а так как я теперь почти постоянно болен, то работать не могу — следовательно, и ничего не зарабатываю. И это <уж> продолжается целых четыре месяца и не знаю, когда кончится» (Н12, X, 36). В этом же письме Некрасов сообщает, что намерен поступить в ближайшее время на службу в статистическое управление при Министерстве внутренних дел (Н12, X, 37).

Итак, наибольшая активность Некрасова-журналиста в 1842 году падает на первую половину года. Значит, Ф. Кони все-таки с самого

---

[2] Литературная газета. 1841. 14 октября. № 116. С. 463—464.

[3] Там же. 1842. 20 декабря. № 50. С. 1027.

начала года поручил ему вести критико-библиографический отдел «Литературной газеты».

Разумеется, Некрасов не мог рецензировать абсолютно все новые книги. Издания, требующие специальных знаний, рецензировались знатоками в соответствующих областях науки и культуры. В таких случаях под рецензией выставлялось имя автора или его инициалы. Однако таких случаев в «Литературной газете» 1842 года немного.[4]

Как сотрудник редакции Некрасов наладил связь с книжным магазином И. Т. Лисенкова, из которого получал для рецензирования новые книги. В письме к книгопродавцу от 12 января 1842 года, содержащем очередной запрос книг, Некрасов выступает от имени редакции газеты: «Я и Федор Алексеевич Кони ручаемся, что книги эти через три дня будут возвращены Вам в целости и чистоте, а за то, что Вы нас одолжите ими, — будет *безденежно* объявлено в „Литер. газете" о продаже их в Вашем магазине» (Н12, X, 33).

Именно благодаря трем сохранившимся запискам Некрасова к Лисенкову от января—февраля 1842 года с названием требуемых для рецензирования книг нам и стали известны некрасовские критические выступления этого периода. Однако фактическое участие Некрасова в «Литературной газете» первых месяцев 1842 года этим, разумеется, не исчерпывается.

Укажу на несколько публикаций того времени, которые несут на себе приметы некрасовской критики и публикации. В № 4 «Литературной газеты» от 25 января 1842 года помещена большая анонимная рецензия на две первые книжки «Репертуар русского и Пантеона всех европейских театров», издаваемого с 1842 года И. П. Песоцким. Основным ее автором был, как это видно из содержания рецензии, сам Кони, болезненно переживавший утрату «Пантеона» и ревниво следивший за новым изданием, образованным путем объединения «Репертуара...» и «Пантеона...», в руках журнального конкурента и соперника бывшего редактора «Пантеона».

Руководитель нового театрального журнала уличался в рецензии «Литературной газеты» в ряде фактических ошибок, в невежестве и редакторской небрежности. Заключительная часть этой рецензии представляет собой полемику — ответ на недоброжелательный отзыв журнала Песоцкого о статье Кони, посвященной актеру И. А. Дмитревскому.

В «Репертуаре и Пантеоне» был выпад и против Некрасова-драматурга. «О водевилях г. Перепельского,— читаем мы в названной

---

[4] Рецензия на первый выпуск драматических произведений Шекспира в переводе Н. Х. Кетчера (в № 3) подписана крипотонимом «А. Б.»; первая часть Сочинений Платона отрецензирована П. Цитовым (№ 13); под рецензией на «Всеобщий терминологическо-медицинский лексикон...» Л. Гринберга (№ 40) — криптоним «М. Б.».

рецензии „Литературной газеты",— сказано, что все они, кроме „Шила в мешке не утаишь", весьма слабы и все переделаны с французского. Тут „Репертуар" впал в явное противоречие с самим собою. Положим, что водевиль г. Перепельского (хотя все они, кроме „Феоклиста Онуфриевича Боба," имели успех на сцене) весьма слабы; но почему же „Репертуар", как видно из 2 № „Северной пчелы", печатает один из них („Вот что значит влюбиться в актрису!") в 12 книжке своей за прошлый год? (которую, сказать мимоходом, он только еще обещает своим подписчикам). Ведь он обещал публике только пиесы хорошие, имеющие литературное достоинство и успех на сцене! Ясно, что „Репертуар" в жару нерасположения своего к г. Перепельскому как сотруднику „Литературной газеты" жестоко промахнулся и наложил руку на самого себя».[5]

Вряд ли в данном случае за Некрасова полемику вел Кони.

Одна из ошибок «Репертуара и Пантеона», отмеченных в рецензии «Литературной газеты», состояла в том, что в журнале Песоцкого содержатель нового Ярославского театра М. Я. Алексеев назван Яковлевым. Это наблюдение принадлежит несомненно Некрасову, который только что вернулся из Ярославля, был там на открытии нового театра и писал об этом статью (см.: ч. II, глава первая).

Рецензия содержит иронический пассаж по поводу грандиозных творческих планов Н. А. Полевого-драматурга, анонсируемых «Репертуаром и Пантеоном», который также скорее принадлежит Некрасову, чем Кони.

В № 10 «Литературной газеты» от 8 марта 1842 года напечатана известная рецензия Некрасова на роман Фан-Дима «Два призрака».

«Не далее как в прошлом нумере,— читаем мы в анонимной рецензии на русский перевод романа Кёнига „Жизнь и поэзия Вильяма Шекспира",— мы говорили о „Двух призраках", произведении г. Фан-Дима, произведении, замечательном в особенности тем, что автор его выступил на литературное поприще самым странным образом, противоречащим общепринятому обычаю. Каждый новый писатель у нас обыкновенно пробовал сначала свои силы в каком-нибудь журнале и потом уже под его защитою выдавал в свет свое произведение. Г-н Фан-Дим поступил совсем иначе: он не печатал первоначальных своих вдохновений ни в одном журнале, и мы до выхода в свет „Двух призраков" знали г. Фан-Дима только по весьма скучной и слабой повести его „Александрина", помещенной в первом томе „Русской беседы" <...>.

Не успели мы расквитаться с двумя призраками, которые преследовали нас на прошлой неделе, как уже на нынешней

[5] Литературная газета. 1842. 25 января. № 4. С. 76.

неделе неотступно следует за нами тень величайшего из поэтов мира».[6]

Эта автоотсылка — серьезный аргумент в пользу принадлежности названной рецензии Некрасову, хотя для уверенной атрибуции она не может быть достаточной. Такими отсылками и другими сходными свидетельствами преемственности пронизана вся газета рассматриваемого периода. Так, например, еще за две недели до публикации рецензии Некрасова на роман М. Н. Загоскина «Кузьма Петрович Мирошев» эту рецензию обещал автор фельетона «Литературные новости», предварительная краткая оценка которого также совпадает с оценкой в рецензии Некрасова.[7]

В «Литературной газете» 1842 года есть и рецензии, содержащие стихотворные пародии («Альбом избранных стихотворений, посвященных прекрасному полу»; «Русский патриот»; «Пять стихотворений Н. Ступина»; «Петергофский праздник» И. И. Мятлева). Все они давно уже атрибутированы Некрасову.

Укажу еще на одну стихотворную пародию на стихи Мятлева в «Литературной газете» 1842 года, не отмечавшуюся некрасоведами. Она помещена в краткой юмористической заметке «Вот что пример хороший значит!»:

«Автор „Г-жи Кудрюковой" И. И. Мятлев настроил лютню свою на лирический тон. Его новейшее стихотворение под названием „Бывало", напечатанное в „Современнике", может назваться явлением решительно изумительным в русской литературе. Но хорошие примеры так же заразительны, как и дурные. Пушкин пустил по миру множество подражателей. Г-н Мятлев породил их также немалое число. Один из них довольно удачно подражает маэстру своей школы. Вот стихи его, к нам присланные:

Бывало, бывало,
Весна расцветала,
Душа ликовала,
Синичка певала
И грудь надрывала...
Бывало, бывало!

Бывало, бывало,
Ночь жарко пылала,
С одра покрывало
Долой ниспадало
И спать не мешало...
Бывало, бывало!

---

[6] Литературная газета. 1842. 15 марта. № 11. С. 232.
[7] См.: Там же. 15 февраля. № 7. С. 150.

Бывало, бывало!
Вдруг холодно стало,
Хоть два одеяла,
А все мне их мало,
Ознобом пробрало...
Бывало, бывало.

Бывало, бывало!
Змеиное жало
Души не пронзало.
Все, словно зерцало,
Блистело, сияло!
Но все то пропало,
Что делом считало
Столетья начало.—
Бывало, бывало!»

Это еще одна пародия Некрасова под маской вымышленного подражателя-эпигона, как и в «Важной новости» 1840 года. Таких пародий, «присланных в редакцию» «неизвестными» корреспондентом «Литературной газеты», и в последующие годы будет немало. Все они, как известно, принадлежат Некрасову. Для примера укажу на его «Послание к соседу» — пародию на стихотворение Н. М. Языкова «М. П. Погодину»,[8] которая сопровождалась заметкой, очень сходной с заметкой «Вот, что пример хороший значит!». Этим же приемом подачи пародий Некрасов пользуется в фельетонном цикле «Хроника петербургского жителя» (1844) и (вместе с И. И. Панаевым) очень часто в фельетонах *Нового поэта*.

27 ноября 1842 года в петербургском Большом театре состоялась премьера оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила» (автор либретто В. Ф. Ширков, Н. В. Кукольник и др.). Некрасов, очевидно, был на одном из первых представлений этой оперы. В первой главе «Говоруна», относящейся к концу 1842-го — началу 1843 года, устами своего журнального персонажа Белопяткина Некрасов передает впечатление, нелестное как для либреттистов, так и для великого русского композитора:

В душе моей остылую,
Лишенную всех сил
«Русланом и Людмилою»
Жизнь Глинка разбудил.

[8] Подробнее об этом см. в главе «Некрасов, Панаев — Новый поэт» моей книги «Некрасов — журналист» (Л., 1989).

Поэма музыкальная
Исполнена красот,
Но самое печальное
Либретто: уши рвет!

(Н15, I, 392)

Это обстоятельство так смутило А. М. Гаркави, автора комментария к «Говоруну» в академическом издании сочинений Некрасова, что он счел необходимым «отмежевать» Некрасова от Белопяткина: «Подобные легковесные суждения о либретто оперы „Руслан и Людмила",— пишет исследователь,— высказывания о несценичности оперы имели место непосредственно после премьеры <...> Нет основания считать, что Некрасов солидаризировался с этими словами, вложенными в уста Белопяткина, тем более что к февралю 1843 г. (когда появилась глава 1 «Говоруна») передовая публика уже по заслугам оценила гениальную оперу Глинки» (Н15, I, 681).

Все же есть основания думать, что в этом случае «в уста Белопяткина» Некрасов вложил собственное мнение о либретто «Руслана и Людмилы», а линия раскола в мнениях о новом произведении Глинки не совпадала с линией, отделявшей передовую часть интеллигенции от консервативной. В февральской книжке «Отечественных записок» 1842 года была напечатана восторженная оценка оперы В. Ф. Одоевским. Белинский же в письме к В. П. Боткину от 6 марта 1843 года не без раздражения сетовал на репертуар Большого театра: «На горе мое, дают всё балет „Жизель" да „Руслана", о котором Одоевский натрёс дичи в „Смеси" 2 № „Отечественных записок"» (Б, XII, 132).

«Литературная газета» в своем предпоследнем номере 1842 года поместила рядом две большие статьи, посвященные анализу отдельно изданного либретто «Руслана и Людмилы» и самой оперы Глинки. Вторая из них подписана Федором Кони. «Опера М. И. Глинки,— писал Кони,— не имеет общей идеи, а частностей много, которые составляют не *большое*, а *длинное* сочинение, ибо частности эти почти не имеют положительной связи и составляют цепь музыкальных пиес, из которых отняв звено, два или больше, значения ее не уничтожишь. Стало быть, как *оперу* в современном ее значении „Руслана и Людмилу" рассматривать нельзя».[9]

Один из основных недостатков оперы Глинки Кони видел в том, что композитор «выбрал либретто, лишенное всякой тени смысла, что читатели наши усмотрят из разбора его, помещенного в этом номере „Литературной газеты"».[10]

---

[9] Литературная газета. 1842. 13 декабря. № 49. С. 999—1000.
[10] Там же. С. 1000.

Рецензия на либретто, помещенная непосредственно перед статьей Кони, анонимна.

«Автор *оперной* поэмы или, как говорят итальянцы, *libretto* есть мученик композитора. Это истина, против которой не может быть возражений,— писал рецензент,— истина, в пользу которой красноречивее всего говорят тысячи бестолковых *libretto*, написанных людьми толковыми и даровитыми. Не всякий знает, до какой степени трудно писать слова для оперы. Поэт, свободный в выборе предмета для своего творчества, не обязанный подчиняться в выполнении своей идеи ничему, кроме личного вкуса и вдохновения, обладающий правом сносить со всех концов обширного царства поэзии красоты в свое произведение,— теряет большую часть своих преимуществ, как скоро берется за перо с намерением писать *libretto*».[11]

Между прочим, у Некрасова — наиболее вероятного автора этой рецензии — был собственный опыт писания либретто. Осенью 1839 года он работал над либретто для оперы «Испанка», задуманной К. А. Данненбергом.[12] «...Очень жаль,— сетовал рецензент „Литературной газеты", что даровитый и почти единственный наш композитор М. И. Глинка выбрал для своей новой оперы *libretto*, бесспорно прекрасное по содержанию (заимствованному из сказки Пушкина), но весьма неудовлетворительное по выполнению.»[13]

В пользу авторской принадлежности этой рецензии Некрасову говорит и своеобразный способ стихотворного пародирования, который применяет рецензент. «...Особенно замечательны,— иронизирует он над либретто „Руслана и Людмилы",— следующие стихи:

Радость
Боги
Ныне
Дали
Нам!

Нет сомнения, что это стихи! В противном случае мы должны допустить, что М. И. Глинка писал свою прекрасную музыку на прозу, что артисты пели прозу, что публика слушала вместо стихов прозу, что *libretto* оперы в прозе, чего по законам оперным и человеческим допустить невозможно... Итак, это стихи, но стихи в новом роде, честь изобретения которого принадлежит автору *libretto*. Впрочем он не исчерпал еще всей глубины своего блистательного открытия; мы сделали в нем важное усовершенствование, которое спешим

[11] Литературная газета. 1842. 13 декабря. № 49. С. 995.

[12] См.: Вацуро В. Э., Некрасов и К. А. Данненберг. Русская литература. 1976. № 1. С. 136.

[13] Литературная газета. 1842. 13 декабря. № 49. С. 996.

опубликовать, покуда нас не предупредили. Мы придумали способ писать стихи еще короче. Возьмем для примера ту же мысль и изложим ее по нашей методе:

Ра
Дость
Бо
Ги
Да
Ли
Нам!

И это стихи!.. Не правда ли?.. Стихи! Конечно, стихи!.. Ну так уж и это, должно быть, стихи:

Р
А
Д
О
С
Т
Ь

Б
О
Г
И и *и пр.*

Не возражайте! Если это не стихи, то и стихи автора либретто не стихи,— что, как вы сами согласились, противно законам оперным и человеческим!..»[14]

Совокупность приведенных данных, по моему мнению, достаточно убедительно свидетельствует о принадлежности рецензии на либретто «Руслана и Людмилы» Некрасову.

В конце февраля 1842 года в конторе «Отечественных записок» и «Литературной газеты» («на Невском проспекте, против Казанского собора, в доме Петропавловской лютеранской церкви») была открыта книжная лавка А. И. Иванова, который стал и управляющим обеих контор. Именно это обстоятельство объясняет прекращение деловой переписки Некрасова с Лисенковым, которая, как уже говорилось, едва ли не единственный документальный источник для реконструкции корпуса критико-библиографических материалов Некрасова 1842 года. И если нам не известны письменные обращения Некрасова

[14] Литературная газета. 1842. 13 декабря. № 49. С. 998.

к Иванову, это вовсе не значит, что авторское участие его в отделе критики «Литературной газеты» с этого времени прекратилось.

Весной 1842 года Кони снова уехал В Москву. На этот раз ответственность за издание газеты была возложена не на Вельсберга, продолжавшего исполнять обязанности корректора «Литературной газеты», а на Некрасова.

В письме к Кони в Москву от 2 апреля 1842 года он сообщал: «Я <...> прилагаю и буду прилагать свои старания относительно „Лит<ературной> газеты" сколько хватит сил моих. <...> Да вот еще что: у нас уже давно очень не было картинки мод при газете. К Краевскому хожу каждую неделю на совет о составлении нумеров „Литер. газеты"...» (Н12, X, 35).

Из этого же письма видно, что Некрасов готовил без Кони и не вышедшие в 1841 году номера «Пантеона». Анализируя это письмо, В. Е. Евгеньев-Максимов пришел, как он пишет, к «неизбежному» выводу: «Краевский, приглашая Некрасова „на совет о составлении нумеров", считался с ним как с журналистом, уже не лишенным некоторой опытности в том, что составляет собственно редакторские функции...»[15]

Этот вывод исследователя, очевидно, нуждается в уточнении. Некрасов, по всей вероятности, был уполномочен ответственным редактором газеты Ф. А. Кони выпускать ее самостоятельно. С фактическим владельцем «Литературной газеты» Краевским Некрасов, еще не имевший достаточного опыта редактора, очевидно, испытывал потребность (а может быть, и был обязан) согласовывать подготовленные им еженедельные номера этого издания.

Белинского, не принимавшего в 1842 году прямого участия в «Литературной газете», весьма беспокоило такое положение этого издания. «Нет ли слухов о юноше-Кони? — писал он В. П. Боткину в Москву 20 апреля 1842 года.— Пропал, бессовестно бросив свою дрянную газетишку, которая до его приезда, кажется, и не будет уже издаваться» (Б, XII, 106).

В одном из своих фельетонов под рубрикой «Журнальная всякая всячина» Булгарин вновь намекал на личную редакторскую беспомощность Кони в «Литературной газете», «отголоске» «Отечественных записок», и практическое лидерство в этой газете Некрасова: «Г-н Кони пробовал быть сотрудником в другом журнале, но дело не пошло на лад <...> Что тут делать? Г-н Кони взял к себе в сотрудники *известных* остроумием драматургов и вояжеров — г. г. Перепельского и Дершау и судит о русской литературе, пишет и печатает, а при таком огромном количестве печатной бумаги,

[15] Голос минувшего. 1915. № 11. С. 39.

какая употребляется для печатания «Отечественных записок», что значат четыре листа в неделю своему спутнику?»[16]

«Прилагать свои старания относительно „Литературной газеты"» — это несомненно значит, что Некрасов не ограничивался составлением номеров и советами с Краевским. Надо полагать, что весенне-летние месяцы 1842 года — период наиболее активного авторского участия Некрасова в этом издании. А нам известно лишь участие его в «Обзоре прошедшего театрального года и новостях наступающего» (№ 16 от 26 апреля).

Кроме критико-библиографического отдела в газете этого периода, в котором следует искать еще не выявленные рецензии Некрасова, должна быть внимательно обследована рубрика «Александринский театр», большая часть которой (в № 2, 3, 6, 12, 18, 21, 22, 24, 30, 37, 38, 40, 44, 47) не принадлежит Кони.[17]

Следует также учитывать, что именно ко времени с апреля по декабрь 1842 года, когда авторское участие Некрасова в «Литературной газете» почти прекратилось, относится его интенсивная работа над несколькими водевилями. В апреле при участии Некрасова была завершена коллективная работа над водевилем «Похождения Петра Степанова сына Столбикова», а во второй половине этого года были написаны «Материнское благословение», «Кольцо маркизы» и «Волшебное кокорику».

Внимательный читатель, который будет знакомиться с «Литературной газетой» 1842 года, несомненно придет к выводу, что во втором полугодии ее «журнальные» отделы (критика, фельетон) утратили разнообразие и живость, которые придавали газете прежде материалы Некрасова. Кажется, это заметил и Белинский. Именно потому, вероятно, когда Ф. В. Булгарин в № 261 «Северной пчелы» 1842 года в очередной раз посетовал на то, что «Отечественные записки» и «Литературная газета» «в каждой книжке и каждом листе» дружно нападают на него, Белинский поспешил отмежеваться от издания Кони: «Чтоб утешиться в горе, „Северная пчела" старается уверить публику, что „Отечественные записки" и „Литературная газета" — одно издание и г-на Кони называет критиком „Отечественных записок"!.. «К чему все эти проделки? Публика знает, что „Литературная газета" — совершенно отдельное от „Отечественных записок" изданье, нисколько не зависящее от них в своем направлении и образе мыслей и не имеющее с ним никакой связи; г. Кони никогда не был критиком „Отечественных записок" и даже никогда не участвовал в этом журнале как сотрудник... Кому это неизвестно и кого, с какой целию хотят уверить в противном?» (Б, VI, 510).

---

[16] Северная пчела. 1842. 20 ноября. № 261. С. 1643.

[17] Инициалами Кони (Ф. К.) подписаны обзоры «Александринский театр» в № 4, 8, 23, 28, 42, 46 газеты.

Глава четвертая

ГОД 1843-й. «Я ВИДЕЛ, КАК ПРИНЯЛСЯ ЗА НЕГО БЕЛИНСКИЙ»

Если судить по выявленным к настоящему времени журнальным публикациям Некрасова, в 1843-м, как и в предыдущем году, его обязанности в «Литературной газете» сосредоточились на критико-библиографическом отделе издания. Участие Некрасова в беллетристическом отделе ограничивается рассказом «Помещик двадцати трех душ» (№ 12 от 21 марта).

Чрезвычайно активно в газете 1843 года участвовал сам редактор, как правило, подписывавший свои публикации. Принадлежность ему некоторых анонимных статей этого года раскрыта в годовом оглавлении «Литературной газеты». Кони принадлежит весь отдел «Театр. Театральная критика и летопись». Исключение составляют 2-я и 3-я статьи обзора «Петербургские театры», помещенные в январских номерах газеты. Они подписаны инициалами «Н. Н.» и, как известно, принадлежат Некрасову. Статья 1-я, также некрасовская, напечатана в конце 1842 года. Кони принадлежит и подавляющее большинство статей, помещенных в отделе «Науки, художества, искусство и промышленность».

В отличие от предыдущих в «Литературной газете» 1843 года существенно усилен публицистический отдел (рубрики «Журнальная амальгама» и «Фельетон»). Большая часть этих материалов анонимна. Лишь в одном случае (фельетон «Журналистика» в № 18 от 9 мая) поставлена подпись «Ф. Кони». Авторство Кони легко устанавливается еще в нескольких фельетонах «Журнальной амальгамы» (№ 5, 15, 17), где он выступает от собственного имени.

Учитывая огромный объем авторского участия редактора в «Литературной газете» 1843 года, следует, очевидно, полагать, что критико-библиографический отдел этого издания был поручен полностью Некрасову. Ведь он оставался ближайшим помощником редак-

тора газеты и, очевидно, единственным (кроме самого Кони) пишущим сотрудником редакции. К настоящему времени нам известно всего 17 рецензий Некрасова в «Литературной газете» 1843 года, что, очевидно, составляет лишь небольшую часть его реального вклада в критико-библиографический отдел этого издания.

Последовательность, преемственность в изъявлении литературно-общественной позиции, в оценках творчества отдельных писателей, стилистическое единство огромного большинства рецензий — все это говорит о том, что, за немногими исключениями, литературно-критический отдел «Литературной газеты» 1843 года принадлежит одному человеку. То же самое следует сказать и о фельетонах этого рода, в составлении которых Кони мог принимать лишь эпизодическое участие. И то, что к настоящему времени не известен ни один фельетон Некрасова в «Литературной газете» 1843 года, вовсе не значит, что их там нет.

Разумеется, эти наблюдения пока лишь в общих чертах определяют группу материалов газеты, требующих повышенного внимания некрасоведов. Для уверенной атрибуции какого-либо из этих материалов необходимы дополнительные атрибутивные данные. Пока таких данных у меня немного. Вот некоторые из них.

Как и в предыдущие года, работа в «Литературной газете» не обеспечивала Некрасову материального достатка, и он не упускал любой другой возможности литературного заработка. Д. В. Григорович, познакомившийся с Некрасовым в 1842 году, вспоминал о том времени: «Денежные обстоятельства Некрасова должны были быть тогда весьма незавидны. Я не раз заставал его за рукописью, присланной ему каким-то стариком для исправления в ней языка; рукопись трактовала о разных способах ухода за пчелами. Такая работа не могла приносить ему много, и надобно было нуждаться в деньгах, чтобы за нее взяться».[1]

Это свидетельство мемуариста не останавливает внимания некрасоведов — очевидно, в силу кажущейся его условности. Оказывается, однако, что Григорович в данном случае ничего не придумал. По всей вероятности, он имеет в виду книгу «Стеклянный улей, или Чудные явления в жизни пчел. Сочинение Витвицкого. С картинками» (СПб., 1843).

Весьма пространное рекламное сообщение об этой книге появилось в «Литературной газете» за месяц до ее выхода в свет. Автор фельетона «Журнальная амальгама» предварял это сообщение анализом состояния литературы о сельском хозяйстве. Пособия для сельских хозяев в России создаются, на его взгляд, людьми, которые «не выезжали из города далее двух верст за Парголовскую заставу

---

[1] *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. Л., 1961. С. 79.

и до Павловска по железной дороге; большая часть не видали во сне, как пашут и засеивают землю, как разводят сады, что значит сельское хозяйство».[2]

По мнению фельетониста «Литературной газеты», такое положение можно изменить только тогда, «когда сельские хозяева будут не покупать, а сами писать такие книги, основываясь на своих наблюдениях и опытах. Так поступает г. Витвицкий, которого сочинение под заглавием „Стеклянный улей. Извлечение любопытнейших явлений из естественной истории пчел" в первых числах февраля должно выйти в свет. Г-н Витвицкий — известный пчеловод. Он посвятил всю жизнь свою изучению пчел и обогатил нашу литературу несколькими прекрасными сочинениями о пчеловодстве...»[3]

Далее следовала в высшей степени заинтересованная, увлекательная характеристика книги Н. М. Витвицкого.

По выходе книги в свет «Литературная газета» откликнулась на нее большой хвалебной рецензией. «Боже мой! — восклицал рецензент.— Сколько у нас есть людей ученых, деятельных и трудолюбивых по разным отраслям науки и знаний человеческих и как мало у нас выходит дельных книг с новым взглядом, с хорошим общепонятным изложением предмета, которые, двигая науку в России, в то же время делали бы ее доступною всем образованным классам народа, а не одним ученым! А между тем, мы не можем сказать, что мы в науке отстали от остальной Европы. И у нас есть люди, озаряющие мир знаний новыми идеями, новыми открытиями. Механика, математика, естествознание стоят у нас на высокой точке. И у нас делаются открытия, которыми Европа жадно пользуется и которые она еще больше возвышает умным приложением их к жизни и гражданственности. Посмотрите, например, какие неисчислимые пользы извлекли Англия и Франция из гальванопластики Якоби, из карболенна Вешнякова, из подводных брандеров Шильдера, из торцовых мостовых Гурьева! А ведь зерно этих польз принадлежит России, хотя мы меньше всех воспользовались изобретениями наших соотечественников».[4]

Основная мысль рецензента «Литературной газеты», высоко оценившего книгу Витвицкого,— научность содержания и увлекательность формы этого издания.

Необходимо отметить, что такое внимание «Литературной газеты» до 1844 года (когда в ней было образовано специальное приложение «Записки для хозяев») к книгам подобного рода — явление исключительное. Чтобы книга о пчелах рекламировалась и рецензировалась

[2] Литературная газета. 1843. 24 января. № 4. С. 83.

[3] Там же. С. 83.

[4] Там же. 7 марта. № 10. С. 196.

здесь, нужна была особая заинтересованность фельетониста и рецензента этой газеты. Если Григорович имел в виду именно эту книгу (а в этом трудно сомневаться, так как других русских книг по пчеловодству в эту пору не выходило), то Некрасов, литературный ее редактор, был, очевидно, и автором фельетона и критического отзыва о «Стеклянном улье». Взяв на себя литературную редакцию этой книги, Некрасов, конечно, считал нужным популяризировать ее в читательской среде.

Фельетонные информации «Литературной газеты» о готовящихся к печати или только что поступивших в книжные магазины изданиях бывали, как правило, кратки. Подробное представление книги Витвицкого читателям за месяц до выхода ее в свет — явление необычное. К таким же исключениям относится и фельетон «Журнальная амальгама», большая часть которого посвящена первому выпуску издававшихся Некрасовым «Статеек в стихах без картинок».

Известно, что первый по времени отзыв об этом издании, содержащийся в фельетоне «Петербургская хроника» «Русского инвалида» от 27 февраля 1843 года, принадлежит самому Некрасову.[5] «Литературная газета» с фельетоном о «Статейках в стихах...» вышла на следующий день и за несколько дней до поступления издания в книжные магазины.[6]

В фельетоне «Литературной газеты» «Статейкам в стихах...» посвящены две первые главки: «Шуточная литература», «Статейки в стихах» (эти названия даны в подзаголовке фельетона).

Автор подробно анализирует то «шутливое направление», которое приняла русская литература в начале 40-х годов XIX века. Бульварные книжонки и «листки» Ф. В. Булгарина, Н. А. Полевого, В. С. Межевича, В. Р. Зотова и других «литературных промышленников» издаются, по его мнению, с единственной целью — «мелкая монета». «Теперь перед нами лежит,— говорит автор фельетона,— что-то вроде этих изданьиц, книжечка тоненькая, маленькая, в 30 страничек под заглавием „Статейки в стихах", названная в шутку *томом*. Но она, несмотря на видимое сродство со всеми политипажными и неполитипажными изданьицами, имеет высокие перед ними преимущества. Это шутка человека умного, который *по-своему* смотрит на все интересное в современном Петербурге. В этой книжке меньше претензии, чем во всех предыдущих, и

[5] См.: *Гин М. М.* Неизвестный фельетон Некрасова// Русская литература. 1965. № 2. С. 162—165.

[6] Первое объявление книжного магазина (М. Д. Ольхина) о поступлении в продажу «Статеек в стихах...» было в «Северной пчеле» (1843. 3 марта. № 48).

более истинного остроумия, хотя и она, кажется, стоит только четвертак или двугривенный,— не помним хорошенько. Книжонку можно пробежать в десять минут, а улыбнешься в ней более тридцати раз — это не шутка в современной шутке».[7]

Далее в фельетоне приведены большие фрагменты из «Встречи старого 1842 года с новым 1843» Н. И. Куликова и некрасовского «Говоруна», помещенных в книге. Трудно представить, чтобы вместо самого Некрасова рекламную информацию об этом издании в «Литературной газете» писал Кони или какой-то другой сотрудник.

Ко времени выпуска «Статеек в стихах» относится сближение Некрасова с Белинским, который в 1843 году не принимал участия в «Литературной газете». Уже в начале апреля этого года они были так близки, что задумали вдвоем «смастерить популярную мифологию», используя для этого перевод «какой-нибудь немецкой книжонки» по мифологии (Б, XII, 154).

И. С. Тургенев в своих воспоминаниях свидетельствует, что Белинский «летом 1843 года лелеял и всюду рекомендовал и выводил в люди Некрасова...»[8]

«В 1843 году,— писал П. А. Анненков о Некрасове,— я видел, как принялся за него Белинский, раскрывая ему сущность его собственной натуры и ее силы, и как покорно слушал его поэт, говоривший: „Белинский производит меня из литературного бродяги в дворяне"».[9]

В 1872 году о своем сотрудничестве в «Литературной газете» Некрасов писал: «Отзывы мои о книгах обратили внимание Белинского, мысли наши в отзывах отличались замечательным сходством, хотя мои заметки в газете по времени часто предшествовали отзывам Белинского в журнале. Я сблизился с Белинским» (Н12, XII, 13; ср.: XII, 23).

Белинский «открыл» Некрасова-журналиста гораздо раньше, чем поэта. В массе петербургской «литературной тли» критик разглядел журналиста, который как будто от рождения владел всеми литературными жанрами и видами журнальной работы.

Вывести Некрасова в литературные дворяне — значило прежде всего ввести его в круг друзей Белинского, перворазрядных литераторов, ввести его в круг тех идей и проблем, которыми жила большая литература 1840-х годов XIX века.

---

[7] Литературная газета. 1843. 28 февраля. № 9. С. 183.

[8] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1983. Т. 11. С. 47. Мемуарист имеет в виду, очевидно, весну или осень 1843 года, т. к. все лето Белинский провел в Москве.

[9] М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т.III. С. 552.

С первого номера «Отечественных записок» 1843 года Некрасов вместе с И. И. Панаевым участвовал в сатирических «Литературных и журнальных заметках» Белинского.[10] Еще до отъезда Белинского в Москву в № 3 и 5 «Отечественных записок» 1843 года были напечатаны две рецензии Некрасова на отдельные выпуски «Очерков русских нравов...» Булгарина. А в отсутствие Белинского Некрасов взял на себя часть его обязанностей по критическому отделу журнала Краевского. В письме к редактору из Москвы от 8 июля 1843 года Белинский не без некоторого сомнения цитировал слова Краевского, который, возможно, слегка преувеличивал степень участия Некрасова в летних номерах «Отечественных записок»: «Я оставил Вам несколько рецензий, а книг — Вы пишете сами — в Питере нет; а между тем Вы еле-еле можете расплачиваться с Некрасовым, Сорокиным и прочею голодною братьею, *работающею за меня*» (Б, XII, 165).

Пока нам известна всего одна рецензия Некрасова в «Отечественных записках» того времени — на вторую часть книги В. А. Соллогуба «На сон грядущий» (в № 7). Среди неатрибутированных рецензий этого номера, которые не могут принадлежать Белинскому,[11] есть и рецензия на второй «том» «Статеек в стихах», изданных Некрасовым. Думается, что и в этом случае наиболее вероятный автор этой рецензии — сам издатель этой книги.

Еще одна, последняя из известных нам публикаций Некрасова в «Отечественных записках» 1843 года — его рассказ «Необыкновенный завтрак» (в № 11).

С начала 1843 года А. А. Краевский стал редактором литературной части «Русского инвалида», что существенно усилило положение «Отечественных записок» и «Литературной газеты» в журнальном мире и в их борьбе с изданиями «журнального триумвирата» (Ф. В. Булгарин, Н. А. Греч, О. И. Сенковский). Переговоры об этом Краевский и, очевидно, Белинский вели еще в конце 1841 года. В обозрении „„Русская литература" в 1841 году» Белинский писал: «...Есть повод надеяться, что в нынешнем (1842 г.— **Б. М.**) году „Русский инвалид" значительно расширит свои пределы и даст обширное место статьям литературным, фельетону, библиографии; самый формат его увеличится, может быть, в первую, может быть, во вторую половину года» (Б, V, 578). Однако дело было решено только к концу 1842 года.

В информационной заметке «Литературной газеты» об этом преобразовании не обошлось без намека на антибулгаринское

---

[10] См. об этом в главе «Некрасов, Панаев — Новый поэт» моей книги «Некрасов — журналист» (Л., 1989).

[11] См.: *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки» 1839—1848. М., 1985. С. 444—446.

направление обновляющегося «Русского инвалида»: «Как газета правительственная, „Инвалид" не имеет надобности нисходить до целей, заставляющих иногда иные частные газеты действовать не совсем литературно. Участие в „Инвалиде" литераторов опытных в журнальном деле ручается, что направление его будет чисто литературное, не имеющее в виду ничего, кроме пользы и удовольствия читателей».[12]

Исследователи творчества Некрасова сравнительно недавно обратились к «Русскому инвалиду» 1843 года. Но уже сейчас с разной степенью убедительности Некрасову атрибутировано пять фельетонов, печатавшихся под рубрикой «Журнальные отметки».[13] 1843 год стал этапом в судьбе Некрасова-журналиста. Богатый опыт журнальной работы, накапливавшийся с 1838 года, большой литературный талант и постепенное расширение сферы влияния в журнальном мире, сближение с Белинским и его товарищами по «Отечественным запискам» — все это к началу 1844 года вывело Некрасова на новый уровень литературно-общественной деятельности. В 1844 году, думаю не без согласия Белинского, Некрасов стал неофициальным редактором «Литературной газеты».

[12] Литературная газета. 1842. 6 декабря. № 48. С. 983.

[13] М. М. Гин атрибутировал Некрасову, как уже здесь упоминалось, фельетон в № 44 этой газеты (Русская литература. 1965. № 2. С. 162—165); Т. С. Царькова — три фельетона в №№ 17, 118, 140 (доклад на XX Всесоюзной некрасовской конференции в Иванове, 1980 г.); Н.С.Никитина указала на принадлежность Некрасову фельетона в № 101 (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. М., Т.1. 1978. С.463).

Глава пятая

ГОДЫ 1844—1845-й. НЕГЛАСНЫЙ РЕДАКТОР «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Осенью 1843 года Краевский продал свои права на издание «Литературной газеты» книгопродавцу А. И. Иванову, взяв на себя обязанности ответственного редактора. С нового, 1844 года газета была подвергнута «коренному совершенному преобразованию». Объем еженедельного номера увеличился с 2 до 3 печатных листов со следующей программой:

«В первом листе — статьи по отделу наук и художеств с политипажными рисунками, нечто вроде „Живописного обозрения"; во втором листе — обзоры всех выходящих в России книг, иностранная литература, отчеты о театрах, русских и иностранных. Петербургская хроника, рассказы, анекдоты, разные известия и пр. Наконец, третий лист составит совершенно особое прибавление к газете под названием „Записки для хозяев", где будут излагаемы новые опыты и наблюдения по промышленности, преимущественно по сельскому хозяйству, и особенное внимание будет обращено на домоводство...».[1]

Разумеется, редактор «толстого» журнала «Отечественные записки» не мог взять на себя фактическое исполнение обязанностей редактора такой газеты. «Краевский по контракту взял на себя всю работу за 18 000 р. ассигнациями,— свидетельствует Некрасов в автобиографии 1872 года,— а сдал мне всю ее за 6000 р. в год» (Н12, XII, 13).

Вероятнее всего, процитированное объявление в «Русском инвалиде» писалось если не одним Некрасовым, то по крайней мере при его активном участии. По выходе первого номера преобразованной «Литературной газеты» в январской книжке «Отечественных записок» была напечатана рекламная заметка о содержании этого и будущих номеров газеты.[2] Эта заметка также, очевидно, написана новым неофициальным редактором «Литературной газеты». В «Пись-

---

[1] Русский инвалид. 1843. 5 сентября. № 197. С. 787.

[2] См.: Отечественные записки. 1844. № 1. Отд.VI. С. 46—47.

ме ***ского помещика о пользе чтения книг...» («Литературная газета». 1844. 20 апреля. № 15) Некрасов под маской вымышленного фельетонного героя еще раз обращал внимание читателей на объявленное в «Отечественных записках» преобразование газеты (Н12, V, 435).

Начало работы Некрасова в качестве неофициального редактора «Литературной газеты» ознаменовалось его программной статьей «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году», напечатанной в двух первых номерах газеты 1844 года. Доверие Некрасову столь важных обязанностей, разумеется, не могло состояться без рекомендации Белинского, который не только постоянно следил за «Литературной газетой», но и с 1840 года эпизодически участвовал в ее критическом отделе и «Смеси». Не случайно поэтому, когда Белинский в «Отечественных записках» и Некрасов в «Литературной газете» расходились в оценках каких-либо произведений, Белинский пенял своему молодому коллеге (См.: Н12, XII, 23).

Известно, что Белинский и сам принимал некоторое участие в критико-библиографическом отделе «Литературной газеты» 1844 года. В основном корпусе академического Полного собрания сочинений критика в 13 томах помещено 5 рецензий из этой газеты и две — в отделе *«Дивіа»*. Загруженный обязанностями основного критика «Отечественных записок», он, конечно, не мог быть постоянным сотрудником «Литературной газеты». Эта обязанность почти целиком легла на плечи Некрасова.

«Видимо, самый активный этап сотрудничества в „Литературной газете",— справедливо предполагает М. М. Гин, имея в виду деятельность Некрасова-критика,— не 1841—1843 гг. (такое впечатление создается при знакомстве с IX томом двенадцатитомника), а 1844 г.— апрель 1845 г...»[3] К настоящему времени Некрасову атрибутировано всего 14 критических статей и рецензий из «Литературной газеты» 1844 года.

В рецензии «Литературной газеты» на трехтомное издание «Сочинений кн. В. Ф. Одоевского», осуществленное книгопродавцем А. И. Ивановым в сентябре 1844 года, мы находим важное признание ее автора, чрезвычайно высоко оценившего это издание: «Самого себя мне поздравить особенно весело, потому что *после непрестанных восьмимесячных бесед о пустых произведениях* (курсив мой.— **Б. М.**) поговорить об умной и дельной книге — больше, чем счастие».[4]

Эти слова могут принадлежать только Некрасову — постоянному критику «Литературной газеты», и они свидетельствуют о том, что

[3] *Гин М. М.* Некоторые вопросы атрибуции литературно-критических текстов Некрасова: Некрасовский сборник. Л., 1978. Вып. VI. С. 95.

[4] Литературная газета. 1844. 14 сентября. № 36. С. 609.

им написано по крайней мере большинство рецензий в газете 1844 года (в течение года здесь отрецензировано более 160 книг).

Что же касается названной рецензии на «Сочинения» Одоевского — у меня есть и дополнительные аргументы в пользу принадлежности ее Некрасову. Издание Сочинений Одоевского, подготовленное к печати еще в 1843 году, осуществлялось Ивановым совместно с Краевским и Некрасовым. Об участии Некрасова свидетельствует сохранившаяся корректура рассказа Одоевского «Новый год», правленная рукой Некрасова. На обоих листах корректуры — пометы: «2 корр<ектура>. Нояб<ря> 23» и подписи Некрасова. На обороте второго листа — помета его же рукой: «Г-ну Краевскому».[5] Рассказ «Новый год» был помещен во второй части издания, разрешенного цензурой к печати 20 января 1844 года, где и открывал цикл бытовых повестей Одоевского под общим заглавием «Домашние разговоры».

Некрасов, как известно, не перепоручал рецензии на собственные издания другим сотрудникам «Литературной газеты» (см., например, его рецензии на «Физиологию Петербурга». «Дедушка Крылов», «Полька в Париже и в Петербурге» и т. д.).

О принадлежности большей части рецензий в «Литературной газете» 1844 года одному автору свидетельствуют многочисленные преемственные связи критических материалов, напечатанных рядом или в разных номерах газеты. Нередко встречаются специально подчеркиваемые повторы в оценках или отдельных выражениях, автоотсылки к прежним оценкам, иронические упоминания (по аналогии или противоположности) особо «замечательных», «великих» произведений, рецензированных в газете. Несколько примеров таких отсылок и повторов даны мною в главе «Замечательное сходство».

Один из приемов критика «Литературной газеты» 1844 года — демонстрация рецензируемых произведений способом выборочного цитирования. «Их не надо читать,— говорит он в рецензии на „Сенсация и замечания госпожи Курдюковой" И. П. Мятлева,— их должно только перелистывать».[6]

Тем же способом он пользуется, иронически это оговаривая, и в следующей рецензии на книгу «Теория волокитства»[7], в рецензии на книгу Ф. В. Булгарина «Суворов»[8], в рецензии на сборник стихотворений Я. П. Полонского «Гаммы».[9]

[5] ГПБ, ф. 391 (А. А. Краевского), ед. хр. 54.

[6] Литературная газета. 1844. 15 января. № 3. С. 56.

[7] См.: Там же. С. 57.

[8] См.: Там же. 22 января. № 4. С. 77.

[9] См.: Там же. 5 октября. № 39. С. 657.

Названная выше рецензия «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой» убедительно атрибутирована Некрасову[10], и это обстоятельство требует включения других рецензий, в основу которых положен метод «перелистывания» в круг материалов, требующих повышенного внимания некрасоведов.

***

Если судить по нынешним сведениям о доле участия Некрасова в «Литературной газете» 1844 года, то наибольшая часть его работы связана с публицистическим отделом («Петербургская хроника»). Из 50 номеров газеты этого года в 39 есть фельетонное обозрение петербургской жизни. Из них 19 атрибутированы Некрасову, авторство 20 фельетонов не установлено.

Одна из важных особенностей публицистических материалов «Литературной газеты» 1844 и 1845 годов состоит в том, что большая часть представляет собою несколько фельетонных рубрик, циклов (с общими для каждого цикла заголовками) и группы фельетонов, тяготеющих к цикличности. Это обстоятельство существенно облегчило задачу текстологов, занимающихся реконструкцией корпуса некрасовской публицистики этого периода.

Начало этой работе было положено еще в 1920-х годах К. И. Чуковским, указавшим в своих комментариях к стихотворным текстам Некрасова на принадлежность ему фельетонов «Петербургской хроники» 1844 года, которые сейчас известны под общим заглавием цикла «Петербургские дачи и окрестности», и фельетонов «Письмо ***ского помещика...», «О лекциях доктора Пуфа...», «Преферанс и солнце», «Письмо к доктору Пуфу».[11]

Вскоре Д. С. Лихачев дополнил эти находки еще несколькими фельетонами «Петербургской хроники» 1844 года и циклом «Хроника петербургского жителя». Под рубрикой «Петербургская хроника», как считал тогда исследователь, Некрасову принадлежали фельетоны в номерах «Литературной газеты» 1844 года: 23, 27, 28, 30, 33, 35, 41—44.[12]

Однако в общем оглавлении газеты этого года фельетоны номеров 17, 23, 27, 28 и 30 объединены названием цикла «Петербургские дачи и окрестности».

---

[10] *Егоров В. А.* Н. А. Некрасов и В. С. Межевич (Попытка атрибуции анонимной рецензии в «Литературной газете»).// Н. А. Некрасов и его время: Межвузовский сборник. Калининград, 1980. Вып.V. С. 93—102.

[11] См.: *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1927. С. 416—418, 446, 464, 480, 516, 557; *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 623.

[12] *Некрасов Н. А.* Собр. соч. М.; Л., 1930. Т. 3. С. 372.

Б. Я. Бухштаб определил состав этого цикла, а также атрибутировал Некрасову цикл (два фельетона) «Черты из характеристики петербургского народонаселения» и фельетон «Крапива».

«Надо прежде всего указать,— писал исследователь,— что количество журнальных мелочей, написанных Некрасовым в 40-е годы, огромно, и вряд ли можно надеяться когда-нибудь выявить их целиком, поскольку они большей частью анонимны и далеко не в каждом произведении есть признаки, позволяющие приписать его Некрасову с большей или меньшей долей достоверности. Приходится ограничиваться главным образом циклами, так как здесь атрибуция может быть произведена по совокупности данных, относящихся к разным произведениям, входящим в цикл».[13]

Такой подход к материалу вынудил исследователя внести существенные «уточнения» в состав цикла «Петербургские дачи и окрестности». С одной стороны, заключительный фельетон этого цикла (из № 30 газеты от 3 августа) в двенадцатитомном издании «Полного собрания сочинений» Некрасова был помещен в искусственно усеченном виде: «лишь в той части, в которой он относится к этому циклу» (Н12, V, 624).

От всей статьи остались только два первых абзаца, посвященные дачно — погодной теме. Основная ее часть, касающаяся литературных и журнальных новинок, отброшена как не относящаяся к циклу.

С другой стороны, осталось еще несколько фельетонов «Петербургской хроники» (в № 33, 35, 41—44), атрибутированных Некрасову Д. С. Лихачевым и не входящих в состав тех циклов, которые названы в годовом оглавлении «Литературной газеты». «Петербургская хроника» из № 33 газеты, имеющая очевидные признаки принадлежности Некрасову, была включена Б. Я. Бухштабом (с ошибочной ссылкой на указание годового оглавления) в цикл «Петербургские дачи и окрестности».

Фельетоны № 35, 41—44 не были включены Б. Я. Бухштабом в двенадцатитомное издание сочинений Некрасова. «На чем основано это утверждение,— писал редактор 5-го тома этого издания об указании на принадлежность названных фельетонов Некрасову,— неясно» (Н12, V, 641).[14]

Впрочем, в преамбуле к комментарию цикла «Петербургские дачи и окрестности» Б. Я. Бухштаб оговаривает неокончательность своих выводов относительно рубрики «Петербургская хроника» в «Литературной газете» 1844 года: «Возможно, что весь этот отдел,— писал он,— составлен Некрасовым, но доказательства такого предположения мы не имеем...» (Н12, V, 624).

---

[13] *Бухштаб Б. Я.* Некрасов-фельетонист// Лит. наследство. М., 1949. Т. 53—54. С. 47.

[14] Ср.: Там же. С. 47—48.

Такие доказательства все же есть. В фельетоне № 35 находим тесную преемственную связь с другими известными выступлениями Некрасова в этой газете. Этот фельетон посвящен театральным, литературным и городским новостям.

«Мы уже извещали, что сюда ждут знаменитого московского комика г. Щепкина,— пишет фельетонист,— на днях он будет здесь».[15]

Эта автоотсылка относится к некрасовской петербургской хронике из № 33 газеты, включенной Б. Я. Бухштабом в цикл «Петербургские дачи и окрестности», где в качестве «приятной новости» для любителей русского театра сообщалось: «В скорое время, как слышно, прибудет сюда известный и любимый московский комик г. Щепкин» (Н12, V, 470—471).

Размышляя о предстоящих бенефисах актеров Александринского театра и их репертуаре, автор «Петербургской хроники» замечает: «Что касается до нас, то мы откровенно скажем, что такой водевиль, как „Булочная", по нашему мнению, стоит десятка так называемых драматических представлений, вроде „Эспаньолетто" и других, на которые вы тщетно истощаете усилия, талант и опытность».[16]

Оценки обоих названных водевилей — «Булочная» П. А. Каратыгина и «Эспаньолетто» К. Д. Ефимова — вполне совпадают с оценками, данными в «Литературной газете» самим Некрасовым в его рецензиях на отдельные издания этих произведений. «„Булочная" — решительно лучший русский водевиль из всех, какие мы знаем»,— писал он. «За каждый такой водевиль можно бы отдать целую дюжину пятиактных „драматических представлений" наших известных драматургов, и русская сцена была бы еще в выигрыше!» (Н12, IX, 135; ср.: V, 475).

Об «Эспаньолетто» Некрасов писал в предыдущем — 34-м номере газеты, называя эту драму в пяти действиях «препошлой», «вздорной» и «нелепой» (Н12, IX, 535).

В этом же фельетоне значительное место посвящено рекламе книжного магазина и комиссионерской конторы А. И. Иванова — издателя «Литературной газеты», что делалось Некрасовым в эту пору неоднократно.

Особое внимание привлекает фрагмент, заключающий информацию о деятельности Иванова: «Подарив недавно публике изящно изданные им „Сочинения кн. В. Ф. Одоевского", он уже заботился о трех новых, истинно великолепных изданиях, долженствующих явиться в свет в последних месяцах нынешнего года... но об этих изданиях поговорим подробнее в следующем фельетоне...»[17]

[15] Литературная газета. 1844. 7 сентября. № 35. С. 595.

[16] Там же. С. 596.

[17] Там же. С. 596.

В следующем, 36-м номере газеты действительно появилась заметка «Литературные новости», информирующая о готовящихся А. И. Ивановым роскошных изданиях «Тарантаса» В. А. Соллогуба, «Очерков Южной Франции» М. С. Жуковой и некрасовской «Физиологии Петербурга». Принадлежность этой заметки Некрасову давно доказана. Она начиналась фразой: «Мы обещали поговорить о литературных новостях, приготовляемых книгопродавцом А. И. Ивановым и долженствующих явиться в свет в конце нынешнего года» (Н12, XII, 219).

К гастролям Щепкина и бенефисам Куликова и Григорьева фельетонист возвращается в «Смеси» «Литературной газете» № 40 от 12 октября с трижды повторяемой оговоркой-отсылкой «как мы уже говорили».[18] Здесь же есть главка о детском театре Родольфа. Стиль этого фельетона (например, характерное для Некрасова юмористическое восклицание «Каково?» при цитировании литературных нелепостей) также не оставляет сомнения, что и этот фельетон написан Некрасовым.

К готовящимся изданиям, в том числе — «Тарантаса», «Очерков Южной Франции» и «Физиологии Петербурга» и к бенефису Куликова «Петербургская хроника» «Литературной газеты» возвращается в № 41 и 44 от 19 октября и 9 ноября, а к детскому театру Родольфа в № 43 от 2 ноября — также с отсылкой («мы уже говорили») на предыдущие фельетоны.[19] Очевидно, именно эти данные послужили основанием Д. С. Лихачеву для атрибуции Некрасову «Петербургской хроники» 41—44 номеров «Литературной газеты» 1844 года.

В «Литературной газете» 1844 года есть и еще один цикл — цикл сатирических заметок под названием «Падающие звезды (Метеорологические наблюдения над русскою литературою)». Тринадцать заметок этого цикла печатались в пяти (8, 12, 22, 24, 28) номерах газеты с февраля по июль этого года. Включенная в последний фельетон этого цикла пародия на стихотворение Н. М. Языкова «М. П. Погодину» под названием «Послание к соседу» давно отнесена к Некрасову К. И. Чуковским.[20] В комментарии к этому стихотворению трехтомного издания Большой серии «Библиотеки поэта» высказано предположение о принадлежности Некрасову всего

[18] Литературная газета. 1844. 12 октября. № 40. С. 674—675.

[19] Пропущенный в моем образе фельетон из № 42 «Литературной газеты» 1844 г. составлен из объявлений об издании «Карманного словаря...» Н. Кириллова и нового журнала «Финский вестник», в первых номерах которого, как известно, Некрасов принял участие. Принадлежность этого фельетона Некрасову наиболее вероятна.

[20] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1927. С. 417, 525; Н15, I. С. 436, 634.

этого фельетона.[21] Принадлежность этого фельетона Некрасову обоснована в моей книге «Некрасов — журналист» (Л., 1989). Там же дана общая характеристика этого цикла и высказано предположение о принадлежности Некрасову цикла «Падающие звезды».

Эти юмористические заметки продолжали традицию «Журнальных и литературных заметок», печатавшихся по инициативе и при основном участии В. Г. Белинского в «Отечественных записках» 1842—1843 годов.

Открывая эту рубрику в июльском номере «Отечественных записок» 1842 года, Белинский писал: «...Время от времени попадаются в журналах вещи курьезно поучительные, по поводу которых иногда невольно раздумываешься о том и о сем. Так как теперь большая часть наших журналов <...> известна публике только разве по имени <...> то мы и приняли благое намерение, если не сохранить для потомства, то хоть сделать известным для современников редкости и драгоценности, которые, как оазисы в пустыне, находятся в малоизвестных периодических изданиях. <...> Все такое мы намерены или пересказывать, или просто выписывать с собственными заметками, когда дело требует пояснения, или заметок, когда дело красноречиво говорит само за себя» (Б, VI, 236).

Заметки этой рубрики, помещавшиеся Белинским в течение 1842 года, высмеивали отдельные высказывания и публикации «Северной пчелы», «Москвитянина», «Сына отечества» с точной цитацией и указанием источников высмеиваемых текстов.

С начала 1843 года, как уже говорилось, к полемически-сатирическим миниатюрам Белинского под рубрикой «Литературные и журнальные заметки» прибавились сатирические литературные мистификации и пародии Некрасова и Панаева. Прерванные в 1843 году, сатирические картинки современной русской литературы и пародии «Литературных и журнальных заметок» были возобновлены в «Литературной газете» Некрасова. Перенос фельетонной рубрики (с изменением названия) из «Отечественных записок» в «Литературную газету» был связан, очевидно, с возвращением газеты с начала 1844 года (юридически) от Ф. А. Кони под редакцию А. А. Краевского — редактора «Отечественных записок». Став снова «отголоском мнений» «Отечественных записок», как это было до передачи Краевским газеты в руки Кони осенью 1840 года, «Литературная газета», как издание более оперативное, чем ежемесячный журнал, взяла на себя тактическую сферу журнальной борьбы изданий Краевского.

«Часто приходится слышать,— читаем мы во вступительной заметке к первой публикации под рубрикой „Падающие звезды",— жалобы

[21] *Некрасов Н. А.* Полное собрание стихотворений. Л., 1967. Т. 1. С. 670.

на бедность русской литературы хорошими произведениями и замечательными талантами. Но если рассмотреть дело ближе, право, у нас не так мало великих писателей и великих произведений. Осмеливаемся сказать, что у нас есть даже глубокие философы и философия. Философия наша покуда еще не приведена в систему, но в ней попадаются иногда дивные проблески, о которых мы ничего не знаем, потому что философия у нас процветает в книгах, которых никто не читает, и в журналах, которых многие не видят. В этом отношении судьба гениальных проблесков очень похожа на судьбу падающих звезд, которых участь — промелькнуть и погаснуть никем не замеченными, кроме горемык — астрономов, т. е. журналистов, обязанных за грехи свои все читать, все наблюдать. Вот причина, по которой мы решаемся назвать гениальные проблески нашей литературы „падающими звездами"».[22]

Эта вступительная заметка прямо перекликается не только с цитированным выше вступлением к «Литературным и журнальным заметкам», с первой публикацией Некрасова и Панаева под маской *Нового поэта*, но и с некоторыми другими статьями Некрасова, например с началом его «Отчетов по поводу Нового года» (1845):

«Не верьте, милостивые государи, тем жестокосердым людям, которые утверждают, что русская литература в прошлом году мало произвела чего-нибудь замечательного и совершенно ничего не произвела великого... Клевета, решительно клевета!» (Н12, V, 515).

Авторство Некрасова в заметке «Падающих звезд» под номером III легко обнаруживается по самому ее содержанию. Приводим начало этой заметки:

«В тетрадке, которою, наконец, вместо первого января — пятнадцатого марта разрешился „Сын отечества" после стольких великолепных программ, есть стихотворение, есть первая половина повести „Кликуша", „Смесь" и, наконец, статья под названием „Критика". Что же это за критика, как вы думаете? — Где вам отгадать!.. Тут ничего нет ни о прошлогодней литературе, ни о книгах, вышедших в течение того времени, как „Сын отечества" собирался выдать свой первый нумер, то есть двух месяцев с половиною. Вся „критика" наполнена странными выходками на статью „Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году", помещенную в 1 № „Литературной газеты", <...> — значит, „Сын отечества" не заметил ничего в русской литературе, на что можно было бы достойнее обратить внимание его читателей?.. <...> Впрочем, мы, кажется, поняли истинную причину такого странного предпочтения. Статья, в которой говорилось, между прочим, о разных литературных промахах, крепко не понравилась „Сыну отечества" — и вот „Сын

[22] Литературная газета. 1844. 24 февраля. № 8. С. 156.

отечества" <...> решился лучше посвятить страницы своей критики защите „оскорбленных" в статье „Литературной газеты". Какая прекрасная роль!»[23]

Итак, эта заметка — полемическое выступление фельетониста «Литературной газеты» в связи с нападками «Сына отечества» на статью Некрасова «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году». И вести эту полемику, вероятно, мог только сам Некрасов. Большая часть этой статьи — издевательски-иронические возражения критику «Сына отечества» по поводу стихотворения М. Ю. Лермонтова «Тамара», опубликованного впервые в «Отечественных записках» 1843 года. Некрасов назвал его в своем годовом обозрении в числе лучших «художественно прекрасных» (из опубликованных в последнее время) стихотворений (Н15, XI, кн. 1, с. 143).

Необязательность редакции «Сына отечества», о которой говорит автор полемической заметки в «Падающих звездах», вышучивалась Некрасовым и позднее — в «Отчетах по поводу нового года» — в той же манере и сходных выражениях (Н12, IX, 512—513).

Лексика некрасовских журнальных статей узнается, например, по «летописному» зачину двух первых заметок в этом цикле, следующих сразу после цитированной выше вступительной заметки: «В лето от сотворения мира 7352, от Рождества Христова 1844-е...»[24]

Такой зачин мы встречаем в рецензии Некрасова 1843 года на «Стихотворения Николая Молчанова» (Н12, IX, 69). Характеристика журнала «Маяк» и харьковского сборника «Молодик», «замечательных сильною любовию к высокому и прекрасному»,[25] в другой заметке рубрики «Падающие звезды» совпадает с характеристикой непритязательных читателей («любителей высокого и прекрасного») в «Литературных и журнальных заметках» Некрасова и Панаева 1843 года.[26]

Под общей рубрикой «Падающие звезды» помещали свои полемически-сатирические заметки основные сотрудники как «Литературной газеты», так и «Отечественных записок». Так, заметка под номером IV (в № 12 газеты от 23 марта 1844 года) — иронический ответ на неуклюжие уколы «Сына отечества» в адрес приложения к газете «Записки для хозяев» принадлежит, по всей вероятности, официальному редактору этого приложения А. П. Заблоцкому или его основному сотруднику В. Ф. Одоевскому. Заметки V, XI, в которых «Отечественные записки» защищаются от нападок «Библиотеки для чтения» и писателя-графомана Н. Демьянова, могли быть написаны самим Белинским. Не исключено, что Некрасову принадлежат и еще

[23] Литературная газета. 1844. 23 марта. № 12. С. 219.

[24] Литературная газета. 1844. 24 февраля. № 8. С. 156.

[25] Там же. 8 июня. № 22. С. 386.

[26] См.: Отечественные записки. 1843. № 1, отд.III. С. 53.

какие-то из заметок «Падающих звезд», однако для доказательства этого предположения пока нет достаточных оснований.

Не исключено, что Некрасов взял на себя обязанности фельетониста «Литературной газеты» с самого начала 1844 года. В первом номере газеты вслед за его статьей «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году» помещено новогоднее фельетонное обозрение под рубрикой «Смесь». Здесь мы встречаем, в частности, еще одну (первую в 1844 году) оценку водевиля «Булочная», сходную с той, что дана в цитировавшейся здесь специальной рецензии и фельетоне Некрасова «Петербургская хроника»: «Из всех последних новинок истекшего года, исчисленных выше (т. е. в статье первой «Взгляда на главнейшие явления...» Некрасова.— **Б. М.**) и занимающих исключительное внимание александринской публики в настоящее время,— одно только действительно стоит внимания, именно „Булочная, или Петербургский немец", водевиль г. П. Каратыгина. Кто что ни говори, в „Булочной" много остроумия и естественности,— а остроумие и естественность такие качества, которые могут выкупить в водевиле и слабость завязки, и неоконченость характеров, и натянутость нескольких каламбуров».[27]

Есть здесь и еще одно остроумно-язвительное «известие», касающееся, в частности, «Сына отечества»: «Разнеслись было слухи и даже напечатались в „Прибавлениях" к „Санкт-Петербургским ведомостям", что „Маяк" будет выходить с „Сыном", а „Сын" с „Маяком", но теперь можно уже сказать утвердительно, что эти слухи не основательны: г. Масальский печатно уведомил публику, что „Сын" по-прежнему будет выходить без „Маяка", а „Маяк" без „Сына"! Тут же г. Масальский извиняется перед своими читателями в недодаче *семи* книжек „Сына отечества" за 1843 год, происшедшей совершенно не от его нерадения...»[28]

Когда Некрасов, автор вспоминавшейся в «Падающих звездах» заметки о «Сыне отечества», высказывал догадки, что основная причина неудовольствия этого журнала статьей «Взгляд на главнейшие явления...» — упоминание в ней о каких-то литературных промахах «Сына отечества»,— он имел в виду, очевидно, именно только что приведенные слова. Ведь в критической статье Некрасова «Сын отечества» не упоминается.

В фельетоне следующего номера «Литературной газеты» под тою же рубрикой «Смесь» встречаем знакомый некрасовский зачин, относящийся к новому роману писателя-графомана:

«В 7352 году от сотворения мира, от Рождества же Христова в 1844-м, в третий день месяца января *изучатель души и сердца*

[27] Литературная газета. 1844. 1 января. № 1. С. 21.

[28] Там же. С. 22.

человеческого (см. «Аристократку»), русский романист, критик и библиограф г. Брант предстал на суд публики с новым романом „Жизнь как она есть. Записки неизвестного"...»[29] Значительная часть этого фельетона посвящена только что вышедшей поэме «Наль и Дамаянти» в переводе В. А. Жуковского и содержит обещание вскоре дать подробную рецензию на эту книгу.

Нам известна рецензия Некрасова на «Аристократку» Л. В. Бранта (Н12, т. 9, с. 81—85), а рецензия на книгу Жуковского помещена в следующем — 3-м номере «Литературной газеты». Принадлежность этой рецензии Некрасову была указана К. И. Чуковским и Н. М. Выводцевым.[30] Кстати, в ней есть и отсылка к «Смеси» № 2: «Издание, как мы уже сказали в „Смеси" прошлого нумера, *хорошо*».[31]

Какова доля участия Некрасова в «Литературной газете» 1845 года? Известно, что он принимал участие кроме «Дагерротипа» в критико-библиографическом отделе газеты.[32] Его большой очерк «Отчеты по поводу нового года» (№ 2—4) представляет собой своеобразное «физиологическое» обозрение литературы за истекший 1844 год. Автором этой ответственной статьи (как и в предыдущем году, автор «Взгляда на главнейшие явления русской литературы 1843 года») должен, очевидно, быть ведущий критик газеты.

Из рецензий «Литературной газеты» за 1845 год специалисты атрибутировали Некрасову пока только те, которые посвящены его собственным изданиям: «Полька в Париже и в Петербурге» (№ 6); «Физиология Петербурга». Часть первая (№ 13); «Тарантас» В. А. Соллогуба и «Дедушка Крылов» (№ 14).

В процессе дальнейших поисков особое внимание некрасоведов должно быть, на мой взгляд, обращено на рецензии «Разговор. Стихотворение И. С. Тургенева» (№ 2 от 11 января) и «Две судьбы. Ап. Майкова» (№ 11 от 22 марта).

Нельзя, очевидно, понимать буквально и утверждение Некрасова о его неучастии в газете с апреля 1845 года. В анонимном фельетоне «Петербургская хроника» № 24 «Литературной газеты» 1845 года читателям этого издания была рекомендована вторая часть некрасовской «Физиологии Петербурга», которая «дерзко выступила в свет в полной надежде, что ее расхватают, рассмотрят и прочтут

[29] Литературная газета. 1844. 8 января, № 2. С. 43.

[30] См.: *Некрасов Н. А.* Собр. соч. М.; Л., 1930. Т. 3. С. 372.

[31] См.: Литературная газета. 1844. 15 января. № 3. С. 55. В «Смеси» № 2 действительно сказано: «Поэма украшена рисунками г. Менделя и издана хорошо... не более как *хорошо...*» (Там же. С. 43).

[32] В этом отделе сотрудничал в названный период и В. Г. Белинский, чему посвящена последняя глава этой книги.

от начала до конца; интересы ее таковы,— пишет автор, возможно сам Некрасов,— что должны занять публику даже летом».[33]

В одно время с рецензией Белинского на вторую часть альманаха, напечатанной в августовском номере «Отечественных записок» (ценз. разр. 30 июля, выход в свет 9 августа) появилась рецензия в «Литературной газете».[34] Обе рецензии согласованно дополняли друг друга, в наиболее выгодном свете представляя читателям все статьи этой книги, выделяя особо произведения Белинского и Некрасова.

Принадлежность этой рецензии Некрасову относительно недавно доказана мною. Ее текст включен в основной корпус критики Некрасова в академическом издании с моим подробным атрибутивным, историко-литературным и реальным комментарием. (Н15, XI, кн. 1, с. 430—433).

Пока не известны причины, по которым Некрасов внезапно, с мая 1845 года прекратил постоянное сотрудничество в «Литературной газете». Был ли его уход из редакции газеты следствием передачи ее в субаренду Ф. А. Кони, или, напротив, причиной этой акции Краевского? Во всяком случае, Некрасов к этому времени уже приобрел такой опыт журнальной, редакционно-издательской работы, что был готов сам возглавить любой литературный орган.

Освобождение Некрасова от журнальной поденщины у Краевского, по мнению Белинского (Б, XII, 264) дало возможность поэту написать его знаменитое «В дороге». Это освобождение хронологически связано с подготовкой и изданием двух выпусков «Физиологии Петербурга». Издание в 1846 году «Петербургского сборника» и юмористического альманаха «Первое апреля» практически обеспечило Некрасову и сгруппировавшимся вокруг него и Белинского писателям новой *натуральной школы* основание своего журнала. Этим новым журналом, как известно стал, «Современник».

---

[33] Литературная газета. 1845. 28 июня. № 24. С. 411.

[34] См.: Литературная газета. 1845. 2 августа. № 29. С. 479—484.

Часть II
ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ О НЕКРАСОВЕ И БЕЛИНСКОМ

Глава первая

«ПРИШЛЮ СТАТЬЮ О ЯРОСЛАВСКОМ ТЕАТРЕ...»

Летом 1841 года Некрасов приехал в родные места на свадьбу сестры Елизаветы. Венчанье, в церемонии которого Некрасов был свидетелем со стороны невесты,[1] состоялось 27 июля. А 29 июля скоропостижно скончалась мать поэта Елена Андреевна.

Три года жизни в Петербурге были важнейшим и самым трудным периодом в его литературной и личной судьбе. Некрасов приехал в Ярославль уже достаточно опытным журналистом, известным поэтом и прозаиком, драматургом и критиком. Собственно драматургическая деятельность Некрасова (не считая первых драматических опытов 1840 года, которые не предназначались для большой сцены и печати) началась в 1841 году, который в этом плане следует считать наиболее продуктивным на всем его творческом пути.

Еще до приезда в Ярославль были напечатаны водевильные сцены «Утро в редакции» (Литературная газета. 1841. 4 и 6 февраля). В апрельской книжке «Репертуара русского театра» 1841 года была напечатана некрасовская водевильная переделка повести В. Т. Нарежного «Невеста под замком» под заглавием «Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь». 24 апреля этот водевиль был поставлен в Александринском театре и стал «блистательнейшим дебютом Некрасова в качестве водевилиста».[2] 2 мая того же года на сцене Александринского театра был поставлен его водевиль «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке».

Еще до отъезда в Ярославль молодой драматург завершил и сдал в печать оригинальный водевиль «Актер» и переводной — «Вот что значит влюбиться в актрису!». Первый был напечатан в приложении к № 8 «Текущего репертуара русской сцены» 1841 года и 13 октября поставлен в Александринском театре. Второй поставлен в

---

[1] См.: Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), ф. 213 (Ярославское дворянское депутатское собрание), оп. 1, ед. хр. 504, л. 14. Указано Ю. Н. Трыковым.

[2] *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. СПб., 1877. Ч. 1. С. 93.

том же театре 10 ноября и напечатан в декабрьском номере «Репертуара русского театра» 1841 года.

В Ярославле Некрасов поселился отдельно от отца, «на углу Стрелецкой улицы в доме Чепахина» (Н12, X, 28), и не торопился с отъездом в Петербург. «Положение мое теперь таково,— писал он Ф. А. Кони 16 августа 1841 года,— что мне собственно для себя незачем торопиться в Петербург, присутствие мое дома гораздо нужнее. <...> Отец мой постоянно болен; братья еще малы; все это могло бы удержать меня здесь надолго, но дело в том, что здесь мне скучно, и я готов возвратиться в Петербург при первой видимой возможности существовать там безбедно» (Н12, X, 27).

Внезапный отъезд Некрасова из Петербурга, как уже говорилось в первой части книги, осложнил его отношения с редактором журнала Ф. А. Кони. Чтобы вернуться в Петербург, нужно было иметь гарантию на получение постоянной работы или достаточно большой запас готовой литературной продукции. В этот короткий (около пяти месяцев) ярославский период Некрасов много и увлеченно работает. Дописывает водевиль в двух актах «Рыжий человек», начатый, по-видимому, еще в Петербурге (Н12, X, 28). О дальнейшей судьбе этого не дошедшего до нас произведения пока ничего не известно.

В письме к Ф. А. Кони из Ярославля от 25 ноября 1841 года Некрасов писал: «Я послал Краевскому „Опыт<ную> женщину", а денег за нее просить совещусь, потому что предварительно об этом не говорил...» (Н12, X, 31). Эта повесть Некрасова — первая его публикация в «Отечественных записках». Она напечатана в октябрьской книжке журнала Краевского, прошедшей цензуру 30 сентября того же года. Прижимистый А. А. Краевский не торопился платить, очевидно, имея в виду журнальный обычай того времени: за первое произведение начинающего автора гонорар не выплачивался.

В. Е. Евгеньев-Максимов отметил, что в «Опытной женщине» «несколько страниц было посвящено описанию организованного в провинции — по всей вероятности, в Ярославле — любительского спектакля, притом неопытные и бесталанные любители из среды местных чиновников и помещиков вздумали „наложить руку на Шекспира", т. е. разыграть трагедию „Ромео и Джульетта". Нечего и говорить, исполнение их было таково, что драму Шекспира можно было бы принять за комедию».[3]

Это замечание исследователя осталось незамеченным другими некрасоведами. А между тем оно требует развития: есть все основания утверждать, что «Опытная женщина», имеющая подзаголовок «Повесть из провинциального быта»,— «ярославская» повесть. Она отражает личный опыт и наблюдения писателя над жизнью ярославского «общества» летом 1841 года.

---

[3] *Евгеньев-Максимов В. Е. и др.* Некрасов и театр. Л.; М., 1948. С. 6.

Подобно автору, герой повести Зеницын, живущий уже пять лет в Петербурге, приехал в родной уездный город *** (провинциальность губернского Ярославля усилена автором повести). Зеницын скучает в обществе земляков, даже с бывшим своим приятелем по гимназии, и не намерен долго задерживаться здесь. Основные события повести происходят в августе—сентябре, очевидно, в то самое время, когда писалось это произведение. Есть в повести и ярославская примета — село Вахрушево (Н15, X, кн. 2, с. 371).[4]

Можно предположить, что в Ярославле написан и водевиль Некрасова «Дедушкины попугаи» — переделка водевиля Н. И. Хмельницкого «Бабушкины попугаи». Это произведение было передано в цензуру режиссером Александринского театра Н. И. Куликовым 2 ноября 1841 года и поставлено на сцене театра 1 декабря 1841 года (Н15, VI, 695).

Из письма к Кони от 25 ноября 1841 года мы узнаем, что Некрасов работает над повестью «Антон» (будущая «Повесть о бедном Климе»), какой-то «драмой в четырех актах», которой он недоволен, и еще одним «водевилем в 3-х актах» (Н12, X, 30—31).

Разумеется, Некрасова не могла не интересовать театральная жизнь Ярославля. В процитированном выше письме к Кони от 25 ноября 1841 года Некрасов сообщает: «На днях здесь откроют театр, вновь выстроенный. Идет „Синичкин". Пришлю статью, также и о концерте, что был здесь вчера...» (Н12, X, 31).

Некрасов написал статью о ярославском театре и по приезде в Петербург в декабре 1841 года отдал ее Кони для публикации в «Пантеоне». Дела этого журнала шли плохо. После отъезда Некрасова, выпустившего пятую книжку журнала в июле 1841 года, в Ярославль до конца года не вышло ни одного номера «Пантеона». Подготовленный без Некрасова шестой номер вышел только в начале 1842 года. Ф. А. Кони был вынужден, как уже говорилось, отказаться от редактирования журнала на 1842 год, и это издание слилось с «Репертуаром» под названием «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров» и редакцией В. С. Межевича и И. П. Песоцкого. Не вышедшие в 1841 году номера «Пантеона» выпускались в течение всего 1842 года.

Статью Некрасова о ярославском театре Кони включил в № 7 «Пантеона» 1841 года. Однако в последний момент по не известным нам причинам редактор был принужден ее исключить из номера. В оглавлении к «Текущему репертуару» этой книжки, разрешенной цензурой 25 марта 1842 года, есть название «Ярославский театр — Н. П-го». К этому пункту оглавления редакция поместила следующее примечание: «Упомянутая в оглавлении седьмого номера „Текущего

[4] Это же название встречается в стихотворении Некрасова 1844 года «Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна», в основе которого также личные впечатления автора от поездки в Ярославль в 1841 г.

репертуара" статья „Ярославский театр" не могла быть напечатана по не зависящим от редакции обстоятельствам» (Н12, IX, 830).

Все попытки исследователей разыскать какие-либо следы этой статьи оказались безуспешными — она, очевидно, утрачена. Остается, однако, возможность восстановления содержания этой статьи, основанной на тщательном изучении жизни ярославского театра интересующего нас периода и обстоятельств пребывания Некрасова в Ярославле в то же время. Однако приступив к этой работе, я скоро убедился, что поиск материалов не может быть ограничен 1841—1842 годами...

***

История ярославского театра, основанного в 1750 году Ф. Г. Волковым, достаточно подробно изучена и освещена в специальной книге М. Н. Любомудрова.[5] Немалое количество работ посвящено и различным аспектам проблемы «Некрасов и театр». До сих пор, однако, нет специальной работы, рассматривающей достаточно подробно связи Некрасова с театром его родного города: с одной стороны, влияние ярославского театра на формирование личности и творчества великого писателя, а с другой — роль Некрасова-драматурга и критика в истории этого театра. В книге М. Н. Любомудрова имя Некрасова не упоминается. В коллективной монографии В. Е. Евгеньева-Максимова и его учеников «Некрасов и театр» (Л.; М., 1948) этому вопросу посвящено одно примечание с изложением тех немногих сведений, которые исследователям удалось собрать к тому времени.

Ряд новых важных данных по интересующей нас проблеме собран в академическом Полном собрании сочинений и писем Некрасова. Эти материалы (я буду еще к ним обращаться) опубликованы в комментарии к «Трем странам света» и «Мертвому озеру», «одному из первых в России театральных романов» (Н15, 10, кн. 2, 259).[6]

Семья отставного майора А. С. Некрасова — отца будущего поэта — поселилась, как известно, в своем родовом имении близ Ярославля в середине 1820-х годов. Среди местных помещиков первой трети XIX столетия было немало страстных любителей театра. В начале века князь Д. М. Урусов, содержавший домашний театр из крепостных актеров, устраивал в городе спектакли для всей ярославской публики. Землякам Некрасова была известна и актерская труппа «из дворни» помещика Обрескова.

К возвращению А. С. Некрасова с семьей на Ярославщину в городе уже существовал театр (деревянное здание на каменном фундаменте),

[5] См.: *Любомудров М.* Старейший в России: Творческий путь Ярославского драматического театра. М., 1964. Далее кратко: «Любомудров».

[6] Комментарий Б. Л. Бессонова.

выстроенный в 1818—1820 годах местным архитектором-самоучкой П. Я. Паньковым, который был и владельцем этого здания.

Во второй половине 1820-х годов в Ярославле выступала кроме труппы Обрескова из крепостных актеров также профессиональная труппа Лисицына, бывшего актера московского театра.[7]

Впрочем, до конца 1820-х годов театр не пользовался большой популярностью среди ярославцев, переходя в антрепризу от одного содержателя труппы к другому. Оживлению театрального дела в Ярославле способствовало строительство тем же Паньковым летнего театрального здания в Рыбинске, городе, где каждое лето открывалась знаменитая Петровская ярмарка. По данным М. Н. Любомудрова, ярославский театр уже с 1821 года выезжал на лето в Рыбинск. Теперь антрепренеры были обязаны снимать внаем оба театральных здания — ярославское и рыбинское — с тем, чтобы зимой развлекать публику в губернском, а летом — в уездном театре. «Это было вызвано тем,— вспоминал Н. И. Иванов, „державший" ярославский и рыбинский театры после Струкова и Соколова в середине 1830-х годов,— что на летний театр находилось гораздо больше охотников, нежели на зимний, так как Рыбинск в летнее время представляет из себя громадный торговый пункт и в нем гостит много приезжего народа, не скупящегося на удовольствия, а Ярославль — ординарный городишко с известным числом оседлых жителей, уделяющих на театр скудные остатки экономии».[8]

В 1830-е годы труппа ярославского театра состояла из бродячих профессиональных и лучших крепостных актеров, сдаваемых помещиками, владельцами домашних театров, как тогда говорили, в работу.

Вот как описывает труппу Лисицына 1820-х годов Н. И. Иванов — комический актер, известный провинциальный антрепренер, вступивший на ярославскую сцену в 1829 году: «Знаменитый актер из дворовых Обрескова Варнавий Иванович Караулов, каким-то образом освободившийся от крепостной зависимости и посвятивший себя всецело театру; комик-буфф Орлеанский, принадлежавший к дворне князя Урусова, и сын петербургского купца Михаил Яковлевич Алексеев, необыкновенный комик в жизни и злодей на сцене для каждой пьесы, в которой он исполнял какую бы то ни было роль. Кстати, нужно заметить, что в то крепостное время господа помещики, отпускавшие своих дворовых актерствовать у частного антрепренера, получали сами за них жалование, и ни один из этих подневольных не смел посягать ни на копейку, им же заработанную. Некоторые

---

[7] См.: Любомудров. С. 25.

[8] *Иванов Н. И.* Воспоминания театрального антрепренера. Исторический вестник. 1891. № 10. С. 74.

помещики в чаянии таких удобных доходов самолично занимались выработкой драматических талантов у своих крепостных»[9].

Кроме названных актеров на ярославской сцене 1820—1830-х годов (до отъезда Н. А. Некрасова в Петербург летом 1838 года), выступали трагик Дмитревский, начинавший на сцене Малого театра в Москве; комик П. К. Красовский и его жена Е. Ф. Красовская, актер и антрепренер И. И. Лавров, Михайлов, Немчинова, начинавшая еще в 1810-е годы у антрепренера Е. Глебова, Николаев, трагик Орлов, дебютировавший на петербургской сцене, Соловьева, Ширяев — бывший артист Московского Малого театра. Оркестр был составлен из крепостных музыкантов ярославского помещика Брянчанинова.

Материалов о работе театра в 1820—1830-е годы мало. «Ярославские губернские ведомости», начавшие выходить с 1831 года, чрезвычайно редко печатали театральные объявления. До нашего времени сохранилось всего несколько афиш[10] ярославского театра интересующего нас периода.

А. С. Некрасов, отец поэта, человек малообразованный, питал все же некоторую слабость к искусству. В 1850-е годы, когда его материальное положение стало значительно лучше, чем в 1830-е, он обзавелся собственным оркестром. «Музыка,— писал он сыну Федору в конце 1857 года,— теперь составляет единственное мое удовольствие» [11]. Елена Андреевна, мать поэта, по своему культурному уровню значительно превосходила мужа. Все это позволяет думать, что родители юного Некрасова посещали и ярославский театр и, вероятно, прививали любовь к театру своим детям.

Разумеется, наиболее богатыми впечатлениями должны быть последние театральные сезоны в ярославский период жизни будущего поэта. Этому могло способствовать и то обстоятельство, что в 1837—1838 годах А. С. Некрасов был ярославским капитан-исправником.

В сезон 1835—1836 годов, в бытность Некрасова в Ярославле, местные губернские ведомости регулярно оповещали публику о предстоящих спектаклях. Репертуар ярославского театра этого сезона (38 спектаклей) следующим образом проанализирован в упоминавшейся уже книге «Некрасов и театр»:

«Значительное большинство пьес, ставившихся на сцене ярославского театра, составляли комедии, комические или волшебные оперы.

---

[9] Иванов Н. М. Указ. соч. С. 73—74.

[10] Одна из них — 1813 года о представлении комедии „Говорун" Н. И. Хмельницкого и оперы „Осмеянный скупец"—опубликована в названной книге М. Н. Любомудрова. В музее нынешнего Ярославского академического театра им. Ф. Г. Волкова хранятся еще две афиши—1833 и 1843 годов. Первая из них от 2 февраля 1833 года — приглашает зрителей на представление пъесы «Днепровская русалка».

[11] Архив села Карабихи, письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М., 1916. С. 48

Среди авторов выделяются Писарев („Поездка в Кронштадт"), Хмельницкий („Бабушкины попугаи"), Шаховской („Ломоносов, или Рекрут-стихотворец", „Иван Сусанин", „Федор Григорьевич Волков, или День рождения русского театра в Ярославле"), Кони („Муж в камине, а жена в гостях") и т. д. Проникала на ярославский театр и мелодрама („Железная маска", „Огненная палата, или Ужасный убийца", „Людмила" — по Жуковскому, „Двумужница, или За чем пойдешь, то и найдешь" Шаховского и т. д.). Из псевдопатриотических драм, шедших на ярославской сцене, назовем сенсационную пьесу Кукольника „Рука всевышнего Отечество спасла". Нечасто, но все же шли пьесы классического репертуара: „Ябеда" Капниста, „Недоросль" Фонвизина, „Разбойники" Шиллера»[12].

Театральные критики 1840-х годов нередко иронизировали по поводу провинциальных театров, которые, не смущаясь своими скромными возможностями, смело брались за постановку классики. Один из путешественников, побывавших в 1839 году на представлении «Гамлета» в ярославском театре, так описывал этот спектакль: «Дмитревский неистовствовал <...> кричал и нередко вдруг останавливался среди речи, ожидая подсказывания суфлера. Он старался подражать Мочалову».[13]

Не исключено, что под влиянием ярославского театрального репертуара возникли и не дошедшие до нас первые драматические опыты Некрасова-гимназиста. Мне уже приходилось высказывать предположение, что отрывки из пародийной трагедии «Федотыч», включенные в повесть Некрасова «Без вести пропавший пиита» (1840),— переработанные в пародийном ключе произведения, которыми поэт «грешил» в гимназические годы (Н15, 7, 544).

В одном из фельетонов 1844 года, печатавшихся Некрасовым под сатирической маской Пружинина, его герой пишет о посещении Александринского театра: «Прелесть какую штуку чудесную видел — „Ненависть к людям и раскаяние"... Поверите ли: я еще вот не больше аршина... мальчишкой был... тогда уже видел... превосходная вещь!» (Н12, 5, 410). Комедию «Ненависть к людям и раскаяние» мы находим в «Репертуаре пиесам для представления на Ярославском публичном театре», утвержденном петербургским начальством еще в 1820 году[14]. В репертуаре этого же театра 1827 года[15] и в следующем дошедшем до нас репертуаре 1842 года[16] этой комедии уже нет. И хотя это вовсе не означает, что «Ненависть к людям...» не могла идти на сцене ярославского театра в 1830-е

[12] *Евгеньев-Максимов В. Е. и др.* Некрасов и театр. Л.; М., 1948. С. 5—6.

[13] *Жданов М.* Путевые записки по России. СПб., 1843. С. 194.

[14] См.: ГАЯО, ф. 73, оп. 2, ед. хр. 25, л. 3.

[15] См.: Там же. Л. 38.

[16] См.: ГАЯО, ф. 73, оп. 1, ед. хр. 3451, л. 9—15.

годы,— у нас есть основания допустить, что Некрасов-Пружинин вспоминает спектакль, виденный им в пяти-шестилетнем возрасте.

В одной из глав романа «Три страны света» (1848—1849) описывается убранство трактира, на стене которого висят гравюры, «изображающие некоторые сцены из „Душеньки", похождения Женевьевы, королевы Брабантской...» (Н15, 9, кн. 1, с. 356). Б. Л. Бессонову, автору комментария к этому произведению в академическом издании Некрасова, удалось разыскать несколько гравюр, иллюстрирующих известную французскую легенду (Н15, 9, кн. 2, с. 359—360). Этот комментарий можно дополнить: гравюра на сюжет «Женевьевы...», несомненно виденная Некрасовым, была им, так сказать, атрибутирована и запомнилась, возможно, потому, что в юности он видел драму А. П. Поморского «Женевьева Брабантская, или Жертва клеветы и ревности» (1825). В упомянутом выше репертуаре ярославского театра 1842 года, который в значительной степени унаследовал и репертуар этого театра 1830-х годов, это произведение присутствует под № 34 в разделе «Драмы». В разделе «Трагедий» этого же репертуара под № 10 стоит «Эдип в Афинах» В. А. Озерова, стихи из которой по памяти цитируются автором в романе 1851 года «Мертвое озеро» (см.: Н15, 10, кн. 1, 421).

Ярославский театральный сезон 1836—1837 годов был, как уже говорилось, последним и наиболее насыщенным сценическими впечатлениями для юного Некрасова. В эту пору руководство труппой взял на себя М. Я. Алексеев, пришедший на ярославскую сцену еще в начале 1830-х годов. «Михаил Яковлевич Алексеев,— пишет соперничавший с ним антрепренер Н. И. Иванов,— был большим любителем сцены, из-за которой претерпевал довольно продолжительное время бедствия и крайнюю нужду, но актером был положительно невозможным. Он еще в юности, но будучи уже женатым, убежал от своего отца, покинув жену с ребенком, и пристроился к ярославскому театру, в котором переходил с рук на руки, от одного антрепренера к другому. Жалованье, разумеется, он получал мизерное, на которое едва можно было существовать. Отец же его имел громадное состояние, доходившее чуть не до миллиона, но, недовольный поведением сына, старик не помогал ему ни копейкой, хотя приютил у себя его соломенную вдову с маленькой дочерью».[17]

История сохранила любопытное свидетельство очевидца о ярославском театре, относящееся к сезону 1836—1837 годов. Я имею в виду статью «Ярославский театр», помещенную в июльской книжке «Пантеона» за 1840 год с подписью «Ф. Майков». Приступая к своему иронически-элегическому повествованию, автор писал о труппе театра: «Она не имеет постоянного пребывания в Ярославле и

[17] Исторический вестник. 1891. № 10. С. 75.

принадлежит к числу странствующих. Бог знает, куда девается она летом. Только наступит весна, означенная труппа выступает из Ярославля чинно, тихо, безмятежно... Только первый снег возвестит наступление зимы,— она вновь появляется неизвестно откуда, каким путем, как снег на голову».[18]

Лучшим комическим актером театра автор статьи называет Михайлова, который, по его мнению, играет Городничего в гоголевском «Ревизоре» едва ли не лучше петербургских актеров. Весьма высоко оценивается и трагик Орлов, прошедший школу петербургского и московского театров: «Есть минуты увлечения, заставляющие подозревать в нем дарование». «Неестественная дикция, дикий необузданный рев, который только в припадке бешенства или в отчаянную минуту неминучей гибели может вырваться из груди человека, портят его игру,— замечает далее Ф. Майков.— Он до того кричит, что несколько дней сряду после представления, в котором участвовал, в ушах многих зрителей раздается шум, похожий на вой бешеного волка или на стон бедной индейки, сжигаемой на малом огне за то, что имела несчастие лишиться своего супруга».[19]

Далее автор рассказывает анекдот об Орлове, который однажды, «прокричав пять актов „Гамлета"», не мог произнести ни слова в водевиле, пока ему не принесли сырое яйцо.

Одобрительные характеристики Ф. Майкова получили супруги Красовские, Орлеанский. Весьма пренебрежительно автор отозвался об игре Иванова, Николаева, Немчиновой, давно перешагнувшей возраст для амплуа молодых любовниц.

«Нет нужды перечислять пьесы, которые играют в Ярославле,— писал далее автор статьи,— главнейшее свойство наших провинциальных театров — самоуверенность и отважность. Они, не справляясь со средствами, ставят самые трудные пьесы; из этого можно догадаться, что в репертуар Ярославского театра вошло все, что имело успех в столицах.

Ярославский театр несчастнее многих провинциальных театров. В нем никогда не было ни одного знаменитого артиста из Москвы или Петербурга. Один только раз публика была обольщена такой приятной надеждой, но заплатила за нее полным разочарованием. Содержатель распустил слух, что к нему будут из Москвы „знаменитые Долинские, пользующиеся европейской известностью". Кто не знал — поверил; в городе заметно было всеобщее волнение, ждали с нетерпением; наперед требовали билетов. Наконец появилась

---

[18] *Майков Ф.* Ярославский театр: Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. № 7. Отд. «Провинциальные театры в России». С. 107.

[19] Там же. С. 107.

афиша. Объявлена „Жизнь игрока" и крупными буквами напечатано: роль Игрока будет играть актер Императорского Московского театра Долинский, а роль Амалии — г-жа Долинская. Театр был полон, разочарованье было тоже полно и ужасно. Право, так шутить с публикой не годится. Эти актеры на московском театре из первых с конца, в Ярославле они пользуются „европейской известностию"»[20].

Публикация Ф. Майкова была открыто направлена против статьи водевилиста Н. А. Коровкина о ярославском театре, только что напечатанной в «Северной пчеле»[21]. Коровкин делился «с фельетонистом» своими впечатлениями о спектакле ярославского театра, который он видел в Рыбинске 29 мая 1840 года. Он высоко оценил игру Орлова («лучший провинциальный трагик»), Иванова. «Недостаток живости» в игре других актеров Коровкин извинял следующим образом: «приезд петербургского водевилиста привел их в видимое замешательство».[22]

Ф. Майков иронизировал над «каким-то Коровкиным», который превозносил талант Орлова и кичился своей «афишечной известностью», да что-то неизвестен в Петербурге.

Этот-то выпад и стал причиной «разоблачительного» письма в редакцию «Репертуара русского театра» — журнального союзника «Северной пчелы». Ф. Майков дал для этого весьма серьезный повод. Дело в том, что, как показал *Коренной ярославец* (так подписана статья в «Репертуаре»), Ф. Майков выдавал за свежие впечатления воспоминания о сезоне 1836—1837 годов, подновив их почерпнутыми из «Северной пчелы» сведениями о том, что труппа ярославского театра управляется теперь не Алексеевым, а Орлеанским.

Однако со сменой антрепренера произошли значительные перемены и в составе труппы: названные Ф. Майковым Михайлов, супруги Красовские, Николаев, недовольные произволом «бездарного трагического фигляра» Алексеева, забиравшего себе все лучшие трагические роли, оставили труппу Алексеева и уехали в другой город.

Коренной ярославец решительно утверждал, что «никто из почтенной фамилии Майковых» (очевидно, ярославских) не посылал в «Пантеон» статью о ярославском театре, а публикация «составлена самой редакцией с чьих-нибудь слов».[23]

---

[20] Майков Ф. Указ. соч. С. 109.

[21] *Коровкин Николай.* Ярославский театр (Письмо к фельетонисту «Северной пчелы») Северная пчела. 1840. 13 июня. № 131. С. 521—522.

[22] Там же. С. 522.

[23] *Коренной ярославец.* Ярославский театр (Письмо к издателю «Репертуара»): Репертуар русского театра. 1841. № 2. Отд. «Современная хроника русских театров». С. 82—84.

Анализ статей о ярославском театре в «Пантеоне» и «Репертуаре» в сопоставлении их с фактами биографии Некрасова привел Б. Л. Бессонова к следующему выводу: «Не исключено, что псевдоним „Ф. Майков" принадлежал Некрасову, ставшему в 1840 году постоянным сотрудником „Пантеона русского и всех европейских театров". На это указывает не только анахронизм в характеристике ярославской труппы, налагающийся на дату отъезда Некрасова из Ярославля (июль 1838 г.), но и наличие фамилии Орлеанский как в антропонимике „Мертвого озера", так и в рассматриваемой статье» (Н15, X, кн. 2, с. 259).

Догадка, высказанная Б. Л. Бессоновым, представляется весьма убедительной. В самом деле, в 1840 году Некрасов стал одним из основных сотрудников «Пантеона» и был помощником А. Ф. Кони по редакции этого журнала. Именно Кони в первое время подталкивал Некрасова писать для журнала в разных жанрах,— не только стихи. «На совет Кони писать прозою,— писал впоследствии В. П. Горленко,— Некрасов отвечал, что он решительно не умеет и не знает о чем писать. „Попробуйте на первый раз рассказать какой-нибудь известный вам из жизни случай, приключение",— советует ему Кони. Предложение принято, изобретается для прозы псевдоним Перепельский <...> и в № 5 „Пантеона" 1840 года появляется первый прозаический опыт Некрасова повесть „Макар Осипович Случайный", где со всеми заурядными романтическими приемами того времени рассказывается драматическая история некоего чиновника Сл-ского, наделавшая в то время некоторого шуму в Петербурге».[24]

Творческая история статьи о ярославском театре могла быть аналогичной. Толчком для возникновения ее замысла была, очевидно, статья Коровкина в «Северной пчеле». В пользу авторства Некрасова говорит также и необычное для жанра театральной хроники художественное решение этой темы. В его же «пользу» говорит и факт неосмотрительности, допущенной в этой статье (то, что Б. Л. Бессонов назвал «анахронизмом») и свойственной молодому Некрасову. Вспомним рецензию Некрасова на несостоявшийся спектакль в Александринском театре и литературный скандал, который вызвала эта рецензия (Н12, IX, 461—462, 779). Впрочем, в данном случае основная вина падает на редактора, поместившего статью мемуарного характера в подборке заметок о современном состоянии провинциальных театров (Нижегородского, Воронежского, Казанского, Харьковского и Ярославского).

Конец 1830-х — начало 1840-х годов — трудное для ярославского театра время. Деревянное здание ветшало, театр не приносил дохода, труппа распадалась. Купцы и богатые горожане не были

[24] *Горленко В. П.* Литературные дебюты Некрасова. Отечественные записки. 1878. № 11. С. 151.

щедры на пожертвования для театра. Об отчаянном положении труппы Алексеева свидетельствует его обращение к ярославцам через газету в ноябре 1837 года. Антрепренер обратился к «почтеннейшей публике»,— не угодно ли ей будет «для усовершенствования и поддержания театра и труппы» приобрести абонементы на ноябрь 1837 года, в течение которого обещал представить от 20 до 30 спектаклей. Обращение заключалось ультиматумом: «В случае неполучения воспомоществования от почтеннейшей публики <...> намерен уехать с труппой в город Кострому».[25]

Коренной ярославец — автор упоминавшейся уже здесь статьи о ярославском театре в «Репертуаре» — по-своему объяснял причину непопулярности театра в городе: «В Ярославле так много веселостей в самом обществе, что не находят времени ездить в театр, да и, правду сказать, любителей вовсе нет».[26]

У меня нет сведений о работе ярославского театра в сезоны 1837—1838 и 1838—1839 годов. Вероятнее всего, осенью 1837 года Алексееву не удалось получить поддержку от ярославских любителей театра, и он был вынужден увести труппу или часть ее в Кострому.

В 1839 году умер отец Алексеева, оставив ему все свое состояние. Как рассказывает Н. И. Иванов, перед отъездом в Петербург для получения наследства Алексеев устроил вечер для труппы, на который пригласил и владельца ярославского и рыбинского театров Панькова. Здесь Алексеев договорился о покупке у Панькова обоих театральных зданий. Иванову он поручил режиссуру, пообещав повысить жалованье всей труппе. На лето, как утверждает Иванов, труппа переехала в Рыбинск, в театр, уже перешедший в руки Алексеева, и ждала его возвращения.

Иванов ошибочно относит эти события к «началу тридцатых годов».[27] Дату помогает уточнить ярославский краевед, историк этого театра С. Серебренников. Он сообщает, что в 1839 году «санктпетербургский купец» М. Я. Алексеев купил у Панькова театр, пришедший в ветхость, «сломал его и, не щадя ни средств, ни издержек, на том же месте выстроил новый каменный, очень хорошей архитектуры».[28]

Однако в 1839 году состоялась, очевидно, только принципиальная договоренность Алексеева с Паньковым. Переход обоих театров в

---

[25] Ярославские губернские ведомости. 1837. 5 ноября. № 45. Приложение. С. 682.

[26] Репертуар русского театра. 1841. № 2. С. 84.

[27] Исторический вестник. 1891. № 10. С. 75.

[28] С. С.<еребренников>. История театра в Ярославле// Ярославские губернские ведомости. 1842. 16 января. № 3. С. 13.

руки Алексеева и начало строительства относится к 1840 году. В Государственном архиве Ярославской области сохранилось «Дело по просьбе санктпетербургского 3-й гильдии купца Михаила Алексеева о дозволении ему перестроить Рыбинский театр».[29] Оно начато 5 ноября 1840 и окончено 30 мая 1841 года. В деле содержится и тонированный красками фасад нового рыбинского театра (деревянное здание).

Статья «Ф. Майкова» вышла в тот самый момент (июль 1840), когда Алексеев вел переговоры с Паньковым, а может быть, уже и купил театры с тем, однако, условием, чтобы труппа Орлеанского, арендовавшая их на сезон 1839—1840 годов, могла использовать рыбинскую сцену до осени 1840 года.

Намерения Алексеева вызвали, я полагаю, какое-то противодействие со стороны Орлеанского. Именно поэтому статья сочувствующего Орлеанскому *Коренного ярославца* (им мог быть Н. И. Иванов или сам Орлеанский), о которой уже говорилось выше, была направлена не только против «Ф. Майкова», но и против «бездарного трагического фигляра» Алексеева, который объявлялся «причиною всех беспорядков» сезона 1836—1837 годов.[30]

Замысел Алексеева был таков: в течение зимнего сезона 1840—1841 годов, пока перешедшая в его руки труппа будет работать в старом здании ярославского театра, к летнему сезону 1841 года выстроить новое деревянное здание в Рыбинске. В течение лета 1841 года — до начала зимнего сезона — выстроить новое каменное здание в Ярославле. Алексееву удалось выполнить эту задачу.

Осенью 1841 года он приехал в Рыбинск, получил отчеты и велел труппе под началом Иванова ехать в Ярославль, а сам, как пишет Иванов, снова уехал в Петербург по каким-то своим делам. Вернувшись вскоре, он, по словам Иванова, «желая постращать» актеров и отказаться от обещанной прибавки к жалованью, распространил слух, что набрал в Петербурге новую труппу, а старую, ярославскую, намерен распустить. Тогда Иванов и его труппа, оскорбленные поведением Алексеева, приняли приглашение известного откупщика-мецената В. А. Кокорева переехать в Вологду и выступать в его особняке, перестроенном под театр.[31]

С Ивановым, однако, ушла не вся труппа, насчитывавшая в 1840 году около 40 человек.[32] В театре Алексеева остались актеры, работавшие у него до 1837 года: супруги Бешенцовы, Громов,

[29] ГАЯО, ф. 73, оп. 1, ед. хр. 3234.
[30] См.: Репертуар русского театра. 1841. № 2. С. 83—84.
[31] См.: Исторический вестник. 1891. № 10. С. 76.
[32] См.: Северная пчела. 13 июня. № 181. С. 521.

супруги Красовские, Немчинова, супруги Орловы, Поляков, Соловьева. Алексееву удалось залучить к себе и кое-кого из столичных театров. В этом году влились в труппу супруги Завидовы и московская танцовщица Кузнецова.

В это же время в ярославскую труппу пришли супруги Ланские и Ленские (провинциальные), вслед за которыми в 1843 году у Алексеева дебютировала «девица Косицкая» — знаменитая впоследствии Л. П. Никулина-Косицкая.[33]

Назову еще ряд новых актеров, работавших в ярославском театре в 1846 году,— некоторые из них могли появиться в труппе Алексеева уже в сезон 1841—1842 годов: Александров, супруги Барышевы, Васильев, Голованов, Епифанов, Муравьевы (1-й и 2-й), П. В. Самойлов (из знаменитой династии Самойловых), Семенова, Славин (провинциальный), супруги Смирновы, Степанов.

Рождение нового театра, театра Алексеева, совпало с пребыванием Некрасова в Ярославле.

Можно, вероятно, не сомневаться, что он бывал в новом ярославском театре не только как зритель, но и как профессиональный драматург: познакомился с Алексеевым и его труппой, с репертуаром театра и условиями его работы.

Краткая информация об открытии нового ярославского театра была помещена в первой книжке «Репертуара русского и Пантеона всех европейских театров». Привожу ее текст, имеющий заголовок «Ярославский театр»: «Нам сообщают из Ярославля известия о вновь открытом там 27-го ноября театре, построенном санктпетербургским купцом Михаилом Яковлевичем Алексеевым,— без всяких корыстных видов, из чистой любви к искусству. Постройка театра начата в 1841 году, и весь он поспел в шесть месяцев. Зала вмещает в себе 74 кресла, до 80-ти мест за креслами, два яруса лож, устроенных без колонн, и над ними галерею и парадиз. Полный сбор простирается до 1000 рублей асс. Для открытия театра г-н Алексеев со всею труппою своею, состоящею человек из двадцати, на сцене пропел народный гимн, и затем начался спектакль. Давали водевиль „Лев Гурыч Синичкин". На следующий день представлена драма „Иголкин" и водевили „Дом на петербургской стороне" и „Представление французского водевиля в русской провинции". 30-го числа давали драму „Стенька Разин". В труппе г-на Алексеева хвалят комика Громова, артиста Орлова, трагика Полякова и актрису Со-

[33] См.: *Никулина-Косицкая Л. П.* Записки артистки Императорских Московских театров// Русская старина. 1878. № 2. С. 281—304; № 4. С. 609—624.

ловьеву. На Ярославском театре есть и танцовщица с Московского театра г-жа Кузнецова, танцевавшая в одном спектакле качучу. Но всего достойнее удивления, что труппа г-на Алексеева ставит оперы: к декабрю она приготавливала „Цампу" и, мало того, намерена приступить к постановке „Роберта"».[34]

Есть основания полагать, что эта анонимная заметка принадлежит Некрасову и была кратким вариантом статьи, не пропущенной в «Пантеоне». Некрасов в течение 1841 года напечатал в «Репертуаре» водевиль «Шила в мешке не утаишь» (№ 4), куплеты из водевиля «Вот что значит влюбиться в актрису!» (№ 12). Другие публикации Некрасова в преобразованном «Репертуаре и Пантеоне» 1842 года неизвестны. Тогда же он писал исключительно для «Литературной газеты», где, как уже говорилось, в гл. 3 первой части книги вместе с Кони указывал, в частности, на ошибку «Репертуара и Пантеона» при упоминании фамилии владельца ярославского театра. Несколько стихотворений Некрасова помещены в первой книжке «Репертуара и Пантеона» 1843 года. Трудно предположить, что редакция «Репертуара и Пантеона» упустила возможность воспользоваться информацией своего сотрудника, лично побывавшего в ярославском театре, и заказала кому-либо другому заметку о его открытии.

Начало работы нового ярославского театра было доброжелательно отмечено в «Москвитянине».[35] Упоминавшаяся уже статья ярославского краеведа Серебренникова, посвященная главным образом истории ярославского театра со времен Волкова, также содержала описание театра Алексеева. «По общему признанию,— писал в заключение Серебренников,— нынешний театр в Ярославле есть один из лучших в провинции...»[36]

Значительный интерес не только для истории театра, но и для тех, кто изучает жизнь и творчество Некрасова, может представлять «Репертуар играющимся пьесам на Ярославском собственном театре содержателя рыбинского купца Михаила Яковлевича Алексеева» 1842 года.[37] Он несомненно отражает и репертуар сезона 1841—1842 годов. Этот документ уже привлекал внимание театроведов и

[34] Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров. 1842. № 1 (ценз. разр. 1 января 1842). Отд. V («Драматический телеграф. Разные известия, толки и слухи»). С. 66.

[35] См.: *А. З‹иновьев›*. Открытие нового театра в Ярославле (Письмо к издателю)// Москвитянин. 1842. № 1. С. 323—325.

[36] Ярославские губернские ведомости. 1842. 16 января. № 3. С. 13.

[37] См.: Дело по предписанию Министра внутренних дел о доставлении сведений о театре и театральных пьесах. Начато 19 ноября 1842 г., окончено 25 мая 1843 г. (ГАЯО, ф. 73, оп. 1, ед. хр. 3451, л. 1—15).

проанализирован, в частности, в упоминавшейся нами книге М. Н. Любомудрова.[38] Репертуар включает практически всю драматургию столичных театров 1830 — начала 1840-х годов.

В нём 13 трагедий, 57 драм, 17 опер, 22 комедии и 144 водевиля. Последний из названных жанров в первой половине 1840-х годов пользовался особой популярностью у ярославских театралов. «Водевиль идет иногда так,— писал о ярославском театре в 1846 году „Репертуар и Пантеон",— как дай бог, чтоб и везде так играли. Он имеет много актеров, которые заставляют забывать даже, что вы сидите в креслах провинциального театра».[39]

Назову авторов водевилей, входивших в репертуар ярославского театра в 1842 году: Н. М. Аничков, А. К. Беер, А. М. Булгаков, В. Годунов, П. Г. Григорьев, П. И. Григорьев, Ф. К. Дершау, П. А. Каратыгин, Ф. А. Кони, Н. А. Коровкин, Д. Т. Ленский, В. И. Орлов, М. И. Писарев, Н. А. Полевой, Н. С. Соколов, С. В. Соловьев, Н. С. Тиханов, П. С. Федоров, Н. И. Филимонов, Н. И. Хмельницкий, А. А. Шаховский, Д. Шепелев.

Среди водевилей — три произведения Некрасова-Перепельского:

«78. „Шила в мешке не утаишь"; в 2-х картинах, соч. Н. А. Перепельского...

89. „Актер"; соч. Н. А. Перепельского...

118. „Кукареку, или Бабушкина курочка"; переведен гг. П-ским и П-ш-ъ».

Конечно, водевили Некрасова, особенно те, что были напечатаны в петербургских журналах, как и все прочие, могли включаться Алексеевым в его репертуар и без переговоров с самим автором. Но каким образом получил Алексеев «Волшебное кокорику»? Репертуар ярославского театра с указанными водевилями Некрасова был отправлен на одобрение А. Х. Бенкендорфу с донесением ярославского губернатора от 21 января 1843 года.[40] Он составлялся содержателем театра соответственно в декабре 1842 — первой половине января 1843 годов. Между тем, как известно, «Волшебное кокорику» было разрешено к постановке в Москве 19 ноября 1842 года и впервые поставлено там 4 декабря 1842 года. В Петербурге эта пьеса была впервые играна 4 октября 1843 года (Н15, 6, 713—714).

Сопоставление этих дат подводит меня к предположению, что Алексеев получил «Волшебное кокорику», не печатавшееся при жизни Некрасова, от самого автора тотчас же после завершения водевиля. Впрочем, не исключено, что работа над этим водевилем, начатая «не ранее конца марта 1841 года» (Н15, 6, 713), могла быть за-

[38] См.: *Любомудров.* С. 42.

[39] *К-ъ А-й.* Ярославский театр: Репертуар и Пантеон. 1846. № 10. Отд. «Провинциальные театры». С. 24.

[40] См.: ГАЯО, ф. 73, оп. 1, ед. хр. 3451, л. 8.

вершена Некрасовым еще во время пребывания его в Ярославле осенью 1841 года. Криптоним соавтора Некрасова «П-ш-ъ», как он зафиксирован в репертуаре Алексеева, тоже заслуживает внимания специалистов. В других источниках не выясненное до сих пор имя соавтора Некрасова обозначено И. Ш-ъ» (Н15, 6, 714). Таковы факты, необходимые для реконструкции утраченной статьи Некрасова «Ярославский театр».

***

Современный, постоянно обновляющийся репертуар, хорошо поставленное театральное дело существенно укрепили положение нового ярославского театра, руководимого в 1840-е годы Алексеевым. Столичные журналы не баловали его своим вниманием, но когда обращались к ярославскому театру — писали о нем с большим уважением. Так, в 1846 году корреспондент «Репертуара и Пантеона», просмотревший несколько спектаклей ярославского театра, писал: «Признаться, при самом входе в этот храм Мельпомены я был приятно поражен его опрятностию; освещение, отделка и чистота, в какой его содержат,— примерны. <...> Надобно отдать справедливость содержателю этого театра г-ну Алексееву, он не щадит ни стараний, ни издержек; было бы хорошо — вот, кажется, его девиз. Нельзя вместе с тем не пожалеть, что публика здешняя остается совершенно равнодушна ко всем его усилиям. Редко-редко когда театр бывает полон».[41]

В числе лучших актеров ярославской труппы К. Доводчиков называет П. К. Красовского, «комика с замечательным дарованием», «девицу Косицкую» (Л. П. Никулину-Косицкую), имевшую большой успех в роли Михаэлы в пьесе г. Зотова «Дочь Карла Смелого».[42]

Судя по найденному мною в Центральном государственном историческом архиве (С.-Петербург) репертуару ярославского театра на 1843 и 1848 годы, присылавшемуся в цензурную экспедицию 3-го Отделения, этот репертуар кроме водевилей Некрасова, включенных в него в 1842 году, пополнился другими: «Вот что значит влюбиться в актрису», «Материнское благословение».[43]

Из статьи 1846 года, подписанной «А-й К-ъ» (о ней уже говорилось в этой книге), известно, что в 1846 году с большим успехом

[41] *Доводчиков К.* Театр в Ярославле: Репертуар и Пантеон. 1846. № 6. С. 49.

[42] См.: Там же. С. 51.

[43] См.: ЦГИА, ф. 780, оп. 2, ед. хр. 42, л. 3—6, 9—15. Известно, кстати, что в «Материнском благословении» в эти годы особенно успешно выступала Косицкая (Русская старина. 1878. № 1. С. 65).

в Ярославле шел водевиль Некрасова «Актер». Автор говорит об одном из наиболее талантливых артистов труппы Алексеева молодом Барышеве: «Более всех он нравится в водевилях: „Актер", в роли Стружина, Пинерского в „Комедии с дядюшкой"; Субботина в водевиле „Дом на Петербургской стороне"; Охова в „Двое за шестерых"; Хлестакова в „Ревизоре"...»[44]

Публикация особо отмечает и девицу Косицкую: «Не обладая счастливой наружностию, она зато чарует публику своим прелестным чистым, серебряным контральто. Диапазон его хоть невелик, но, признаюсь откровенно, природа немногих наделяет таким редким голосом. Русские песни она поет так, как дай бог слышать подобное пение и посетителям столичных театров. Она исправляет должность примадонны, а потому на нее возлагаются все первые известные роли в операх...»[45]

В 1848 году Алексеев умер. Его вдова сдавала театр в аренду антрепренерам Н. И. Иванову, помещику Ваксману, И. И. Лаврову, Соловьеву, соперничавшим между собой. Доверенным лицом Алексеевой, по свидетельству Н. И. Иванова, был бывший виолончелист труппы Алексеева В. А. Смирнов, который занял теперь место кассира. Женившись на дочери Алексеева Фекле Михайловне, он вскоре стал владельцем ярославского и рыбинского театров, их антрепренером и режиссером.[46] При нем ярославский театр возобновил постановку некрасовских водевилей «Актер», «Волшебное кокорику» и «Шила в мешке не утаишь», выпавшие из репертуара после смерти Алексеева. Об этом свидетельствует репертуар театра, присланный в Третье отделение весной 1858 года.[47]

Я уже упоминал об указанном Б. Л. Бессоновым факте использования Некрасовым фамилии ярославского актера и антрепренера Орлеанского в романе «Мертвое озеро». В заключение отмечу другое наблюдение того же исследователя: фамилию одного из актеров труппы Орлеанского, Бешенцова, носит и герой романа Некрасова «Три страны света» — бездарный спившийся актер (Н15, 9, кн. 1, 150—151; кн. 2, 350). Ярославский Бешенцов некогда пел в петербургской опере. В труппе Орлеанского он «с успехом» занимал амплуа комика.[48] В труппе Алексеева Бешенцов, как вспоминала Л. П. Никулина-Косицкая, вновь занял место оперного артиста.[49]

---

[44] Репертуар и Пантеон. 1846. № 10. С. 25.

[45] Там же. С. 26—27.

[46] См.: Исторический вестник. 1891. № 10. С. 84.

[47] См.: ЦГИА, ф. 780, оп. 2, ед. хр. 42, л. 43—55.

[48] См.: Северная пчела. 1840. 13 июня. № 131. С. 522.

[49] См.: Русская старина. 1878. № 2. С. 304.

Глава вторая

«ПИШУ СТАТЬЮ „ЯРОСЛАВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"...»

В том же письме из Ярославля от 25 ноября 1841 года к редактору «Пантеона» и «Литературной газеты» Федору Алексеевичу Кони, где Некрасов сообщал о работе над статьей «Ярославский театр», он говорил еще об одном замысле: «Собрал ‹...› несколько уморительных книжонок, напечатанных в Ярославле,— пишу о них статью под заглавием „Ярославская литература"; все пришлю скоро, если не приеду сам...» (Н12, 10, 31).

Статьи эта не появилась ни в «Пантеоне», ни в «Литературной газете» (Н12, 9, 830). В «Полном собрании сочинений» Некрасова высказывается предположение, что эта статья была не допущена к печати цензурой.

Исчерпав собственные возможности для поисков хоть каких-то следов пропавшей статьи, я сделал попытку установить ее содержание, выяснив эти «несколько книжонок», и ответить на вопрос, почему они казались молодому Некрасову «уморительными».

«Некрасов и ярославская литература» — так формулировал я вначале тему своей работы. Однако скоро понял, что, изучая ярославские издания 1830 — начала 1840-х годов, не следует поддаваться обаянию Некрасова, который в ту пору смотрел на эту проблему юмористически. Соотношение «Некрасов — ярославская литература» — вот что в конечном счете должно быть выявлено или представлено гипотетически в такого рода исследовании.

«Собрал несколько уморительных книжонок...» Читаю эти слова и думаю: неужели все эти издания и выставленные на них имена были совершенно новы для Некрасова, всего лишь три года назад покинувшего родной ему город? Неужели он мог смотреть на них и о них писать, как если бы это были, положим, харьковские или одесские издания, подвернувшиеся под руку во время какой-нибудь поездки на юг?

Сам Некрасов не оставил нам указаний на какие-либо собственно ярославские корни, источники его первых поэтических опытов или хотя бы на местные издания, входившие в круг его чтения. Известно только, что будущему поэту помогли расширить литературный горизонт учителя гимназии: латинист Иван Семенович Топорский и словесник Петр Павлович Туношенский.

В черновом автобиографическом наброске «О моих стихах» находим весьма ценное свидетельство поэта о его гимназическом круге чтения: «„Кор<сар>" в пер<еводе> Олина<...> „Онегин" — сестра. „Библиот<ека> для чтения" в гимназии. „Телеграф". „Телескоп" от уч<ителя> Топорского» (Н12, 12, 24).

Здесь же — другое ценное для нас свидетельство: «В гимназии я ударился в фразерство, начал почитывать журналы, в то же время писал сатиры на товарищей» (Н12, 12, 21).

Вот и все. И никакого ярославского литературного ареала, как принято считать, у юного Некрасова не было. Это хорошо иллюстрируется поэтическим признанием Некрасова в стихотворении «Муза» (1852):

Нет, Музы, ласково поющей и прекрасной,
Не помню над собой я песни сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух
Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла...

(Н15, 1, 199)

«Первые влияния, образовавшие его литературное лицо еще в провинции,— писал о Некрасове Г. А. Гуковский,— по-видимому, не могли бы указывать ни на будущую знаменитость, ни на своеобразие пути поэта. Он начал, как начинают тысячи провинциалов, не слишком культурных, малосведущих и неопытных мальчиков. Литература, на которой он воспитывался, была провинциальной литературой. Это были — или задворки литературной современности, второсортная продукция, рассчитанная на неискушенного и невзыскательного читателя,— или же литература заштатная, доживающая свой век, неисправимо устаревшая для столичной верхушки общества».[1]

И все-таки любопытно знать, что же конкретно представляли собой эти «задворки литературной современности», которые уже в конце 1841 года Некрасов был готов изобразить юмористически.

[1] *Гуковский Григорий.* Неизданные повести Некрасова в истории русской прозы сороковых годов // Некрасов Н. А. Жизнь и похождения Тихона Тросникова. М.; Л., 1931. С. 347.

«Он получил,— пишет далее Гуковский,— литературное образование разночинца, ищущего культуры вслепую и приходящего в литературу самотеком; он был лишен подлинной культурной школы, которую в то время давали или аристократические столичные пансионы, или дорогостоящие учителя-воспитатели».[2]

Так ли уж «вслепую» и «самотеком» вступал юный Некрасов в поэзию? Конкретное изучение литературной жизни Ярославля 1830-х годов поможет, вероятно, уточнить и углубить наши представления о том разночинском «литературном образовании», которое получил автор сборника «Мечты и звуки».

В. Е. Евгеньев-Максимов, основываясь на анализе первого поэтического сборника Некрасова и приведенного выше свидетельства поэта, делал следующий вывод: «В юношеских стихотворениях Некрасова («Мечты и звуки») основным влиянием является влияние романтических приемов творчества и отсутствуют элементы, которые позволяли бы говорить о влиянии «онегинских», т. е. реалистических приемов творчества».[3]

И чуть ниже (о первых гимназических стихотворных опытах): «Здесь, без сомнения, сказалось влияние усиленного чтения, которым он так увлекался. Сначала читал чужие стихи, затем явилась потребность писать стихи самому».[4]

Никаких местных «примет»... Попробуем все же методом, так сказать, наложения совместить два плана: юношеское творчество Некрасова и литературную жизнь Ярославля 1830-х годов.

* * *

«Литературная газета» регулярно и, как правило, доброжелательно представляла читателям книги, вышедшие в провинциальных городах. Этим она выгодно отличалась от других петербургских изданий, хотя ее отзывы о провинциальных книгах не всегда были хвалебными.

«Наша книжная торговля так чудно устроена,— писал критик «Литературной газеты» в рецензии на одно из одесских изданий 1843 года,— что книг, выходящих вне Петербурга — в Казани, Харькове, Одессе — в Петербурге достать решительно невозможно. Конечно, это, с одной стороны, хорошо: провинциальная литература наша большею частию такова, что лучше ее не видеть, но иногда находятся в ней и такие книги, которых дай бог побольше».[5]

---

[2] Гуковский Григорий. Указ. соч. С. 347.

[3] *Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Некрасова. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 143—144.

[4] Там же. С. 147.

[5] Литературная газета. 1843. 4 апреля. № 14. С. 280.

После «Уединенного пошехонца», первого провинциального ежемесячного журнала, издававшегося в Ярославле в 1786—1787 годах, до начала 30-х годов XIX века Ярославль не проявлял видимых признаков литературной жизни. Некоторое литературное оживление в Ярославле связано с губернатором Константином Марковичем Полторацким, управлявшим губернией с 1830 по 1842 год.

Своеобразным центром культурной жизни Ярославля был Демидовский лицей, высшее учебное юридическое заведение. Еще в начале XIX века крупнейший русский промышленник П. Г. Демидов принес в дар Ярославлю 3619 крепостных крестьянских душ Романовского и Угличского уездов и 100 тысяч капитала — для учреждения высшего учебного заведения.

Сначала оно подчинялось Московскому университету, потом — ярославскому губернатору, а с 1834 года вновь перешло в подчинение Московского учебного округа. На умеренный крестьянский оброк (15 руб. серебром с души) при общем годовом доходе в 60 тыс. рублей Лицей содержал около 40 казеннокоштных студентов, обучавшихся три года. Кроме того, в лицее обучались и своекоштные с ежегодной платой в 350 рублей, и вольнослушатели — всего около 130 человек. Под покровительством лицея были все другие учебные заведения Ярославля, в том числе гимназия.

Даты основания — 29 апреля 1803 года (Ярославское Демидовское высших наук училище) и преобразования — 15 января 1833-го (Ярославский Демидовский лицей) породили традицию торжественных актов в эти дни, на которые собиралась вся городская интеллигенция и чиновничество. В эти дни на торжественных заседаниях профессора, выпускники и студенты лицея выступали перед публикой с учеными трактатами и стихами собственного сочинения.

Стихи и речи преподавателей и учащихся произносились также в Ярославской духовной семинарии и гимназии. В фондах Государственного исторического архива Ярославской области сохранились рукописные сборники с такими текстами, безусловно заслуживающие внимания тех, кто интересуется историей Ярославля и его культурными традициями.

Особый интерес для нас представляет рукописный стихотворный сборник, составленный гимназическим учителем П. П. Туношенским в 1832 году. Этот сборник, не учтенный в «Описании коллекций рукописей...», был обнаружен в 1989 г. ярославским историком-архивистом Ю. Н. Трыковым. Сборник имеет название «Муза Ярославля» и готовился Туношенским к печати в качестве первого номера задуманного им литературно-художественного журнала молодых поэтов. По неизвестным причинам это издание не состоялось.

Обширное предисловие Туношенского к журналу датировано 24 ноября 1832 г.— тем самым годом, когда юный Коля Некрасов стал учеником Туношенского. В нем учитель свидетельствует, что

около двадцати лет занимается обучением своих учеников «пиитическому искусству», помногу раз заставлял их перерабатывать свои стихи, написанные на заданную тему. В сборнике-журнале «Муза Ярославля» представлены стихи Алексея Шемяки, Алексея Ораевского, Дмитрия Егорова, Болеслава Яснева, Николая Федорова, Александра Богословского и самого Туношенского. Некоторые из них, судя по датам под текстами и примечаниям к ним, относятся ко второй половине 1820-х годов и читаны на торжественных актах и в «частных собраниях учащих и учащихся».[6]

Надо ли после этого сомневаться, что эту школу Туношенского прошел и юный Некрасов?

В 1835 году московская «Молва» напечатала «Ярославские воспоминания» А. Н. Иволгина, прожившего в этом городе осень 1834 года. Автор отмечал «европейский вкус» салона начальника губерний и его гостей и особенную расположенность городского общества не только к увеселительным затеям (балы, приемы), но и к различным культурным общественным мероприятиям.

«Гимназия,— писал Иволгин,— до сих пор была как бы забыта, но теперь возвращено ей важное назначение, данное мудрыми основателями: скоро заведется при ней пансион, а следовательно, и к гимназическим актам публика перестанет быть равнодушною. Но у нас нет общественной библиотеки, нет литературной газеты, нет постоянного спектакля. Погодите, просвещенный начальник губернии не замедлит оказать свое содействие к основанию ярославского книгохранилища. По крайней мере, известнейшие книгопродавцы в Москве, Петербурге и Риге не пожалуются на ярославских покупательниц и покупателей. Новости французской и немецкой литературы можно находить незапоздалыми у некоторых любителей просвещения — добрый знак!»[7]

Из слов Иволгина видно, что к середине 1830-х годов в Ярославле еще не было собственного книжного магазина, и образованные ярославцы должны были выписывать через комиссионеров книги из других городов.

Впрочем, это не значит, что в то время в Ярославле еще не было никакой книжной торговли. Летом 1835 г. «Ярославские губернские ведомости» поместили следующее объявление: «К 1-му числу сентября 1835 года выйдет в свет книга под заглавием: «Слова и Речи, на разные дни и случаи говоренные Ярославской семинарии профессором Павлом Соколовым». Желающие купить книгу или подписаться на получение оной благоволят адресоваться для получения к самому сочинителю, также книгопродавцу Эрасту Оловяшникову

[6] ГАЯО, фонд коллекций рукописей, оп. 2, № 1219.

[7] Молва. 1835. № 27/30. Стб. 55.

в Ярославле или к наборщику Ярославской губернской типографии Алексею Новикову».[8]

Вскоре эта книга, отпечатанная в Ярославской губернской типографии, вышла с посвящением: «Его высокопреосвященству, великому господину, высокопреосвященнейшему Аврааму, архиепископу Ярославскому и Ростовскому и орденов св. Александра Невского и св. Анны первой степени кавалеру сыновнее приношение».

К обозначенной в объявленном книгопродавцем названии должности автора на титульном листе вышедшей книги была прибавлена еще одна: «...Демидовского лицея законоучителем, протоиереем». В книгу вошли речи П. Соколова, произносившиеся им на самые разные случаи, в том числе и в торжественные дни Демидовского лицея.

Книжная торговля Оловянишникова, очевидно, не оказывала серьезного влияния на культурную жизнь Ярославля. Во всяком случае П. И. Сумароков, инспектировавший губернию в августе 1838 года (как раз в период отъезда юного Некрасова в Петербург), в своем подробном описании города о книжной торговле не упоминает. По его мнению, из всех губернских городов Ярославль уступал в красоте и богатстве только Казани, Одессе и Риге. Приводя разные статистические данные о Ярославле — 33 197 жителей, 577 каменных домов, 2 собора и 57 церквей, 813 лавок; подробно рассказывая о торговле хлебом, скотом, о ремеслах, лицее, гимназии, театре, Сумароков даже не упоминает о книжной торговле.[9]

Итак, пионером книжной торговли в Ярославле был один из богатейших местных купцов Эраст Кузьмич Оловянишников, хлеботорговец и промышленник. В конце 1830-х годов его капитал составлял около 7 млн руб.[10]

Вероятно, в лавке Оловянишникова Некрасов и покупал те «уморительные книжонки», о которых собирался писать статью.

Впрочем, книги в Ярославле продавали также и с лотков, особенно в дни ярмарок. Традиционная ярославская ярмарка открывалась обычно 5 марта в *чудотворцы* и продолжалась около 2-х недель. В этот день ярославцы праздновали память местных чудотворцев «Феодора и чад его Давида и Константина». В первые дни марта на Ильинской площади вырастали на скорую руку сколоченные торговые палатки. В отличие от богатой Рыбинской ярмарки ярославская предлагала

---

[8] Ярославские губернские ведомости. 1835. № 33. С. 346.

[9] См.: *Сумароков Павел.* Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 году. СПб., 1839. С. 288—305.

[10] См.: Там же. С. 289.

покупателям ограниченное количество товаров: хлеб, лен, лошадей, деревянную, фаянсовую и фарфоровую посуду. В обозрении ярославской ярмарки 1841 года (за несколько месяцев до приезда на родину Некрасова), напечатанном в «Москвитянине», читаем: «Книги в число товару не поставлены, хотя обязательны. Кузнецов всякий раз приезжает к нам с „Асмодеями", „Черкесами", „Английским милордом" и тому подобными литературными знаменитостями».[11]

Первое известное мне объявление о большом книжном магазине в Ярославле относится к началу 1843 года. В приложении к № 1 «Ярославских губернских ведомостей» этого года напечатано большое объявление купца Н. П. Кирикова об изданиях, продающихся в его книжном магазине, расположенном «в Гостином ряду, против дома купцов Соболевых». Кириков рекламировал исключительно столичные (петербургские и московские) издания. «В означенном магазине,— писал он,— можно получить все, как новые, так и прежние замечательные книги и учебники по публикованным ценам столичных книгопродавцев; также принимается подписка на все журналы и газеты, издаваемые в России. При оном же магазине находится и библиотека для чтения, желающие пользоваться платят за книги в год — 40 руб.; полгода — 25; месяц — 5 р.»[12]

* * *

Поиск книг, изданных в Ярославле, мне не пришлось вести вслепую. Существенную помощь оказали книга А. В. и Н. А. Астафьевых «Писатели Ярославского края», вышедшая в Ярославле в 1974 году, книга еще одного ярославского исследователя, А. Н. Иванова, «Учитель Лермонтова А. З. Зиновьев...» (Ярославль, 1966).

В числе персональных глав книги А. В. и Н. А. Астафьевых о ярославских писателях, оставивших след в истории русской литературы, нет ни одной — о литераторе, который жил и печатался в Ярославле интересующего нас времени. Зато в обзорной главе «Из истории литературы Ярославля», где представлены по крупицам собранные сведения о литераторах-ярославцах даже самых незначительных, авторы называют и кратко характеризуют два имени: М. А. Майков и П. Праволамский, прямо относящиеся к этому периоду.[13]

Известный русский баснописец Михаил Александрович Майков (1770—1848), племянник известного драматурга В. И. Майкова, воз-

---

[11] Приезжий. Ярмарка в Ярославле // Москвитянин. 1841. № 5. С. 281.

[12] Ярославские губернские ведомости. 1843. 1 января. № 1. С. 2—8.

[13] См.: *Астафьев А. В., Астафьева Н. А.* Писатели Ярославского края (до 1917 года). Ярославль, 1974. С. 18, 22.

главлял Демидовский лицей в 1824—1828 годах. Первый сборник своих басен он выпустил в Москве еще в 1821 году и там же в 1825-м издал «Новые басни».

В 1832 году эти же басни были переизданы в самом Ярославле под заглавием «Басни Михаила Майкова. Новое исправленное и умноженное издание». На титульном листе книги крупным шрифтом было напечатано: «Его превосходительству милостивому государю Константину Марковичу и ее превосходительству милостивой государыне Софье Борисовне Полторацким усерднейшее приношение».

«Судя по отдельным полемическим замечаниям Майкова,— пишет современный исследователь русской басни В. П. Степанов,— вкрапленным им в свои стихотворения, он оставался убежденным противником не только романтической школы, но и более ранней сентиментальной литературы. Вместе с тем он отчетливо чувствовал, что тяжеловесные нравоучительные басни, которые он сочинял, были анахронизмом ко времени их появления в свет».[14]

В 1836 году в типографии Ярославского губернского правления была отпечатана еще одна тоненькая (29 страниц) книжечка «Басни Михаила Майкова». Вместо посвящения губернатору на обложке книжки была не менее лестная для него эмблема: Аполлон, на спине льва, бряцающий на лире.

Приведу для примера одну из басен Майкова под заглавием «Волк и Дервишек»:

Коварный волк,
Желая заманить овец к себе в лесок,
В лице Дервиша жизни строгой,
Покрыв стан волчий свой одеждою убогой,
Является к овцам
И, все к обману их употребя старанье,
Сказал им, поклонясь: «Невинные созданья!
Овечки кроткие! Не мните, что я к вам
Как хищник, как злодей пришел вас беспокоить
И вашу тишину любезную расстроить.
Увы, мои друзья,
Едва воспомянул свои злодейства, я
Неисчислимые почувствовал мученья,
И тот же час
Решился никогда вперед не трогать вас,
И в знак нелестного с овцами примирения
Одежду на себя одеть,
И в бедной хижине постяся умереть.

[14] Русская басня XVIII—XIX века. Л., 1977. С. 619.

Теперь вам нечего меня остерегаться боле —
Гуляйте и в лесу, как в этом чистом поле.
Потом
Мой бедный посещать не забывайте дом».
Овечки хитреца приветствие такое
За точное его раскаянье сочли;
В жилище мирное, простое
Заутра все к нему беседовать пошли.
Но тщетная надежда,
Что волчий нрав могла переменить одежда:
Давно ее в лесу волк снял с себя долой —
И ни одна овца не прибрела домой.

* * *

Под видом самого раскаянья, смиренья
Встречаем часто мы одни лишь преступленья,
И лицемер такой и льстец,
Каков в сей басне Волк,— не первый образец.[15]

Можно говорить с уверенностью, что басни Майкова были хорошо известны в Ярославле и рекомендовались гимназистам их учителями. Некрасов, знакомый с этими баснями, вероятно, мог купить летом — осенью 1841 года в числе других «уморительных книжонок» и майковский сборник 1836 года.

Мой выбор для примера из басен Майкова не случаен. Сам ярославский баснописец и его произведения напоминают героев рассказа Некрасова «Без вести пропавший пиита» Ивана Ивановича Грибовникова и его творения: «Зарождение плеснеги в стоячем болоте, или Пиит в юности» и трагедию «Федотыч».

«Я, сударь,— говорит пиита, приехавший „из Чебахсар",— читал свои сочинения в торжественном собрании нашего града. Сам городничий был, смотритель училища на другой день зачем-то прислал мне лаврового листу и писал, что меня должно венчать, как какого-то Тасса...» (Н15, 7, 54).

В трагедии «Федотыч», «заимствованной из прозаической пиимы Василия Кирилловича Тредиаковского „Езда на Остров любви" и написанной размером Виргилиевой „Энеиды"», пародийно переосмыслен, как мне кажется, майковский сюжет с переоблачением Волка. По ходу действия «трагедии» ее герой Федотыч, «подгулявши», идет в лес и проваливается в волчью яму. Там оказался волк, который тотчас «принялся ломать» Федотыча.

[15] *Майков Михаил.* Басни. Новое исправленное и умноженное издание. Ярославль, 1832. С. 27—28.

«Положено ль волков вводить в литературу? — иронически замечает Наум Авраамович.— Иван Иванович торжественно посмотрел на меня и воскликнул:

— Но се не волк,— баран, одетый в волчью шкуру» (Н15, 7, 56).

Любопытно, что герой автобиографического романа Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», вспоминающий историю своего приезда в Петербург, рассказывает нечто перекликающееся с историей Грибовникова. В судьбе юного стихотворца Тихона также принял участие «отец города», принявший его по просьбе родителя Тростникова.

«Губернатор обласкал меня так, что я вообразил, что приобрел в нем, подобно Горацию <...> своего мецената, от щедрот которого польется на меня золотой дождь. Вследствие того я решился поднести ему свои стихотворения; в одну ночь переписал я другой экземпляр и написал вступление, в котором назвал губернатора отцом города, любимцем муз и просил его дозволить посвятить первые плоды моей неопытной музы высокому имени его превосходительства, прибавив, что они оттого получат вдвое ценности.

Губернатор был в восхищении от моих стихотворений и в особенности от посвящения. Он сказал моему отцу, что дает мне такое рекомендательное письмо, которое, может быть, составит счастие всей моей жизни; нужно только, чтоб я понравился человеку, к которому оно будет адресовано» (Н15, VIII, 63).

Предполагаю, что юный Некрасов посещал торжественные акты лицея, общался с лицейскими стихотворцами и, возможно, с профессорами. По всей вероятности, это происходило в последний период жизни поэта в Ярославле и Грешневе.

* * *

Профессором словесности в Ярославском Демидовском лицее этого времени был известный ученый педагог и литератор Алексей Зиновьевич Зиновьев (1801—1884).[16] Выпускник Московского университета, он в 1827—1830 годах «наблюдал» за учением М. Ю. Лермонтова в Московском Благородном пансионе при университете.

Ученые статьи, переводы, рецензии и стихи Зиновьева печатались в «Молве», «Московском телеграфе», «Атенее», «Вестнике Европы», «Журнале Министерства народного просвещения», «Москвитянине». Отдельными брошюрами печатались его труды по теории искусства

[16] Подробно об этом см.: *Иванов А. Н.* Учитель Лермонтова А. З. Зиновьев и его педагогическая деятельность в Ярославле. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1966.

и словесности. Так, в начале 1838 года в Москве вышла книжка Зиновьева «Основания русской стилистики по новой и простой системе».

Подпись «А. З.», криптоним Зиновьева, встречается и на страницах «Ярославских губернских ведомостей» 1830—1840-х годов.

С приходом Зиновьева в лицей это учебное заведение получило возможность издавать сборник своих трудов. Лучшие выступления каждого торжественного акта в день преобразования лицея стали собираться в особый сборник и издаваться в Москве под заглавием «Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 15 января...» такого-то года. Этот своеобразный ежегодный альманах продавался, конечно, главным образом в Ярославле. Как профессор словесности Зиновьев был постоянным участником и редактором лицейского ежегодника «Речи и стихи...». Помещавшиеся в этом издании стихи студентов проходили через руки Зиновьева, разумеется, еще перед их публичным прочтением.

С первого выпуска «Речей и стихов...» (1833) и до середины 1840-х годов Зиновьев «вывел в свет» целый ряд своих студентов-стихотворцев: И. Касаткина, И. Виноградова, А. Шемякина, И. Добрынина, Петрова, В. Иванова, П. Праволамского. Некоторые из них впоследствии весьма успешно занимались литературным трудом. Стихи Ивана Касаткина, например, мы встречаем в первом «Ярославском сборнике», собранном Ю. Жадовской.[17]

Некоторые ученые труды профессоров лицея издавались в Москве отдельными книжками и продавались, конечно, главным образом, в Ярославле. Навозу две таких книги, которые Некрасов, возможно, купил в числе «нескольких уморительных ярославских изданий» в 1841 году: *«Воздвиженский Дм. О вредных насекомых для полей и лугов и о средствах отвращать вред от сих животных происходящий. Рассуждение, написанное для получения степени магистра философии <...> в Ярославском Демидовском лицее. М., 1839;*

Речь о важности изучения гальванизма относительно наук общественной жизни, произнесенная в торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 15 января 1840 г. исполняющим должность профессора физики, химии и технологии Петром Федоровым. 1840.»

Стимулом для оживления творческой активности ярославских авторов было правительственное разрешение на приложение к «Ярославским губернским ведомостям» неофициальной части (с 1837 года).

[17] Ярославский литературный сборник на 1849 год. Ярославль, 1849. С. 24—28 (стихотворения «Фантазия» и «Песня»).

Два факта литературной жизни Ярославля показались мне любопытными и заслуживающими пристального внимания исследователей творчества Некрасова. 29 апреля 1838 года на торжественном собрании Демидовского лицея студент второго отделения (курса) Петр Праволамский прочитал собственное стихотворение «Жизнь».[18] А на торжественном собрании 29 апреля 1839 года он же прочел стихотворение «Мысль».[19]

А. Н. Иванов, автор книги о Зиновьеве, зарегистрировал эти факты[20], не сопоставив их с ранним творчеством Некрасова. Между тем эта связь, как мне кажется, существует. Ведь в сборнике Некрасова «Мечты и звуки» есть стихотворения с точно такими же названиями. Некрасовское стихотворение «Жизнь» впервые напечатано в июльском номере «Библиотеки для чтения» 1839 года. Что же касается его стихотворения «Мысль»,— оно было впервые опубликовано в октябрьском номере «Сына отечества» 1838 года. Это была первая публикация юного поэта, только что приехавшего в Петербург из Ярославля.

Тексты названных двух стихотворений Праволамского неизвестны. Не думаю, однако, что между стихами Некрасова и Праволамского с одинаковыми названиями есть какая-либо преемственная связь. Совпадение названий объясняется, вероятнее всего, тем, что молодые авторы принадлежат к одной, так сказать, школе. А. З. Зиновьев был, очевидно, не только наставником Праволамского, но, как можно полагать, сыграл и какую-то роль в формировании романтической Музы Некрасова. Эти соображения заставили меня с предельной тщательностью собрать сведения о Праволамском, творчество и судьба которого, как выясняется, прямо связаны с Некрасовым.

Задолго, почти за два года до выхода сборника «Мечты и звуки», Праволамский выпустил книгу своих стихотворений. Московский цензор М. Т. Каченовский подписал рукопись к печати в тот самый день, когда лицейский поэт публично прочитал свое стихотворение «Жизнь», 29 апреля 1838 года, за несколько месяцев до отъезда Некрасова в Петербург.

Книга, отпечатанная в типографии Ярославского губернского правления, вышла в свет лишь в конце 1838 года или начале 1839-го. Титульное оформление сборника свидетельствует о колебаниях автора в решении мучительного для него вопроса: выставлять или не выставлять на книге свое имя? По всей

[18] Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 15 января 1839 г. М., 1839. С. 36.

[19] Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 15 января 1840 г. М., 1840. С. 54.

[20] *Иванов А. Н.* Учитель Лермонтова... С. 117.

вероятности, вначале было принято решение выпустить сборник в двух вариантах: для распространения в Ярославле — только под криптонимом «П. П.». Для продажи в других городах — с полным именем автора.

Половина тиража обложки и титульного листа была напечатана: «Стихотворения П. П». Вторая половина — «Стихотворения П. Праволамского», причем имя автора в этом случае отпечатано мелким шрифтом. Однако в конечном счете поэт решил совместить эти два вида оформления: одна половина тиража — с именной обложкой и криптонимным титульным листом; другая — наоборот, с криптонимной обложкой и именным титульным листом. На обложке — та же верноподданническая эмблема, что и на книжке Майкова 1836 года: Аполлон, сидящий на спине льва и бряцающий на лире.

Вообще, книга Праволамского не блещет полиграфическими достоинствами: плохая бумага, неряшливая печать; названию каждого стихотворения отведен целый лист.

Вот содержание сборника, в котором ложноромантическая поэтика, типология заглавий чрезвычайно близки содержанию «фразерского» сборника Некрасова «Мечты и звуки»: «Каин (фантастическая сцена)», «Рим», «Аукцион», «Она», «Гению», «Грусть», «Отчужденный», «Русь»; «Звезда», «К ней», «Зима», «Незнакомка», «Мой цветок», «Обольщение».

На титульном листе — эпиграф из Пушкина.

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв;
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Религиозные, официально-патриотические мотивы в сборнике Праволамского сочетаются с мотивами юношеского, романтического отрицания и протеста, порою с оттенком социальным. Приведу стихотворение «Грусть», вошедшее в книгу Праволамского:

Ты замглейся, день веселый,
Раздели со мной печаль;
Я узнала мир крещеный:
Мрачен он, как ночи даль.

Все здесь совестью торгуют,
Все здесь счастье в барышах;
Все, как шашки, грех тасуют
И спешат быть в доведях.

Скучно ныне быть с душою,
Грустно ныне простоте;
Мудрено прожить с сумою,
Горько сирой красоте.

Солнце! доброе светило,
Ты не степлишь грудь людей,
Не свети ж над сей могилой,
Зол мертвец, охладший в ней.

Удели свой день веселый,
Раздели со мной печаль!
Я узнала мир крещеный:
Мрачен он, как ночи даль.[21]

В «Частных известиях» «Ярославских губернских ведомостей» появилась такая заметка:

«Отпечатанная в Ярославской губернской типографии книжка под заглавием „Стихотворения П. П." поступила в продажу. Молодой талант, не объявляя и притязания на славу, конечно, не будет иметь недостатка в поощрении от любителей просвещения, предоставляя опыт стихотворений г. П. П. на суд благомыслящего снисхождения опытной публики. Редакция „Губернских ведомостей" с удовольствием берет на себя обязанность довести о новой книжке до сведения публики и приглашает желающих иметь оную адресоваться прямо в редакцию, которая приятным долгом считает удовлетворить требования немедленно с возможною аккуратностью. Цена за книжку 25 коп. серебром, с пересылкою во все места 30 коп. серебром. Имена удостоивших внимания г. сочинителя напечатаны и розданы будут особо всем гг., подписавшимся на получение книжки стихотворений».[22]

Книжка Праволамского была довольно скоро доставлена в Петербург, и уже в мартовском номере «Отечественных записок» 1839 года появилась весьма снисходительная рецензия. Отмечая неряшливость провинциального издания и невыдержанность стиля молодого автора, рецензент все же предпочитает эту книгу некоторым столичным поэтическим сборникам. О «фантастической сцене» «Каин» рецензент писал: «Мы прочли эту пьесу, и она решительно обратила внимание наше в пользу г. Праволамского». В ней, пишет далее критик, «есть огонь, есть энергия, которая

[21] *Праволамский П.* Стихотворения. Ярославль, 1838. С. 63—64.

[22] Ярославские губернские ведомости. 1839. 3 февраля. № 5. Прибавление.

невольно заставляет простить автору стихи, подобные, например, следующим:

Услышишь брязг ты сабли звонкой,
Войдет сюда гигант-герой...»[23]

* * *

Документальных данных о личности и судьбе Петра Праволамского у меня пока немного. В годы революции сгорело здание Демидовского лицея вместе с библиотекой и архивом. В делах этого архива можно бы, конечно, найти сведения о происхождении, возрасте Праволамского, подробности пребывания его в лицее и т. д. По отчетам «Об испытаниях, произведенных студентам Демидовского лицея», регулярно (после каждого семестра) отсылавшиеся директором в канцелярию попечителя Московского учебного округа, видно, что Петр Праволамский учился вполне успешно.

Поступив в лицей в 1837 году своекоштным студентом, он был переведен на последнее, третье отделение (курс) казеннокоштным и летом 1839 года успешно сдал экзамены за первый семестр. Однако в ведомости о выпускных экзаменах этого курса, присланной попечителю в феврале 1840 года, имя Праволамского уже не упоминается.[24]

Личность П. Праволамского в свое время заинтересовала Л. Н. Трефолева, который, судя по его публикации, не был лично знаком с поэтом. Он-то и оставил нам очень ценные, хотя, может быть, и не вполне точные сведения о поэте. Шестой из трефолевских «Рассказов об ярославской старине» под заглавием «Поэт Праволамский» был впервые напечатан в № 14 «Ярославских губернских ведомостей» за 1870 год, а затем перепечатан в столичном журнале.[25] Трефолев использовал здесь свидетельства ярославцев, знавших Праволамского, книгу его стихов и цитированный выше отзыв «Ярославских губернских ведомостей» об этой книге.

«Кто из поэтов доброго старого времени не писал „к ней"? — говорил Трефолев.— Так и Праволамский писал стихотворение под этим заглавием, но под именем „ее" он разумел не кого-либо из дев губернского города Ярославля, а свободу...»[26] Далее автор «Ярос-

[23] Отечественные записки. 1839. № 3. Отд. VII. С. 143.

[24] См.: Гос. исторический архив Московской области, ф. 459, оп. 3, № 365, л. 3; № 502, л. 5, 9; № 563, л. 3; № 727, л. 6; № 890, л. 3.

[25] См.: Русский архив. 1876. № 12. С. 500—506.

[26] Там же. С. 501.

лавской старины» уточняет, приводя полный текст стихотворения Праволамского «К ней», что речь в нем идет о мечте освободиться «из-под гнета лицейской жизни».

По уходе из лицея, как указывает Трефолев, Праволамский преподавал некоторое время «в одной из гимназий», но был уволен за то, что «выражался зло, резко, возмущаясь житейскими неправдами». Некоторое время он был в труппе ярославского театра, но и оттуда был вынужден уйти. Пагубная страсть к вину делала невозможным какую-либо постоянную службу или литературные занятия. Праволамский пешком совершил путешествие в Сибирь, вернулся оттуда в Ярославль во второй половине 1860-х годов и вскоре умер.

«Он принадлежал к числу тех благородных, но неудавшихся людей сороковых годов,— писал Трефолев о Праволамском,— тип которых представил Тургенев в своих Рудиных и других героях».[27]

В молодости некоторое время Праволамский жил в Петербурге и вспоминал об этом впоследствии как о «блистательном» периоде своей жизни: «Тут были воспоминания <...> о Каратыгине, Асенковой и многих других светлых личностях сороковых годов».[28]

Это чрезвычайно любопытное свидетельство. Нетрудно подсчитать, что Праволамский приехал в Петербург не ранее второй половины 1839 года (время ухода из лицея) и не позднее начала 1841 года (В. П. Асенкова умерла в апреле 1841 года).

Особую важность этот факт приобретает в сопоставлении с другим. Трефолев сообщает, что по возвращении из Сибири Праволамский снова собирался побывать в столице. «В Петербурге,— пишет мемуарист,— он хотел быть у нашего поэта Н. А. Некрасова, с которым он, по словам его, когда-то делил дни юности».[29]

Из этих слов не совсем ясно, где Праволамский познакомился и «делил дни юности» с Некрасовым: в Петербурге в 1839—1841 годах или еще до отъезда Некрасова из Ярославля летом 1838 года. Однако, судя по связи стихов Праволамского с некрасовскими стихами из сборника «Мечты и звуки», это знакомство должно было произойти еще в Ярославле, а в Петербурге два ярославских поэта встретились как старые приятели.

Как и герой рассказа Некрасова «Без вести пропавший пиита», опубликованного в сентябрьской книжке «Пантеона» 1840 года, Петр Праволамский приехал в Петербург не с пустыми руками. В отделе рукописей Пушкинского Дома хранятся две тетрадки с

[27] См.: Русский архив. 1876. № 12. С. 503.

[28] Там же. С. 505.

[29] Там же. С. 506.

произведениями П. Праволамского, обе — из архива А. В. Никитенко. Они представляют собою, очевидно, беловые рукописи, переданные Никитенко как редактору «Сына отечества» для публикации в этом журнале. В первой тетрадке — стихотворения «Чугунный крест», «Гость», «Утес», «Песнь бедняка (из Уланда)» с пометой: «1840. Село Благое» и «Отрывок из поэмы „Елена Глинская"» с пометкой «1840. Москва».[30]

Вторая тетрадка, сшитая из шести больших двойных листов писчей бумаги (24 страницы), представляет собой начало прозаического произведения («тетрадь первая»): «Падение Миссолунгии. Историческая повесть А. фон Тромлица (пер П. Праволамского)».[31]

Ясно, что по крайней мере первая тетрадка составлена до приезда Праволамского в Петербург. Значит, он приехал в столицу в 1840 году. По свежим впечатлениям о встрече с земляком-пиитой Некрасов, очевидно, и написал рассказ «Без вести пропавший пиита», использовав здесь, разумеется, и другие ярославские впечатления.

Ни одно из произведений, переданных профессору Никитенко (возможно, не без помощи Некрасова), в «Сыне отечества» напечатано не было. Однако в 1842 году в Москве вышел сборник «Литературный кабинет. Труды артистов императорских московских театров...». В этом артистическом сборнике помещены и четыре стихотворения, подписанные «П. Праволамский»: «Чугунный крест», «Гость», «Не упрекай!» и «Волнение». Два первых известны по тетрадке из архива Никитенко.

Приведу одно из оставшихся ненапечатанными стихотворений Праволамского по автографу из архива Никитенко:

УТЕС

Я видел море, как оно рвалось к скале,
Как бы заклятое давнишними враждами,—
Хотело спор решить в торжественной борьбе,
И море силилось утес сломить волнами.
Но тщетен был напор озлобленных угроз,
Напрасно ветры все гуляли на просторе,
Гранитной грудию их оттолкнул утес,
Утес по-прежнему остался выше моря...[32]

* * *

[30] ИРЛИ, 19, 470.

[31] ИРЛИ, 19, 542.

[32] ИРЛИ, 19, 470, л. 2.

В числе нескольких «уморительных книжонок», изданных в Ярославле и купленных Некрасовым в 1841 году для статьи «Ярославская литература», не могли не быть книжки его однокашника по гимназии, сына священника, уволенного из духовного звания Евгения Ивановича Саблина. Первая стихотворная книжка этого ярославца под заглавием «„Полевой цветок". Стихотворение Евгения Саблина», вышедшая в Ярославле в 1840 г., была разрешена цензурой к печати еще 26 мая 1839 года.

Тоненькая стихотворная брошюрка под заглавием «Полевой цветок» представляет собою 1-й выпуск (так Пушкин издавал «Евгения Онегина»!), по-видимому, длинного стихотворного повествования, названного «Поездка в Италию». О «художественном уровне» этого произведения можно судить уже по первым строкам:

Во всей красе была весна,
Природа дивною казалась
И, будто тотчас создана,
В глаза людей она бросалась.
Луч солнца, прежде удаленный,
Ударил в землю — озарил
И как бы факел вдруг зажженный
Что было мертво — оживил.[33]

Великосветские герои графоманского творения Саблина совершают путешествие по Европе (в собственной карете), автор ведет свое повествование с простодушно-нахальной претензией на пушкинскую легкость:

Граф Голубовский с своим сыном
Сидят в коляске,— то друзья!
Был сын увязан кашемиром.
Кто ж в том свидетель? — Это я...
Да как же сели они скоро
В кибитку? — Спросят уж меня!
Там вам не знать таких-то вздоров,—
Спросите ж сами вы себя!..[34]

Этот выпуск «Полевого цветка», единственным сюжетным событием которого является признание сына отцу, что он любит

[33] Саблин Евгений. Полевой цветок. Стихотворение. Ярославль, 1840, С. 5.

[34] Там же. С. 6.

Catherin'у, обрывается дружески-фамильярным («по-пушкински»!) прощанием автора с читателем:

Итак, кончается стремленье
Начала повести моей,—
Сегодня праздник, воскресенье —
Гулять, гулять спешу, ей-ей!..[35]

Книжка Саблина была замечена «Отечественными записками», но лучше бы этот журнал ее не заметил... П. Н. Кудрявцев — рецензент журнала Краевского — не оставил Саблину никакой надежды на доброжелательное отношение к его музе в будущем: «...Муза г. Саблина еще очень молода,— писал Кудрявцев,— так молода, что еще не успела выучиться орфографии <...> Беда, конечно, невелика; однако зачем бы писать стихи, когда еще не умеете писать и что-нибудь? Время еще не ушло; вот другое дело, когда выучитесь писать правильнее, ну, тогда... Впрочем, нет, мы не советовали бы г-ну Саблину даже и тогда заниматься стихописанием...»[36]

Некрасов мог познакомиться с первой книжкой своего однокашника, получив экземпляр ее по почте от автора или от сестры Елизаветы. «Саблина стихи очень глупы,— писал он сестре 9 ноября 1840 года.— Это глупый, сумасшедший Н-й, которого я вам не советую пускать к себе в дом, потому что по бессознательной глупости своей он может, пожалуй, наделать каких-нибудь мерзостей» (Н12, X, 19—20).

Следующие «выпуски» «Полевого цветка» в печати не появились. Однако до приезда Некрасова летом 1841 года в родной город Саблин выпустил еще одну книжку, отпечатав ее также в Ярославле. Весной 1841 года в «Ярославских губернских ведомостях» трижды было напечатано объявление книжной лавки Оловянишникова: «Издан стихотворный отрывок г. Саблина «Кавказская сцена», который и продается в книжной лавке Эраста Оловянишникова. Любители чтения благоволят адресоваться с платою за экземпляр 25 копеек серебром».[37]

«Кавказская сцена» — драматическое произведение в стихах, таких же графоманских, как и «Полевой цветок». Действующие лица: Атаман-запорожец, Отряд казаков, Уланы и Поэт. Содержание всей сцены — бой казаков с черкесами, передаваемый в диалоге

---

[35] *Саблин Евгений.* Указ. соч. С. 16.

[36] Отечественные записки. 1840. № 8. Отд. VI. С. 41.

[37] Ярославские губернские ведомости. 1841. Прибавления к № 17—19 от 25 апреля, 2 и 9 мая.

Атамана с ординарцем, и рассказ освобожденного в этом бою Поэта о том, как он попал в плен к черкесам:

Вчера я был в руках черкесов,
Попал не помню как и сам,
Глядел, сидя средь двух утесов,
И вдруг я голос слышу там.
Невнятен мне он показался,
Пошел, иду,— кругом меня
Все тихо, наконец, раздался
Какой-то гул в лесу, и я
Как будто тотчас пробудился,
Живая мысль родилась тут...
Но как и где я очутился,
Не помню сам. Ко мне идут
С черкесской вольностью две девы,
Я не знаком, не знаю их;
Одна дочь князя в двадцать лет,
Собой красотка, так добра,
Я вам скажу, сравненья нет!»[38]

* * *

Изучение ярославской литературы 1830 — начала 1840-х годов немногим обогащает наши представления о развитии всей русской литературы этого периода. Значимость и ценность такого изучения — в меняющемся представлении о среде, в которой родился и получил первоначальное развитие талант великого русского поэта. Именно в 1830-е годы в Ярославле происходит резкий качественный скачок в культурном развитии: появляются газета, постоянно действующий театр, книжная торговля, выходят первые книги местных авторов — первые за всю историю древнего Ярославля!

Поощрение поэтических опытов учащихся Ярославской гимназии и Демидовского лицея, взращивание собственных поэтов под «наблюдением» опытного педагога — литератора А. З. Зиновьева, литературная среда, сформировавшаяся в городе во второй половине 1830-х годов,— все это несомненно оказало благотворное воздействие на юного Некрасова.

Почему Некрасов не написал свою статью «Ярославская литература»? Возможно, потому, что уже тогда понял несостоятель-

[38] *Саблин Е.* Кавказская сцена. Ярославль, 1841. С. 13—14.

ность сугубо юмористического освещения провинциальной литературы. Через восемь лет Некрасов вспомнил о своем ошибочном замысле. Рецензия на первый «Ярославский литературный сборник 1849 года»[39] начиналась словами: «По всей вероятности, не один читатель раскроет нашу рецензию с предубеждением, ожидая встретить устарелые шуточки по поводу ярославских поэтов, провинциальных литературных сборников и других предметов, служащих пищею для остроумных или добивающихся остроумия рецензентов...».[40]

Некрасов уже в начале 1840-х годов отказался от пренебрежительного отношения к провинциальной литературе.

---

[39] Принадлежность этой рецензии Некрасову убедительно доказана Ф. Я. Приймой в одном из его докладов в 1985 году в Пушкинском Доме.

[40] Современник. 1850. № 1. Отд. V. С. 55.

Глава третья

«ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ СХОДСТВО», ИЛИ МНИМЫЙ БЕЛИНСКИЙ

Указание Некрасова в одной из автобиографических заметок на «замечательное сходство» (Н12, 12, 13) его литературно-критических отзывов с отзывами Белинского блестяще подтверждается сопоставлением огромного количества их одновременных или близких по времени отзывов об одних и тех же явлениях литературы. Такими сопоставлениями изобилуют все научные издания критико-библиографического наследия Некрасова.

Более того, «замечательное сходство»» и то обстоятельство, что оба критика, работая в одних и тех же изданиях («Отечественные записки», «Литературная газета», «Русский инвалид», «Современник»), печатались почти всегда анонимно, очень затрудняет атрибуцию критико-библиографических материалов любому из этих весьма плодовитых критиков. Это служит причиной многих ошибочных или спорных атрибуций Белинскому или Некрасову. Таковы, например, «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году», печатавшийся в 1—2 номерах «Литературной газеты» за 1844 год (Н15, 11, кн. I, с. 407); два фельетона под рубрикой «Журнальные отметки» в № 170 и 182 «Русского инвалида» 1844 года, посвященные замыслу издания «Физиологии Петербурга»[1]; рецензия на «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год», помещенная в июньском номере «Современника» 1847 года[2], и т. д.

Укажу еще на несколько спорных, на мой взгляд, атрибутивных решений «в пользу» Белинского.

---

[1] Подробнее об этом см.: *Мельгунов Б. В.* Некрасов — журналист. Л., 1989. С. 30—31.

[2] Подробнее об этом см.: Там же. С. 154 и далее.

1

У критика «Литературной газеты», как уже говорилось ранее, были излюбленные выражения и цитаты. В рецензии «Молодик на 1844 год» он иронизирует по поводу включения в альманах глав из романа А. П. Кузьмича «Набеги в степи». «В прошлом году,— вспоминает рецензент,— явился в свет роман г. Кузьмича „Казаки", *роман скучный, отменно длинный*, чуждый действительного исторического содержания»[3].

Подчеркнутая мною скрытая цитата из «Графа Нулина» Пушкина встречается в «Литературной газете» первой половины 1840-х годов еще по крайней мере дважды. Первый замеченный мною случай — еще в 1840 году, в рецензии на книгу Н. Мышицкого «Сицкий — капитан фрегата».

«<Сицкий>,— читаем мы в этой рецензии,— <...> роман водяной, который, однако, заключает в себе и сушь, притом это роман

Отменно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный,
Без романтических затей»[4].

Еще в одной рецензии — 1842 года, на исторический роман Н. В. Кукольника в 4-х частях «Альф и Альдона»:

«Вообще, роман г. Кукольника „отменно длинный, длинный, длинный", скучен и утомителен до крайности...»[5]

Роману Кузьмича, которому дана уничтожающая характеристика в процитированной рецензии на «Молодик», как известно, Некрасов посвятил специальную рецензию. Иронически анализируя «чрезвычайно длинные, натянутые» и «убийственно скучные» «чувствительные разговоры» в романе Кузьмича, Некрасов констатировал ложно-историческую суть «Казаков»: «К делу они решительно нейдут и к раскрытию задачи, которую задал себе г. Кузьмич своим громким заглавием, нисколько не служат» (Н12, IX, 100).

Известно, что названная рецензия на роман Мышицкого предположительно приписана Белинскому (Б, XIII, 77—78, 312). Это предположение высказано Л. Р. Ланским, указавшим на сходство характеристик Марлинского в этой рецензии и в рецензии Белинского на тот же роман в «Отечественных записках»[6].

---

3 Литературная газета. 1844. 4 мая. № 17. С. 300 (Курсив мой.— *Б. М.*).

4 Литературная газета. 1840. 20 ноября. № 93. Стб. 2124.

5 Литературная газета. 1842. 21 июня. № 93. С. 498.

6 Лит. наследство. М., 1950. Т. 56. С. 37—38.

Однако это «сходство» не текстуальное; в пользу же Некрасова говорит тот факт, что он с 1840 по 1845 год был постоянным сотрудником «Литературной газеты», тогда как Белинский в 1842 году (когда в газете была напечатана рецензия на «Альфа и Альдону») не участвовал в ней.

2

Во второй главе I части книги я привел доказательства принадлежности Некрасову фельетона «Что нового у нас?» в № 57 «Литературной газеты» от 27 мая 1841 года. Однако умолчал об одном странном совпадении в тексте этого фельетона — почти дословном совпадении фрагмента о Лажечникове с фрагментом из «Библиографических известий» Белинского, напечатанных в майском номере «Отечественных записок» 1841 года (цензурное разрешение номера — 30 апреля того же года). Вот как это звучит в фельетоне «Литературной газеты»: «И. И. Лажечников кончил свою трагедию „Христиерн II и Густав Ваза". Мы имели случай прочесть ее и обещаем публике в этой трагедии такое произведение, которое в достоинстве своем не уступит прежним сочинениям всеми любимого и уважаемого романиста»[7].

В «Библиографических известиях» Белинского: «И. И. Лажечников окончил свою драму „Христиерн II". Мы читали ее в рукописи и нашли в ней красоты первоклассные, которыми отличаются все произведения нашего талантливого романиста» (Б, V, 174).

Как объяснить такое «замечательное сходство»? Неужели Некрасов и Белинский оба одновременно читали рукопись Лажечникова? Или, быть может, обе заметки написаны одним лицом? — Кем же, Белинским или Некрасовым?

Комментарий к этой заметке, вошедшей в академическое издание Сочинений Белинского, отсылает к другому комментарию В. С. Спиридонова, который атрибутировал «Библиографические известия» Белинскому на основании дословного совпадения содержащегося в них отзыва о стихотворениях Елизаветы Кульман с текстом рецензии на второе издание ее книги.

«Последние строки „Библиографических известий", посвященные Лажечникову,— писал Спиридонов,— мы согласны приписать также Белинскому, так как вряд ли кто-нибудь другой из сотрудников „Отечественных записок" мог написать эти несколько слов и вставить их в „Библиографические известия", которые мы перепечатываем здесь полностью. Это мог сделать скорее всего попутно Белинский, писавший о Кульман»[8].

[7] Литературная газета. 1841. 22 мая. № 56. С. 226.

[8] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1926. Т. XII. С. 532.

Любопытно, что авторство Белинского в рецензии на «Пиитические опыты Елизаветы Кульман», опубликованной в февральском номере «Отечественных записок», вообще никак не мотивируется. В примечании к этой рецензии читаем: «В издание Солдатенкова не вошло»[9].— Вот и все сведения о принадлежности.

То, что В. С. Спиридонов выделил информацию о Лажечникове из текста «Библиографических известий»,— тоже не случайно. Дело в том, что последующие отзывы Белинского на драму Лажечникова «Христиерн II и Густав Ваза» явно противоречат оценке автора «Библиографических известий». Эта драма напечатана в 3—6 выпусках сборника «Дагерротип» (СПб., 1842), а затем в том же году была издана отдельной книгой. Оба этих издания были встречены Белинским очень холодно.

«...Что сказать о ней? — замечает критик о драме Лажечникова в „Дагерротипе".— Г-н Лажечников не может написать ничего дурного: так и в драме его много хорошего; но, несмотря на то, наша литература ровно ничего не приобретает в ней. Драма требует характеров, действия, движения драматического и, сверх всего этого,— мысли, мысли и мысли...» (Б, VI, 262). Еще более иронически-небрежен отзыв Белинского об отдельном издании драмы Лажечникова (Б, VI, 335).

Вывод из всех этих сопоставлений таков: атрибуция всего текста «Библиографических известий» Белинскому сомнительна. По крайней мере более вероятный автор сообщения о новом произведении Лажечникова — Некрасов, автор фельетона в «Литературной газете» «Что нового у нас?».

3

В первой части книги мне уже приходилось говорить об автоотсылке как одном из наиболее убедительных аргументов в пользу принадлежности того или иного журнального материала автору произведения, содержащего эту отсылку. Однако следующий пример — яркое свидетельство тому, что, когда речь идет о таких «замечательно сходных» авторах, как Белинский и Некрасов, необходимо учитывать возможность альтернативного решения вопроса об авторской принадлежности.

Одна из таких рецензий, содержащая автоотсылку,— отзыв на книжку «Мои записки. 1. Сказка об Иване — купеческом сыне...» (СПб., 1844), напечатанный в № 40 «Литературной газеты» от 12 октября 1844 года.

«С тех пор, как господин Полевой рассказал сказку об Иванушке-дурачке,— пишет рецензент краткого отзыва,— люди всякого

[9] Белинский В. Г. Указ. соч. Т. V. С. 579.

звания и всякого ремесла, грамотные и полуграмотные, пустились рассказывать сказки. ‹...› Мы предсказывали, разбирая „Иванушку-дурачка", что г. Полевой найдет себе много подражателей. И вот теперь, как видите, предсказание наше оправдалось»[10].

Действительно, в рецензии, напечатанной несколько месяцев назад на книжку «Старинная сказка об Иванушке-дурачке, рассказанная московским купчиною Николаем Полевым...» (СПб., 1844), содержится такое предсказание. Критик «Литературной газеты» язвительно и остроумно говорит о литературных новациях Полевого, принесших ему славу и доход. «После долговременных, неусыпных трудов на журнальном, историческом, критическом, повествовательном и драматических поприщах,— замечает автор рецензии,— почтенный Николай Алексеевич Полевой, помнится, в 1842 году для рассеяния себя среди многоразличных серьезных занятий и для удовольствия публики написал и выпустил в свет прекуриозную книжечку под длинным заглавием, которого теперь не припомним вполне; знаем только, что в нем главную роль играли *Были, Небылицы, Свет, Люди и Деньги*, потом сочинение называлось философическим, юмористическим, сатирическим и, наконец, в довершение очарования красовалось на обертке знаменитое и многовнушающее имя *Балакирев*»[11].

«И мало ли еще знаем мы полезных нововведений,— писал критик далее,— которыми обязана литература нашему почтенному Николаю Алексеевичу Полевому? Другие только ему подражали и часто гораздо удачнее его пользовались этими нововведениями, но честь изобретения их всегда оставалась и остается за почтенным Николаем Алексеевичем. Это скажет всякий, даже самый жаркий противник его. Вот и нынче, с выходом в свет „Сказки об Иванушке-дурачке" литература обязана благодарностию ему же, почтенному Николаю Алексеевичу Полевому за новое открытие ‹...› И мы уверены,— предсказывал рецензент «Литературной газеты»,— что *найдутся люди, которые воспользуются им не хуже почтенного Николая Алексеевича Полевого*»[12] (Курсив мой.— **Б. М.**).

Одно из первых таких предсказанных подражаний критик «Литературной газеты» отметил в рецензиях на книгу «Краснобай, или Дедушка Тарас рассказывать горазд. Русские сказки» (СПб., 1844)[13].

По совокупности всех данных казалось бы, что наиболее вероятным автором рецензий на все три названные книжки должен считаться *постоянный* критик «Литературной газеты» Некрасов. Немаловажный дополнительный аргумент в пользу такого мнения — напоминание,

---

[10] Литературная газета. 1844. 12 октября. № 40. С. 674.

[11] Литературная газета. 1844. 25 мая. № 20. С. 347.

[12] Там же. С. 347.

[13] Там же. 22 июня. № 24. С. 414.

что он был и автором рецензии (Н12, IX, 75) на упомянутую в отзыве об «Иванушке-дурачке» книгу Полевого «Были и небылицы. Статейки, вырванные из большой книги, называемой „Свет и люди" <...> Книжка 1.— Деньги» (СПб., 1843).

Однако произошло другое. Рецензия на книжку «Мои записки. Сказка об Иване — купеческом сыне...», напечатанная в № 40 «Литературной газеты» 1844 года, давно уже приписана В. Г. Белинскому. Дело в том, что и Белинский в своей рецензии на «старинную сказку об Иванушке-дурачке» Полевого (Отечественные записки. 1844. № 6) тоже предсказывал: «Вероятно, за ним (Полевым.— **Б. М.**) потянется с сказками целая вереница мелких литераторов и сочинителей — и наша литература на долгое время превратится в мужицкую сказку...» (Б, VIII, 252).

Включая впервые рецензию на «Мои записки...» в XIII т. своего издания «Полного собрания сочинений» Белинского, В. С. Спиридонов указывал на этот прогноз Белинского, сопоставлял его с началом отзыва «Литературной газеты» о «Моих записках...» и делал следующий вывод: «Так начать эту рецензию через четыре с половиной месяца после рецензии о сказке Н. А. Полевого, скорее всего, мог Белинский, который всегда хорошо помнил то, что писал раньше. <...> Авторство критика здесь очевидно»[14].

Как теперь выясняется, В. С. Спиридонов в своей аргументации допустил две ошибки. Во-первых, Белинский, «который всегда хорошо помнил...»,— должен был, печатая отзыв о «Моих записках...» в «Литературной газете», указать, что свой прогноз он напечатал в «Отечественных записках» (обе рецензии анонимны). И во-вторых, исследователь творчества Белинского должен был убедиться, что прогноза, на который ссылается рецензент «Литературной газеты», в *этом* издании нет.

Тем не менее рецензия «Литературной газеты» на «Мои заметки...» попала в основной корпус произведений Белинского и в академическое издание его сочинений (Б, VIII, 333—334).

4

Приведу еще один пример из «Литературный газеты» 1844—1845 годов. В двух последних номерах (49, 50) этого издания 1844 года была напечатана большая издевательски-остроумная рецензия на третье издание книги Н. И. Греча «Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских писателей в прозе и стихах, с присовокуплением правил риторики и пиитики и обозрение истории русской литературы» в четырех частях (СПб., 1844). Первое издание этого труда было осуществлено еще в 1819—1822 годах.

[14] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Л., 1948. Т. XIII. С. 456.

Особенно зло критик «Литературной газеты» высмеивал первую часть «Учебной книги...» под названием «Краткие правила реторики», используя приемы, хорошо знакомые по рецензиям и фельетонам Некрасова и *Нового поэта*. Один из таких приемов — параллельное цитирование фрагментов рецензируемой книги и пародийных фрагментов некоего «приятеля» рецензента. «...Один знакомый наш,— с лукавым простодушием замечает критик „Литературной газеты",— тоже пишет реторику, и мы желали бы знать ваше мнение о ней сравнительно с реторикою г. Греча, для чего и приводим начало из сочинения нашего знакомого...»[15].

Вся рецензия построена на сопоставлениях таких фрагментов, причем рецензент не всегда прячется за своим вымышленным «приятелем». Вот как, например, пародируется глава о письмах (§108) первой части труда Греча: «„Общие правила при сочинении писем суть: 1) помнить, к кому и о чем пишешь..." — Общие правила при употреблении пищи суть: помнить, что пищу должно класть в *рот*, жевать *зубами*, а не ногами и проглатывать. „Предметы, важные для того, к кому пишешь, помещать вначале, а касающиеся до нас самих — впоследствии <...>

Примечание. В русском языке форма обращения в письмах есть следующая: к высшим нас: *милостивейший государь, милостивейшая государыня*; к равным: *милостивый государь*; к низшим: *милостивый государь мой*».

У меня,— замечает по этому поводу рецензент,— были два приятеля — Иван Иваныч и Иван Никифорыч (не тот Иван Иваныч, у которого была славная бекеша, и не тот Иван Никифорыч, который любил лежать в натуре, а другие); сорок лет прожили они душа в душу; на сорок первом году Иван Иваныч написал к своему другу приглашение выпить рюмку водки, которое начиналось так: „Милостивый государь мой, Иван Никифорыч". Прочитав эту записку, Иван Никифорыч заболел и был близок к смерти. „*Мой*,— повторял он в бреду горячки,— *мой!* — Да чем я хуже его? Разве я ниже его чином? Разве я не такой же дворянин... дворецкий его, что ли я? однодворец какой-нибудь, а?" Еще не успев совершенно оправиться от болезни, Иван Никифорыч полетел в город и подал просьбу на злейшего врага и поносителя своего Ивана Иваныча. Друзья сделались свирепейшими врагами... и все от чего? — От того, что Иван Иваныч не читал „Учебной книги русской словесности" г. Греча и не знал, что равный к равному должен писать просто «милостивый государь"...»[16].

---

[15] Литературная газета. 1844. 14 декабря. № 49. С. 831.

[16] Там же. С. 833—834. Любопытно, что один из этих героев Гоголя упоминается в четвертом фельетоне некрасовского цикла «Петербургские дачи и окрестности» 1844 года (Н12, V, 465).

Глава о письмах в книге Греча завершалась классическими примерами личных и литературных писем Екатерины Второй, М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина, А. В. Суворова и др., которые, кстати, входили в противоречие с рекомендациями Греча.

В следующем номере «Литературной газеты» (1845. № 1) в новом сатирическом ее отделе «Дагерротип» был начат цикл юмористических фельетонов «Достопримечательные письма». Он был продолжен в № 3 газеты того же года и в некрасовском альманахе «Первое апреля» (1846).

Давно известно, что автором «Достопримечательных писем» был Некрасов. Однако идея фельетонного цикла «писем» («От высшего к низшему», «Письмо станционного смотрителя к помещику-покровителю», «Письмо от купца к купцу» и т. д.), не принадлежащего к лучшей части журнального творчества Некрасова, еще никем не разъяснена. Между тем эта идея связана непосредственно с указанной выше рецензией на «учебную книгу...» Греча и в известной мере стала ее фельетонным продолжением. Некрасов дает примеры писем, никак не укладывающиеся в строгие рамки, определенные Гречем, и далекие от данных классических примеров.

Направленность против Греча и связь этих фельетонов с рассмотренной рецензией Некрасов сам раскрывает в примечании к первому письму «От высшего к низшему», начинавшемуся обращением «Милостивый государь мой...»: «Нет сомнения, что автор письма прилежно заглядывал в „Учебные книги русской словесности", где, между прочим, предложены правила, как сочиняются письма от равного к равному, от низшего к высшему и наоборот. В приведенном нами письме все правила эти соблюдены очень строго. Говорите же после того, будто книги такие ни на что не пригодны!..»[17]

В «Отечественных записках» «Учебная книга...» Греча рецензировалась П. Н. Кудрявцевым и А. Д. Галаховым (1845, № 4, 5). В. Г. Белинский еще десять лет назад назвал второе издание «Учебной книги» Греча «Сборником устарелых правил и дурных примеров, скорее способных убить чувство вкуса и склонность к изящному, чем развить их» (Б, I, 312). Во втором номере «Отечественных записок» 1845 г. он откликнулся на новое издание в своей рецензии на «нравоучительную книжку для детей первого возраста» «Детское зеркало». «Превосходная книжка! драгоценная книжка! — писал он о „Детском зеркале".— Хоть мои дети и не будут ее читать <...> но я сам выучу ее наизусть, а они выучат ее наизусть с моих слов. Равным образом я купил новое издание „Учебной книги русской словесности" г-на Греча и выписал из нее глубокомысленные, практическою мудростью запечатленные правила, как должно писать

[17] Литературная газета. 1845. 4 января. № 1. С. 12.

письма к высшим себе, равным и низшим и как должно под ними подписываться» (Б, VIII, 604).

Как видим, Белинский выделяет тот параграф книги Греча, который привлек особенное, ироническое внимание «Литературной газеты». Очевидно, именно это обстоятельство послужило В. С. Спиридонову отправным моментом для атрибуции рецензии в некрасовской газете Белинскому. Однако приводимые исследователем аргументы в пользу принадлежности этой рецензии Белинскому малоубедительны: последовательный, юмористически-дотошный анализ труда Греча по параграфам; включение в текст с цитатами из рецензируемой книги вопросительных знаков; защита просторечий в литературном языке; ироническое упоминание имени Н. А. Полевого и т. д.[18]

Текст рецензии «Литературной газеты» на «Учебную книгу...» Греча был включен в отдел «Дивіа» академического Полного собрания сочинений Белинского (Б, XIII, 218—233, 343). Думается, однако, что аргументы в пользу авторства Некрасова (пародийный характер рецензии, гоголевские образы, связь с известным циклом некрасовских фельетонов и, наконец, постоянное сотрудничество в критико-библиографическом отделе газеты) более весомы.

5

В 1845 году «Литературная газета» открыла серию-рубрику «Портретная галерея русских писателей». В № 6 газеты от 8 февраля была помещена первая статья этой серии — «Кантемир», принадлежащая перу Белинского. Продолжения эта серия не имела, очевидно, в связи с уходом из газеты Некрасова и Белинского и передачей редакции этого издания Ф. А. Кони. Статья (точнее, рубрика) открывалась редакционной заметкой «Несколько слов вместо предисловия». Приведу весь текст этой заметки (он невелик), отделенной от самой статьи Белинского чертой:

«Редакция „Литературной газеты" давно уже имела намерение представить своим читателям очерк русской литературы в лицах. Подобное предприятие принадлежит ей по праву и некоторым образом входит в круг ее обязанностей перед публикою: самое название нашей газеты показывает, что русская литература составляет ее главный предмет, а в качестве иллюстрованного издания она и может и должна представить публике полную, по возможности, коллекцию портретов наиболее известных русских писателей. Таким образом, мы начинаем ряд статей, из которых каждая будет содержать в себе критическую характеристику одного из известных русских писате-

[18] См.: *Спиридонов В.* Неизвестные страницы Белинского // Лит. наследство. М., 1948. Т. 55. С. 367—384.

лей, и при каждой из них будет находиться политипажный портрет разбираемого автора. Статьи наши — не критики, но только критические очерки, по возможности легкие и краткие. Так как в порядке этих статей мы намерены держаться строгой исторической последовательности, то из наших *многих* очерков русских писателей со временем должен выйти *один* очерк истории русской литературы, тем более, что все они, как составленные одним лицом, будут отличаться единством воззрения и изложения. Редакция „Литературной газеты" не налагает на себя никакой обязанности в отношении к числу, времени появления и времени окончания этих статей: числа их теперь нельзя определить; кончиться они могут и в нынешнем и в будущем году — как придется; появляться же будут не в каждом нумере, но от времени до времени»[19].

Кому принадлежит этот текст? — Он написан *от имени редакции*, и было бы естественным предположить, что основной автор этой заметки — фактический редактор «Литературной газеты» того времени — Некрасов, инициатор множества таких литературных замыслов, в числе которых есть и цикл «Русские второстепенные поэты» (1850). Кстати, в так называемое *солдатенковское* издание Сочинений Белинского в 12 томах (М., 1859—1862), инициатором и непосредственным участником которого был сам Некрасов, эта заметка не была включена в состав статьи «Кантемир». Во всех же последующих изданиях редакционное предисловие входит в текст Белинского. Это, на мой взгляд, несправедливо. Заметка должна быть отделена от статьи Белинского, и в научных изданиях ее следует печатать в комментарии, указывая на принадлежность ее Некрасову при возможном участии Белинского и Краевского как *официального* редактора.

[19] Литературная газета. 1845. 8 февраля. № 6. С. 103.

Глава четвертая

МНИМЫЙ НЕКРАСОВ?

Чем успешнее идет процесс восстановления во всем объеме журнальных выступлений Некрасова, тем острее встает перед нами вопрос о достоверности атрибуций — новых и старых. Каждое новое произведение, вошедшее в научный оборот и признанное некрасовским, сразу становится отправным для последующих поисков. Произведение, когда-то ошибочно приписанное Некрасову, может стать источником целого ряда других ошибочных «открытий» — по сходству или совпадению суждений, автоотсылкам и т. д.

Значительная часть критико-библиографических материалов Некрасова первой половины 1840-х годов указана, как известно, В. П. Горленко в его статье «Литературные дебюты Некрасова». Горленко опирается на поздние свидетельства Ф. А. Кони и данные хранившихся тогда у бывшего редактора конторских книг «Литературной газеты». Строго говоря, свидетельство Горленко, как и последующие указания С. И. Пономарева и А. Н. Пыпина, при отсутствии в нашем некрасоведческом хозяйстве самих конторских книг газеты, оставляет все же некоторые сомнения.

«Приходится признать,— читаем об этих свидетельствах в преамбуле к комментарию тома критики академического издания Некрасова,— что эти немногочисленные и не во всем точные, не всегда поддающиеся проверке свидетельства современников в ряде случаев остаются единственными основаниями для атрибуции» (Н15, 11, кн. 1, 356).

Разумеется, сомнения могут вызывать не только принятые таким образом атрибуции критико-библиографических материалов, но и других произведений. Приведу несколько примеров сомнительных, на мой взгляд, свидетельств и текстологических решений.

1

Авторство Некрасова в водевильных сценах из журнальной жизни «Утро в редакции» кажется специалистам столь бесспорным, что ни в двенадцатитомнике, ни в академическом издании нет ссылки на источник сведений об авторской принадлежности. А источник — свидетельство Горленко: «Не лишены также интереса помещенные в № 15 и 16 „Литературной газеты" водевильные сцены из журнальной жизни „Утро в редакции", не подписанные, но принадлежащие, несомненно, Некрасову, по указанию г. Кони. Здесь выведен редактор „Литературной газеты" под именем Семячко и сам автор, сотрудник его, под сокращенным его псевдонимом Пельский. Содержание сцен — невзгоды редакторской жизни, возня с непрошенными сотрудниками, считающими себя гениями и ужасно самолюбивыми, с провинциальными подписчиками, актерами, об игре которых газета давала отчет и проч. Есть тут много и других куплетов с намеками на журнальную перебранку того времени, в которой отличается преимущественно доблестный Булгарин, особенно невзлюбивший Некрасова и старавшийся не раз всячески навредить ему»[1].

Сомнение в точности этого свидетельства возникает прежде всего в связи с другим «указанием» Ф. А. Кони. Дело в том, что все куплеты из этого водевиля, переписанные рукой Кони с указанием места публикации, помещены им в особую папку с другими куплетами из водевилей Кони. Эта папка хранится в фонде Кони в Рукописном отделе Пушкинского Дома[2].

По всей вероятности, над водевилем «Утро в редакции» работали два автора: Кони и Некрасов. И это нетрудно объяснить. Кони, как известно через того же Горленко, приохочивал Некрасова в начале их сотрудничества к работе в разных литературных жанрах. Учитывая, что «Утро в редакции» первый опыт Некрасова в драматическом жанре (если не считать так называемых «детских» водевилей, не предназначавшихся для печати) и редакционный характер этой публикации вообще, соавторство Кони здесь было почти неизбежно. Естественно, что как опытный водевилист и бойкий куплетист, Кони взял на себя куплеты — ударные моменты в произведении.

Расположенность Некрасова к коллективной работе над водевилями общеизвестна. Сотрудничество с Кони в начале 1840-х годов естественно. Это, кстати, подтверждается начальными строками письма Некрасова к Кони от 2 апреля 1842 года: «Почтеннейший Федор Алексеевич! Вот к Вам еще весьма важная просьба. Мы начали с П. Н. Григорьевым для его бенефиса комедию-водевиль в 4-х актах

---

[1] *Горленко В.* Литературные дебюты Некрасова // Отечественные записки. 1878. № 12. Отд. II. С. 154

[2] ИРЛИ. ф. 134. оп. 5. ед. хр. 11.

под названием „Столбиков“ в полной уверенности, что Вы не откажетесь также написать акт или хоть сцены две-три» (Н12, 10, 34).

В работе над «Столбиковым», как известно, Кони не участвовал. Однако это не означает, что такое сотрудничество не состоялось ранее.

2

Приводившееся свидетельство Некрасова о его субаренде у Краевского «Литературной газеты» («Краевский по контракту взял на себя всю работу за 18 000 р. ассигнациями, а сдал мне всего за 6000 р. в год») относится не только к 1844, но и 1845 году.

«В газете был отдел „Дагерротип“,— вспоминает Некрасов далее.— Весь он исписывался мною и в стихах и в прозе. Я как-то недавно расчел, что мною исписано всего журнальной работы до 300 печатных листов» (Н12, 12, 13).

Постоянный отдел «Дагерротип» возник в «Литературной газете» в 1845 году. Специалисты давно уже установили, что указание Некрасова на принадлежность ему всех материалов «Дагерротипа» не следует принимать буквально. В 1846 году Некрасов печатно заявил, что с апреля 1845 года он не принимал «даже ни малейшего участия» в «Литературной газете» (Н12, 12, 33). Именно с апреля Краевский передал редакцию газеты снова Ф. А. Кони. Первое, не вполне определенное объявление об этом находим в маленькой заметке «От редакции», помещенной в № 17 газеты: «Всех, имеющих какое-нибудь дело до «Литературной газеты», просят относиться к Ф. А. Кони в редакцию газеты, находящуюся близ Вознесенского моста, в Вознесенском переулке, в доме Штакельберга»[3].

Позднее Краевский объявил в «Отечественных записках», что газета, переданная в управление Кони, перестала быть «отголоском» его журнала[4].

Неточность свидетельства Некрасова о доле его участия в «Дагерротипе» была указана впервые Б. Я. Бухштабом, автором статьи «Некрасов-фельетонист»[5] и редактором пятого тома Полного собрания сочинений Некрасова в двенадцати томах. Именно в этом томе впервые были собраны прозаические материалы «Дагерротипа», принадлежавшие Некрасову.

Принадлежность Некрасову некоторых материалов «Дагерротипа» («Отчеты по поводу Нового года», «Говорун», «Записки Пружинина» и др.) легко устанавливаются по его псевдонимам и фельетонным маскам,

[3] Литературная газета. 1845. 10 мая. № 17. С. 304.

[4] См.: Отечественные записки. 1845. № 11. Отд. VI. С. 33.

[5] См.: Лит. наследство. М., 1949. Т. 53—54. С. 48.

по связи с другими известными произведениями писателя. Эти материалы вошли в двенадцатитомное издание Сочинений Некрасова.

Из множества других анонимных материалов «Дагерротипа» января—марта[6] Б. Я. Бухштаб выбрал несколько юмористических стихотворений и мелких заметок, не имеющих отчетливых признаков принадлежности Некрасову. Прозаические материалы были помещены в отделе «*Дивіа*» названного выше пятого тома Полного собрания сочинений Некрасова. При отборе этих материалов редактор ориентировался главным образом на собственную интуицию.

Мне кажется, что в некоторых случаях были допущены ошибки. Я имею в виду два небольших юмористических фельетона, вошедших в этот том: «Остроумные надписи» и «Провинциальные афиши». Поводом для моего сомнения в принадлежности этих материалов Некрасову, помещенных соответственно в № 1 и 2 «Литературной газеты» 1845 года, послужило характерное выражение «списывать с дипломатическою точностию», встречающееся в обоих фельетонах.

В «Остроумных надписях»: «Вот, для образчика, надписи, *списанные нами с дипломатическою точностию* со стены одного станционного дома...» (Н12, 5, 578).

В «Провинциальных афишах»: «Вот две провинциальные афиши, которые еще не из самых лучших. Они *списаны с дипломатическою точностию*» (Н12, 5, 579).

Это выражение встречается в одном из фельетонов Ф. А. Кони под рубрикой «Журналистика» в «Литературной газете» 1842 года, подписанном его инициалами «Ф. К.»: «В Москве был на днях бенефис известного комика Живокини, в котором, между прочим, игралась пиеса под названием „Репетиция после спектакля — бенефиса Живокини". Заглавие замысловатое. <...> Впрочем, в бенефис г. Живокини шла, так сказать, вещь, которой заглавие еще замысловатее. *Выписываем его с дипломатическою точностию*»[7] С. 1007. Во всех трех цитатах курсив мой.— **Б.М.**

Это же выражение мы встречаем в одном из фельетонов «Журнальные отметки» «Русского инвалида» 1844 года. Литературный отдел этой газеты редактировался А.А.Краевским, который привлек к участию в ней сотрудников «Отечественных записок» и «Литературной газеты». Автор названного фельетона цитирует фрагмент объявления циркового артиста Сулье, написанного на трех языках и «на каждом грамотно». «Слушайте!» — говорит автор фельетона.— Будем выписывать с дипломатическою точностию». (Русский инвалид. 1844. 31 марта. № 70. С. 278). На основании тематической близости фельетона с фельетоном Некрасова «Хроника петербургского жите-

[6] С конца марта до начала мая (№ 12—15) 1845 г. отдел «Дагерротип» в «Литературной газете» отсутствует.

[7] Литературная газета. 1842. 13 декабря. № 49.

ля» (Литературная газета. 1844. 6 апреля. № 13) Б.Я.Бухштаб отнес этот фельетон Некрасову (Бухштаб Б.Я. Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М., 1966 С. 64—65). Вероятнее всего, здесь автор — Ф.А.Кони, который в отличие от Некрасова легко мог обнаружить ошибки Сулье «на трех языках». Впрочем, авторам этого фельетона мог быть и Белинский, также пользовавшийся выражением «с дипломатической точностью» (Б, XII, 125)..

Сомнения в принадлежности Некрасову «Остроумных надписей» и «Провинциальных афиш» и предположение об авторстве Ф. А. Кони сменяются уверенностью после знакомства с другим фельетоном, подписанным инициалами «Ф. К.» под заголовком «Шмели». Одна из главок этого фельетона, так же как и заметка «Провинциальные афиши», посвящена провинциальным (московским) вывескам: «Московские вывески исстари славились своей замысловатостью. Но всепожирающее время не щадит самых драгоценных даров остроумия. Многие из вывесок, красовавшихся за семь лет, ныне уже не существуют. Так исчезла вывеска на Никольской: „Портной Иван Доброхотов, из иностранцев". У Сретенских ворот также не видно уже глубокомысленной надписи: „Здесь гробы делают, обивают и напрокат отпускают". Даже у Москворецкого моста исчез портной, который рекомендовался публике с двух улиц; от набережной на вывеске красовалась надпись: „Пантикулярный Трофим"; от Гостинного двора: „Военный Прохоров"...»[8].

Если Кони сотрудничал в «Литературной газете» с самого начала 1845 года, то наиболее естественным его «амплуа» здесь следует считать театральные обзоры и фельетонные обозрения. В одной из статей под рубрикой «Театральная летопись. Александринский театр», где рецензируется «драматическое представление» Н. А. Полевого «Волга и Сибирь», мы находим еще одну «дипломатическую точность»: «Мы передадим,— говорит автор статьи,— все содержание *драматического представления* г. Полевого с дипломатической точностию...»[9].

Еще одну «примету» Кони мы находим в фельетоне «Петербургская хроника», где рецензируется сборник В. А. Соллогуба «Вчера и сегодня». «Последний рассказ „Собачка",— пишет фельетонист „Литературной газеты",— принадлежит самому составителю сборника. Рассказ этот, верный тип некоторых уездных лиц, известен нам очень давно. Мы слышали его еще в Москве, в том же самом живом,

[8] Литературная газета. 1842. 24 мая. № 20. С. 419. Влияние этих публикаций Кони ощущается в «Петербургских углах» Некрасова (1845), где есть сходное описание: «В глазах у меня запестрели отрывочные надписи вывесок, которыми был улеплен дом изнутри с такою же тщательностью, как и снаружи: *делают троур и гробы и на прокат отпускают; медную и лудят; из иностранцев Трофимов...»* (Н15, 7, 333)

[9] Литературная газета. 1845. 22 марта. № 11. С. 197.

драматизированном виде из уст умнейшего и талантливейшего русского актера»[10].

Кони — коренной москвич. Живя в Петербурге с 1836 года, он часто выезжал на лето в Москву, и приведенное свидетельство можно с большой долей уверенности атрибутировать ему.

3

В конце «Литературной газеты» № 1 за 1844 год помещена небольшая статья под заглавием «Разные разности». Она содержит не замеченный до сих пор отзыв на одно из анонимных стихотворных произведений Некрасова и кажется совершенно неуместной рядом со статьей Некрасова «Взгляд на главнейшие явления...».

«...Г-н Карл Шульц, показывающий восковые фигуры, видно, посетителей вовсе не имеет,— пишет автор, переходя к Шульцу от обзора других петербургских балаганов,— потому что решился на такую штуку, которую может внушить только отчаяние. Недавно он выпустил объявление, написанное плохими виршами, где поминаются великие люди, которых слепки имеются у г. Шульца, ужасными комплиментами и невыносимыми остротами»[11].

Фельетонист приводит далее фрагменты текста «Кабинета восковых фигур», посвященные «Вильгельму Васильевичу Телю», Канту и Фридриху Великому.

«...В объявлении по крайней мере пятьсот стихов,— саркастически замечает далее автор фельетона.— С какой целию оно написано? Неужели г. Карл Шульц думал таким способом заманить публику в свой кабинет?..»[12]

Зачем Некрасову, фактическому редактору «Литературной газеты», понадобилось помещать в ней заметку, совсем не обязательную в этом издании? Может быть, ее автор — человек, статью которого Некрасов не мог не принять,— например Белинский? А может быть, Некрасов не был автором афиши «Кабинет восковых фигур» и Ф. С. Глинка, приписав ее Некрасову (Н15, 1, 676), оговорил поэта?

Еще более едкий отзыв на «Кабинет...» напечатан за две недели ранее в «Русском инвалиде». Приведу его полностью: «Вы, вероятно, знаете галерею восковых фигур г. Шульта (так.— **Б. М.**) на углу Литейной и Невского проспекта. Не угадаете ли, к какому средству этот г. Шульт прибегнул для привлечения посетителей? К поэзии! Какая-то послушная лира воспела всех этих восковых героев и героинь; недавно к нам принесли афишу величиною с добрый фуляр и на ней сверху донизу в пять столбцов мелким шрифтом напечатаны стихи. Боже мой, да это целая поэма! Не угодно ли послушать:

---

[10] Там же. 12 апреля. № 14. С. 254.

[11] Литературная газета. 1844. 1 января. № 1. С. 23.

[12] Там же.

А этот просто чучело,
Стоит такой смешной,
В старинной шапке с бантиком,
С небритой бородой,
Стоит да ухмыляется,
Как лошадь на овес,
Да так и заливается,
Такую дичь понес,
Какой-то вальс чувствительный,
Орган его поет,
Ну, просто так разительно,
Что всякого проймет.
Из воску весь составлен он,
А как живой стоит;
Одно мне в нем не нравится:
Совсем не говорит.

И размер стихов, и манера, и остроумие — все это что-то такое нам знакомое. Мы где-то встречались с этим поэтом; мы где-то слыхали эту лиру. Это та самая лира, которая поздравляет вас с новым годом, славит доброту вин в погребе Гордона, служит разносчикам афиш, иногда напевает водевильные куплетцы, иногда, чего доброго, втирается и в некоторые из наших журналов... Послушайте еще:

Здесь жертва варварства и зверства
Великой нации детей
Погибла средь своей столицы
От рук подвластных ей людей.
То ренъ Мари Антоанет,
Ее убили в цвете лет.

Ведь есть же люди, которым досуг писать вирши, а вероятно, найдутся и такие, которые, прочитав эти стихи, нарочно пойдут в галерею г. Шульта и станут там любоваться Реньею Мариею Антоанет,— и г. Шульт достигнет цели!»[13]

Итак, фельетонист «Русского инвалида» узнал автора афиши «Кабинет восковых фигур» и, не называя его имени, дал легко узнаваемый петербургскими литераторами портрет этого автора: тот, кто печатает стихотворные поздравления с Новым годом, служит разносчикам афиш, «иногда напевает водевильные куплетцы» и порою «втирается» в журналы...

Мне известен этот автор. Я расскажу о нем в следующей главе.

---

[13] Русский инвалид. 1843. 19 декабря. № 285. С. 1139.

Глава пятая

«ПИСАЛ ДАЖЕ О СТИХАХ ШВЕЙЦАРОВ...»

В ноябре 1847 года Белинский, сопоставляя свое положение в новом «Современнике» с тем, которое он занимал в «Отечественных записках» 1839—1846 годов, писал В. П. Боткину: «У Краевского я писал даже об азбуках, песенниках, гадательных книжках, поздравительных стихах швейцаров клубов (право!), о книгах о клопах, наконец, о немецких книгах, в которых я не умел перевести даже заглавия...» (Б, XII, 415).

Известные сегодня произведения критика не позволяют проиллюстрировать это его свидетельство достаточным количеством примеров. Большая часть рецензий указанного содержания до сих пор не разыскана и не отнесена к Белинскому. Наиболее загадочная для современного читателя категория печатной продукции из названных Белинским в процитированном письме — «поздравительные стихи швейцаров клубов».

Возникновение этого специфического рода «копеечной литературы» относится к первой половине 1840-х годов, когда книжный рынок был наводнен огромным количеством дешевых коммерческих изданий, рассчитанных на самого непритязательного читателя.

«С некоторого времени литература наша приняла какое-то шутливое направление,— писал в начале 1843 года фельетонист «Литературной газеты» в статье, атрибутированной мною (см. с. 45) Некрасову.— Книг дельных и сериозных выходит очень мало,— книжек и книжечек *ради смеха и забавы* — многое множество. Эти миниатюрные и миленькие спекуляции почти всегда удаются, потому что не стоят труда и издержек антрепренеру, а идут с рук как по маслу, потому что стоят какую-нибудь мелкую монету, каких петербургский житель ежедневно истребляет многое множество на пирожки, ликерцы, расстегайчики, на извозчиков, на

завивку волос, на мытье перчаток и т. п. За тратою лишнего двугривенного или четвертака он не постоит. И вот книжечки, иллюстрированные и неиллюстрированные, раскупаются и плодятся и плодят авторов. <...> Цель же в этих изданьицах почти всегда одна и та же — *мелкая монета*»[1].

Наиболее предприимчивые антрепренеры таких изданий в эту пору — Ф. В. Булгарин, Н. А. Полевой, В. Р. Зотов, В. С. Межевич и др. Как правило, эти копеечные издания выходили к какому-нибудь празднику — к Новому году, к маслянице, к святой неделе и предлагались издателем в качестве поздравления и подарка детям, всем читателям.

Наиболее «демократической» формой таких прибыльных изданий стали листки, афишки, брошюрки с поздравительными или зазывающими стихами, обращенными к определенной категории господствующего класса петербургского народонаселения. Как правило, эти «издания» представляли собою красиво оформленную листовку на плотной цветной бумаге с золотым обрезом или нарядным бордюром, с виньетками и мелкими рисунками. Поздравительные стихи (с Новым годом, Христовым воскресением, сырной неделей и т. д.) на этих листовках печатались крупным красивым шрифтом, а под текстом после имени поздравителя обязательно выставлялись дата цензурного разрешения и имя цензора.

В «Библиографической хронике» «Отечественных записок» однажды было обращено внимание на эту самодеятельную литературу. В февральской книжке журнала 1842 года были расписаны сразу три таких «издания»: 1) Швейцар Бюргер-клуба и новый 1842 год. Санкт-Петербург. В типографии Карла Крайя. 1841. В 8-ю д. л. 1 стр.; 2) Стишки на новый 1842 год, посвященные высокопочтенным посетителям Бюргер-клуба буфетчиком его Васильем Радеевым. СПб. В типогр. Карла Крайя. 1841. В 8-ю д. л. 2 стр.; 3) Почтеннейшим господам, членам Малого танцевального собрания от карточного служителя К. Шульца усерднейшее поздравление с Новым 1842 годом. СПб. В типографии III Отделения собственной е. и. в. канцелярии. В 8-ю д. л. 3 стр.

Критик «Отечественных записок» посвятил этим листкам один абзац: «Мы долго не решались поместить в „Библиографической хронике" эти три стихотворения. С одной стороны, думали мы, ведь не все же печатное относится к области литературы,— иначе придется разбирать и афиши, издаваемые от портных до сапожников; с другой стороны, ведь это стихи,— плохие, правда, но ведь в журналах разбираются не одни хорошие стихотворения. К тому же мы сами рисковали бы показаться непоследовательными перед читателями, если б исключили из хроники эти вирши

[1] Литературная газета. 1843. 28 февраля. № 9. С. 182—183.

швейцаров и буфетчиков, упомянув в ней о „Цветах музы" г. Градцова и „Альбоме для прекрасного пола" г. Милюкова,— разве это не одно и то же? Швейцар подает вам свои стихи с улыбкою, из которой вы ясно видите, что дело не в стихах: дав ему на водку, вы имеете право не только не читать,— даже не взять и в руки стихов, не оскорбляя авторского самолюбия... А *цветы, мечты, звуки, альбомы* поверьте, гораздо хуже: они — порождение самолюбия и претензии, хотя достоинством своим и не выше ни на волос швейцарских виршей...»[2]

В. С. Спиридонов, обнаруживший эту заметку, справедливо атрибутировал ее Белинскому, опираясь на цитированное выше признание критика (Б, V, 612, 849).

К середине 1840-х годов такой формой «литературного заработка» пользовалась, говоря современным языком, вся «сфера обслуживания» Петербурга. Вот что писала по этому поводу «Литературная газета» в 1844 году, сопоставляя русские обычаи и праздники с китайскими: «Неизвестно, подражают ли китайцы тем опустошительным набегам, которые делают на нас, европейцев, с наступлением каждого нового года сторожа, рассыльные, наборщики, разносчики газет и афиш, лакеи, кучера, прачки, полотеры, кухарки и дворники? Уж верно, не подвержены! Иначе все прекрасные дни их любимого праздника <...> пропали бы ни за денежку! Вместо того чтоб веселиться, бедные мандарины принуждены были бы рассчитываться с „политичными господами", которые в новый год смотрят на чужие карманы как на свои собственные и под влиянием особенно красноречивого вдохновения поздравляют публику удивительными стихами, за которые нельзя не заплатить:

Читая сказочки о греческих богах
И превращениях Овидия Назона,
Мы (*разносчики афиш*) сами вздумали добресть до Геликона

И, подражая им, в делах переродиться,
И стихотворцами пред публикой явиться...

и так далее... И все это ради какого-нибудь полтинника, иногда даже и менее... О, полтинник — великое дело!.. Человек на полтинник может быть упоительно счастлив в продолжение целого дня и самый вечер благодаря тому же благодетельному полтиннику проведет артистически!»[3]

[2] Отечественные записки. 1842. № 2. Отд. VI. С. 52—53.

[3] Литературная газета. 1844. 8 января. № 2. Смесь. С. 42.

Одним из пионеров поэтических поздравлений «почтеннейших посетителей» был швейцар открытого в 1842 году петербургского клуба Соединенного общества, называвшегося в просторечии чиновничьим клубом[4], М. И. Марковский.

Большая коллекция оттисков стихотворных поздравлений швейцаров петербургского клуба Соединенного общества, Благородного собрания и Собрания художников 1843—1869 годов — Мартына Ивановича Марковского, Авраа́ма Перфильева и Ефима Дроздова хранится в Пушкинском Доме в фонде Ф. А. и А. Ф. Кони. Именем Марковского здесь подписаны поздравления на 1844, 1845, 1848, 1849, 1852—1855 годы. Вся коллекция обернута листом бумаги, на которой рукой А. Ф. Кони помечено: «Стихи, писанные отцом для швейцаров клубов по их просьбе»[5].

Выясняется, таким образом, что стихотворные поздравления с новым годом швейцара клуба Соединенного общества Марковского, о котором писал Белинский, принадлежит перу известного водевилиста и журналиста, редактора «Литературной газеты» в 1840—1843 и в 1845 годах Федору Алексеевичу Кони. Так вот какого водевилиста, «втирающегося» порой в журналы, имел в виду фельетонист «Русского инвалида». Таким образом, Федору Кони приписывал он «кабинет восковых фигур». Весьма вероятно, что фельетон из № 2 «Литературной газеты» 1844 года, касающийся стихотворных поздравлений с Новым годом, также принадлежит Белинскому.

Белинский, как уже говорилось в первой части книги, принимал участие в критико-библиографическом отделе «Литературной газеты» 1844 года.

Еще более внимательного отношения к себе требует другой фельетон «Литературной газеты», в значительной части посвященный специально стихам швейцаров. Он помещен в № 2 газеты 1845 года под рубрикой «Петербургская хроника» и является, по существу, физиологическим очерком разных форм городской культуры, очерком об оркестрах бродячих музыкантов, сходящихся в Петербург «со всех концов света»; о мелкой «книжной промышленности» (в том числе листках со стихотворными поздравлениями); о зрелищах и концертах для массового зрителя.

Привожу «литературную» часть этого фельетона, включающую два текста «поздравительных стихов швейцаров клуба», о которых упоминает Белинский в уже цитировавшемся письме к Боткину:

«Нельзя не говорить об отличительных чертах наших нравов, когда хотим говорить о явлениях нашей жизни; источник жизненной

---

[4] Помещался в доме госпожи Энгельгардт, ныне Невский проспект, 30.

[5] ИРЛИ, ф. 134, оп. 5, ед. хр. 10.

деятельности заключается в привычках и нравах народа. Действительно, оставя шутки, у нас в Петербурге ни в чем не проявляется такого общего участия, такого единодушного увлечения, такой неистощимой деятельности, как в явлениях музыкальных. Литература у нас интересует весьма немногих,— одни заняты важными делами, другие еще важнейшим бездельем, третьи — картами; русские книги и журналы для них terra incognita. Им некогда заняться чтением, которое требует времени, требует размышления, известной степени образованности, некоторых современных сведений... и бог знает каких еще условий. Притом занятие литературою — наслаждение слишком условное, утомительное и расходистое. Книги и журналы наши расходятся внутри России в глубоких провинциях, где нет наружного блеска жизни, нет пышных балов, шумных маскарадов, великолепных концертов, народных театров с пышными *„драматическими представлениями"*, нет уличных оркестров и даровой комедии на дворах. Поэтому вся наша петербургская литературная деятельность заключается в журналах, весь наш ум поглощается журналами; книг, и в особенности книг дельных, выходит очень мало. Зато огромный простор мелкой книжной промышленности — множество литературных безделушек, как комаров от наших болот, занимает типографии, заваливает книжные лавки,— чтоб на минуту польстить глазу своей наружностию или развлечь праздное внимание легкостью или пустотою своего содержания. Нигде, кроме Петербурга, не могли выйти в свет и быть распроданы эти мириады „побрякушек" и проч. Вот, например, наступил Новый год — лучшее время, когда покупаются и читаются книги, и что же наша литературная деятельность подарила публике на Новый год? Слава богу, мы могли указать уже на две *книги* и на несколько художественных произведений. Но зато Новый год, как и всегда, принес нам по-прежнему стихотворения разносчиков афиш и швейцаров клубов. Шутки ради мы, пожалуй, поделимся одним из этих поэтических созданий с нашими читателями. Между всеми поэтами, поздравляющими *почтеннейшую* публику с Новым годом посредством невинной стихотворной спекуляции, швейцар Клуба Соединенного общества, бесспорно, занимает первое место между поэтами-швейцарами, как и самый клуб занимает ныне важное место между подобными заведениями. Вот как наш поэт приветствует своих членов и посетителей так называемых „семейных вечеров":

ПОЧТЕННЕЙШИЕ ГОСПОДА
ЧЛЕНЫ СОЕДИНЕННОГО ОБЩЕСТВА!

Когда Юпитер создал мир,
В народах было толку мало,
И в *первый* новый год — на пир
Собрались все — куда попало.

Тогда не лезли далеко,—
Из мест и крестиков не бились
И с доброй вдовушкой Клико
Еще доходом не делились.

Но всякий ел что бог послал
И, не завидуя соседу,
Водицей чистой запивал
Свою веселую беседу.

Тогда весь люд попроще жил:
В костюме следовал природе,
Шинелей, шуб себе не шил
И шапок не носил по моде.

Но нынче уж народ не глуп,—
Курит сигары, а не трубку,
Завел для карт и танцев клуб
И носит норковую шубку.

И в силу этого теперь
Нужна для общества прислуга,
Чтоб отворяла настежь дверь
И все добро, как верный зверь,
Хранила от врага и друга.

Сия прислуга есть швейцар!
Я им служу у вас доныне
И вам по таковой причине
На Новый год как должный дар
Почтительно имею честь
Мои желания поднесть.

Пусть дамы наши, как всегда,
Летают весело в галопе,
Не зная, где живет беда,
И — не заботясь о салопе!

Пусть в танцах, не жалея ног,
Беспечно молодежь порхает,—
Я все что нужно приберег,
Галош никто не растеряет.

Пускай охотники в лото
С семи до двух часов играют

И в девяносто карт за то
Пять ставок в вечер зашибают!

Пусть, кто играет в преферанс
По гривне или по полтине,
Всегда имеет верный шанс
И прежде всех сидит в малине!

Желаю, чтоб холостяки
Нашли по миленькой невесте
И чтоб старушки, старики
Помолодели с ними вместе!

Супругам мой завет таков:
Не знать ни ссор, ни разногласья
И брать с *семейных вечеров*
Пример семейного согласья!

Кончаю, чтоб не надоесть,
Как наш пиита Тредьяковский,
И быть затем имею честь

Мартын Иванов сын Марковский.

К чести г. Марковского мы должны еще прибавить, что талант его с каждым годом совершенствуется. Вы убедитесь в этом сами, прочитав его поздравление прошлого года. Вот оно:

С *Новым годом* честь имею
Вас поздравить, господа,
И желаю, как умею,
Вам премногие года!

Пусть чины на вас валятся,
Словно манна с облаков,
Семьи пусть у вас плодятся
Для *семейных вечеров*;

Пусть награды годовые
Умножают ваш доход
И оклады пусть двойные
Принесет вам новый год!

Я молю: Господь, помилуй
От *ремизов* вас везде,—

И по *службе*, и у *милой*,
Да и в *карточной беде*;

Чтоб скорей досталась пряжка,
Чтобы выгод рос итог
И чтоб вам не знать, как тяжко
В сборах быть без четырех.

Пусть танцуют в наших залах,
Пробки скачут за столом,
Дамы пусть цветут на балах,
Как цветочки за столом.

А меж тем все члены клуба
Быть спокойными должны,—
Их калоши и их шуба,
Точно клад, сбережены...

Уж обычай здесь таковский!
И затем подносит в дар
Вам стихи свои

Марковский,
Ваш покорнейший швейцар»[6]

Оба приведенные фельетонистом «Литературной газеты» поздравительные стихотворения имеются и в названной выше коллекции оттисков Ф. А. Кони, в которой они — самые ранние.

Известно, что Белинский сотрудничал в «Литературной газете» и в начале 1845 года, пока ее официальным редактором был Краевский, а фактическим руководителем оставался Некрасов. В № 6—8 газеты этого года, как я уже говорил, помещена его большая статья «Портретная галерея русских писателей. Кантемир». Не исключена принадлежность Белинскому и каких-либо других материалов «Литературной газеты» 1845 года.

Что же касается фельетона «Петербургская хроника» со стихами швейцара чиновничьего клуба,— принадлежность его Белинскому столь же вероятна, как и принадлежность ему коротенькой заметки в февральском номере «Отечественных записок» 1842 года.

Что же касается стихотворных поздравлений петербургских швейцаров, эта традиция закрепилась в Петербурге, вышла далеко за его пределы и была жива по крайней мере до конца XIX столетия. Прекрасное тому подтверждение — хранящаяся в Рукописном отделе Пушкинского Дома другая коллекция таких

[6] Литературная газета. 1845. 11 января. № 2. С. 39.

материалов 1860—1890-х годов. Название этой архивной единицы: «Поздравительные печатные стихотворения служителей при училищах, ресторанах, трактирах, швейцаров, газетных разносчиков, трубочистов и т. п., числом 24»[7].

В этом собрании — оттиски стихотворных поздравлений групп служителей петербургского училища св. Анны (на русском и немецком языках), швейцаров Собрания петербургских художников, московского купечества, Большого Патрикеевского трактира (купца И. Я. Тестова), швейцара петербургского Немецкого собрания, киевских трубочистов, разносчиков газеты «Волжский вестник» (Казань) и т. д.

Белинский и «Литературная газета», таким образом, зафиксировали самое зарождение этой любопытной литературной традиции.

Автор этой книги не считает, что характер и степень участия Некрасова и Белинского в «Литературной газете» могут считаться теперь до конца проясненными. Сосредоточившись преимущественно на текстологических вопросах (критический пересмотр и пополнение всего комплекса выступлений обоих авторов в газете, выявление всех этапов сближения и расхождения Некрасова и Белинского с редакцией «Литературной газеты» и друг с другом, изменения их «статуса» при этом издании и, наконец, попытка исправить ряд ошибок в установлении авторства Некрасова, Белинского и Кони в отдельных публикациях «Литературной газеты»), я почти не касался идейных и литературно-общественных связей в выступлениях Некрасова и Белинского в этом издании. Такая работа, в значительной части проделанная исследователями отдельных произведений Некрасова и авторами академического комментария к ним, безусловно может дополняться и, главное, должна быть обобщена. Однако исследователям этой проблемы придется анализировать в комплексе журнальные материалы всех изданий Краевского («Литературная газета», «Отечественные записки» и «Русский инвалид») и публикации противостоящих им «Библиотеки для чтения», «Северной пчелы», «Сына отечества», «Маяка», «Иллюстрации» и т. д. Словом, интересной и важной работы впереди много.

---

[7] ИРЛИ, ф. 193, оп. 1, ед. хр. 478.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Часть I. ХРОНИКА СОТРУДНИЧЕСТВА

Глава первая. Год 1840-й. Начало 9

Глава вторая. Год 1841-й. На службе у Федора Кони 25

Глава третья. Год 1842-й. У Краевского в ученье 31

Глава четвертая. Год 1843-й. «Я видел, как принялся за него Белинский» 42

Глава пятая. Годы 1844—1845-й. Негласный редактор «Литературной газеты» 49

Часть II. ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ О НЕКРАСОВЕ И БЕЛИНСКОМ

Глава первая. «Пришлю статью о ярославском театре...» 62

Глава вторая. «Пишу статью „Ярославская литература"...» 80

Глава третья. «Замечательное сходство», или Мнимый Белинский 101

Глава четвертая. Мнимый Некрасов? 111

Глава пятая. «Писал даже о стихах швейцаров...» 118

Б. В. МЕЛЬГУНОВ

НЕКРАСОВ И БЕЛИНСКИЙ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»
(хроника, гипотезы, находки)

Утверждено к печати
ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(Пушкинский Дом)

Редактор *О. М. Волкодатова*
Технический редактор *Д. Д. Положенцев*
Корректор *А. А. Спасская*

ИБ № 44611

Сдано в набор 20.02.95. Подписано в печать 22.03.95.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Балтика.
Печать офсетная. Уч. печ. л. 8. Тираж 500. Зак. № 100

Издательство «Велень» 194156, Санкт-Петербург, пр. Энгельса д. 21